

ОРДЕН
ЗНАК
ПОЧЕТА

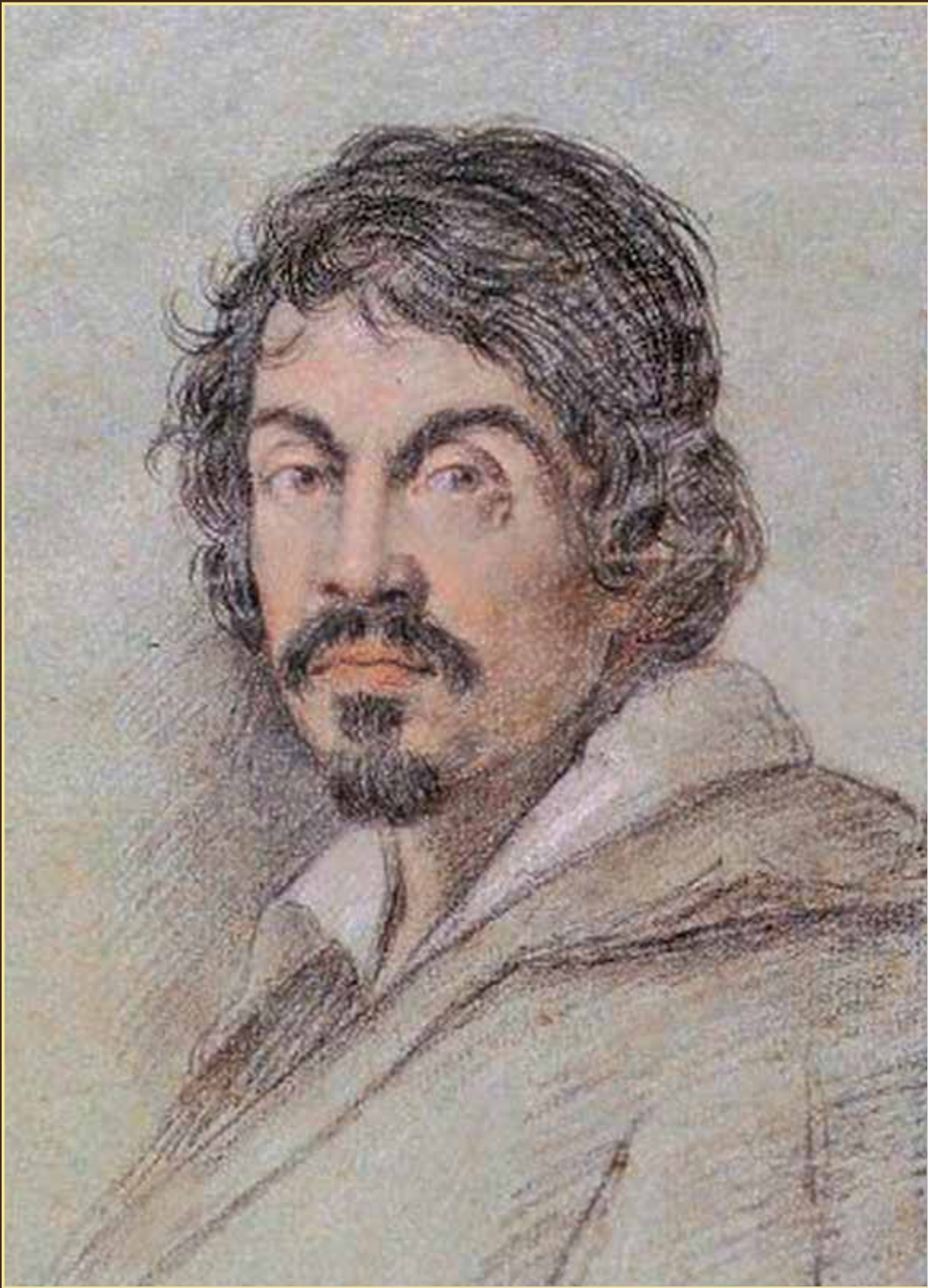
СМЕНА

№1 ЯНВАРЬ

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

2018

О жизни и творчестве художника Караваджо
читайте на странице 66.

Неизвестное об известном

Юрий Осипов	«Вечный холостяк» доктор Чехов.....	4
-------------	--	---

Замечательные современники

Олег Юзифович	Из «Доброй сотни»	25
Евгения Гордиенко	Музыка и поэзия Елены Камбуровой	52
Елена Воробьева	Михаил Половенко: «Получайте радость от каждого прожитого дня»	76
Георгий Кричевский	Владимир Этуш: «Я по-прежнему "голодный" актер»	112

Поэзия

Анатолий Коротков	Стихи	48
-------------------	-------------	----

Рассказ

Серафим Чихладзе	RG-2	58
Наталия Старых	Новогодний клан	124

Шедевры

Ирина Опимах	Караваджо. «Поцелуй Иуды»	66
--------------	------------------------------------	----

Это интересно

Дмитрий Зелов	Колючая судьба пушистой красавицы	82
---------------	--	----

Минувшее

Светлана Бестужева-Лада	Прирожденная дипломатка	86
-------------------------	-------------------------------	----

Итоги конкурса «Посмеемся вместе»

Александр Жиров	Говорящий лифт	104
-----------------	----------------------	-----

Детектив

Иосиф Гольман	Любовь, ненависть и белые ночи	134
---------------	---	-----

Кроссворд. Эрудит

**Главный редактор,
генеральный директор**

Кизилев Михаил Григорьевич

**Заместитель главного
редактора**

Чичина Тамара Васильевна,
tomasmena@mail.ru

Арт-директор

Веселова Надежда Александровна

**Директор
по распространению**

Яркина Мария Александровна,
sales@smena-online.ru

Web-редактор

Калиша Людмила Григорьевна,
smena24@mail.ru

Корректор

Чекова Валентина Михайловна

Обложка

С Новым годом!

Иллюстрации

Рябинин Лев Анатольевич

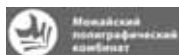
**УЧРЕДИТЕЛЬ
И ИЗДАТЕЛЬ:**
**Общество с ограниченной
ответственностью
«Издательский дом
журнала «Смена».**

Адрес редакции
и издателя:
127994, Москва,
Бумажный пр., д.14
тел. (495) 612-15-07,
e-mail: sales@smena-online.ru
www.smena-online.ru

© ООО «Журнал «Смена»

Исключительные права на текстовые и фотоматериалы, публикуемые в журнале «Смена», принадлежат ООО «Журнал «Смена» и охраняются в соответствии с законодательством РФ и международными соглашениями.

Отпечатано:

**ОАО «Можайский
полиграфический комбинат».**

143200, г. Можайск, ул. Мира, 93.
Тел. 8-495-745-84-28, 8-49638-20-685

Тираж — 8100

Зак. №

Цена свободная

Номер подписан в печать: 19.01.2018

**Выпуск издания осуществляется при финансовой
поддержке Федерального агентства по печати и мас-
совым коммуникациям**

« Поражение, которое русская армия потерпела в 1806 году под Аустерлицем, нарушило привычный ход жизни (и мыслей) российского общества.

К сожалению, император Александр I взял на себя функции главнокомандующего, к чему был решительно не способен. Разочарование было всеобщим, к тому же многие офицеры высшего звена чувствовали себя оскорбленными и пришли к мысли, что нужно что-то менять. Желательно, государственный строй. Так в России стали образовываться тайные политические общества, и это закончилось восстанием декабристов. Одним словом, заигрались барские детки и доигрались до каторги...

Светлана **Бестужева-Лада** «Дворянские "шалости"»

« Франц Йозеф Гайдн был едва ли не самым знаменитым композитором своего времени. Гениальный Моцарт с трогательной нежностью называл его «папой».

Он давал уроки молодому Бетховену. Его произведениями восхищалась добрая половина монархов тогдашней Европы. В самом деле, вряд ли можно найти другого композитора, мелодии которого отличались бы такими волшебными созвучиями...

Алла **Зубкова** «Повелитель мелодий из Эстерхаза»

« В 2017 году легендарному актеру Павлу Луспекаеву исполнилось бы 90 лет. «Белое солнце пустыни». Таможенник Верецагин. Именно эта картина

(в ней он снимался на протезах, потому что ходить толком уже не мог) принесла артисту фантастическую народную любовь, славу и бессмертие. Отныне российские таможенники считают Верецагина своим символом. И неспроста рядом со штаб-квартирой Федеральной таможенной службы стоит бронзовый Павел Луспекаев с маузером в руке, а ниже выбита его знаменитая фраза: «Я мзду не беру, мне за Державу обидно!»

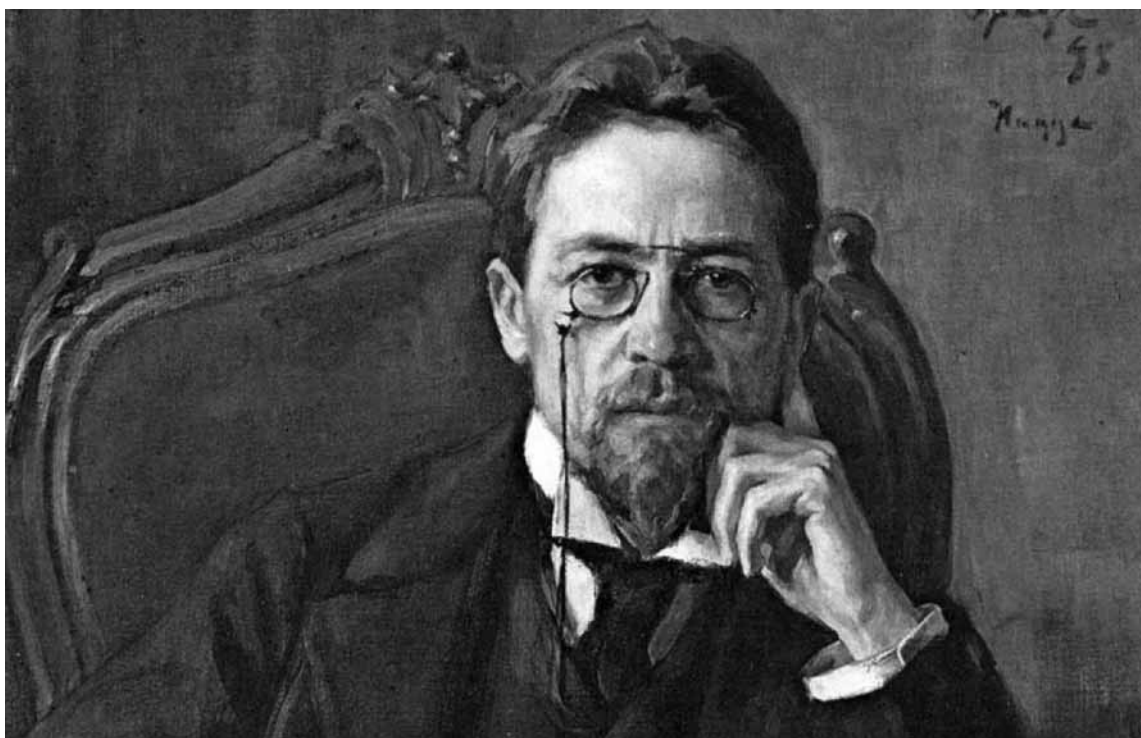
Андрей **Колобаев** «Госпожа Победа»

« Беседа журналистки Елены **Воробьевой** с Денисом Дмитриевым — премьером балетной труппы Московского государственного музыкального театра имени Станиславского и Немировича-Данченко. Незабываемый

Зигфрид — в «Лебедином озере», принц в балете «Щелкунчик», граф Альберт в «Жизели», Вронский — в «Анне Карениной», Парис в «Ромео и Джульетте»... Талантливый молодой танцовщик, обладающий вдобавок красивой внешностью, он буквально создан для этих ролей и надолго запоминается зрителям.

« Детектив Наталии **Солдатовой** «Божья коровка»

«ВЕЧНЫЙ ХОЛОСТЯК» ДОКТОР ЧЕХОВ

О нем написано так много, что, кажется, и прибавить уже нечего. Его жизнь рассмотрена сотнями исследователей и мемуаристов буквально под микроскопом. Книги и пьесы этого второго по популярности в мире после Шекспира русского драматурга становятся нашими спутниками еще со школьной скамьи. А сам он, человек и художник, по-прежнему остается загадкой. И оттого — еще притягательнее и интереснее.

Его называли голосом и совестью российской интеллигенции. Чехов же отрекся от нее и писал: *«Я не верю в нашу интеллигенцию, лицемерную, фальшивую, истеричную, невоспитанную, ленивую, не верю даже тогда, когда она страдает и жалуется, ибо ее притеснители выходят из ее же недр»*. Как верно и как актуально сегодня!

Милый, добрый, застенчивый доктор Чехов — таким он переходит в наше сознание со страниц школьного учебника. Но соответствует ли подобному расхожему представлению этот жизнерадостный красавец ростом 182 см, со смеющимися глазами и приятным баритоном? Закрытый, сдержанный, исключительно гордый и принципиальный человек, Антон Павлович ни в юности, ни в зените славы никогда не жаловавшийся окружающим (в отличие от его литературных героев) на тяготы жизни и мучительную многолетнюю болезнь — туберкулез, которая задолго до срока свела великого писателя в могилу? Нет. Подлинный Чехов совсем непохож на свой идеализированный образ.

И даже по отношению к женщинам он совсем не тот, кем мы привыкли его считать. Деликатным с прекрасным полом Чехов действительно был всегда. Однако робостью, неискушенностью в вопросах любви отнюдь не отличался. *«Все тайны любви я познал в 13 лет»*, — откровенно признался однажды Антон Павлович в журнальном интервью. А в письме без тени смущения сообщал: *«Распутных женщин я видывал и сам грешил многократно»*. Любовные же атаки на себя жеманных светских дамочек знаменитый литератор отражал мягко, но умело, в духе милой, ни к чему не обязывающей игры. И только к Лике Мизиновой испытывал сильное, глубокое чувство, которое прорвалось у него в словах письма: *«Лика! Я люблю Вас страстно, как тигр, и предлагаю Вам руку»*. А дальше, спохватившись, подписался: *«Предводитель дворняжек Головин-Ртищев. P.S. Ответ сообщите мимикой. Вы — косая»*.

Спрашивается, какого «раба», по его собственным словам, Чехов, эталон человеческого достоинства, мужества и духовной культуры, «по капле выдавливал из себя всю жизнь»? Ответ он таил в душе. Но то, что ему, сыну таганрогского лабазника, до 16 лет вынужденному по восемь часов в день стоять за прилавком в отцовской лавке и обвешивать покупателей, пришлось впоследствии изживать влияние темной, реакционной провинциальной среды, несомненно.

Некоторые отголоски того влияния мы находим в противоречиях сложной чеховской натуры. Намыкавшись смолоду в изнурительной литературной поденщине, взяв затем на свое попечение разорившегося отца, мать, сестру, Антон Павлович ценил деньги и собственность. И в то же время бывал на редкость бескорыстен, непрактичен и никогда не отличался мелочностью. Купив мелиховскую усадьбу, бесплатно принимал в ней больных со всей округи, выезжал на холеру. Неприязненно относился к евреям и — тесно дружил с Левитаном. Водил знакомство с публицистами и издателями крайне правого толка, но вежливо сторонился милостей царской семьи и — деятельно сочувствовал обездоленным, угнетенным...

Антон Павлович Чехов родился 17 (29) января 1860 года в Таганроге на Полицейской улице в небольшом доме купца третьей гильдии, владельца бакалейной лавки Павла Егоровича Чехова. «Мой отец и дед были крепостными у Черткова», — писал Антон Павлович литератору А. Эртелю. В 1840 году отец писателя работал на сахарном заводе этого помещика, а в 1841 году его дед выкупил на волю себя и всю свою семью.

Мать Чехова, Евгения Яковлевна (в девичестве Морозова), к 12 годам оставшаяся без родителей, обучалась музыке и танцам в таганрогском «институте благородных девиц» мадам Куриловой. Ее роль в формировании личности и характера детей была велика. Антон унасле-

довал от матери особую мягкость и отзывчивость, вспоминал, что каждого из детей она любила индивидуально и верила, что и те любят ее каждый по-своему. Мужа Евгения Яковлевна во всем поддерживала, разделяя его взгляды на воспитание детей. Разорение супруга и переезд в Москву переживала тяжело. Спокойствие обрела лишь тогда, когда семье улыбнулось благополучие. Руководство всеми домашними делами в Москве и в Мелихове целиком легло на ее плечи.

Раннее детство Антоши протекало в нескончаемых церковных праздниках и именинах. В будние дни после школы братья должны были сторожить отцовскую лавку, а в пять утра вставали, чтобы петь в церковном хоре. Чехов говорил: *«В детстве у меня не было детства»*. Отдушиной для старательного мальчика стала таганрогская гимназия, старейшее учебное заведение на юге России, куда он поступил, окончив греческую школу.

В гимназических классах с портретами ученых мужей на стенах и низкими окнами, в стекла которых по весне стучались на ветру ветви акаций, формировалось у будущего писателя видение мира. Здесь зародилась любовь Антона к книгам и к театру. Здесь начались его первые литературные опыты. Здесь он получил от учителя Закона Божьего Ф. Покровского свой первый литературный псевдоним — «Антоша Чехонте»...

Стремление к творчеству пробуждали в подростке также музыка

Слева:

**Павел
Егорович
и Евгения
Яковлевна
Чеховы —
родители
А.П. Чехова**

**А.П. Чехов
в молодости**

и таганрогский театр, в котором Антон побывал впервые в 13 лет на оперетте Ж. Оффенбаха «Прекрасная Елена». После этого он стал страстным театралом и позднее писал в одном из писем: *«Театр давал мне когда-то много хорошего... Прежде не было для меня большего наслаждения, как сидеть в театре»*. Не случайно персонажи в его первых юмористических новеллах — актеры и актрисы.

Чехов-гимназист — еще и самодеятельный издатель юмористических журналов с подписанными им рисунками (к чему он во взрослом возрасте больше руки не приложит). Он писал в эти журналы смешные рассказы и сценки. Уже в те далекие гимназические годы его всерьез захватывает драматургия. Незадолго до выпуска из гимназии будущим автором «Чайки» была написана первая пьеса «Безотцовщина». Годы

учебы стали для него очень важным периодом духовного созревания, дали ему богатейший писательский материал. Самые колоритные персонажи будут впоследствии срисованы Чеховым по памяти с типажей, которых он встречал в гимназии. Одним из них был его учитель по математике Эдмунд Дзержинский, чей сын возглавил после Октябрьской революции зловещую ВЧК.

В 1876 году Павел Егорович распродал за долги все имущество, включая дом, и, спасаясь от кредиторов, уехал с семьей в Москву. Антон, которому предстояло еще три года учебы, оставшись без средств к существованию, зарабатывал на жизнь частными уроками. После окончания гимназии в 1879 году он тоже отправился в Москву и поступил на медицинский факультет Московского университета. Начиналась новая жизнь.

На медицинском факультете Чехов учился у Н. Склифосовского, Г. Захарьина и других известных профессоров. Еще будучи студентом, помогал врачам в Чикинской больнице, где и начал работать по окончании курса. По воспоминаниям П. Архангельского, *«Антон Павлович производил работу не спеша... все делал с вниманием и видимой любовью к делу, особенно с любовью к тому больному, который проходил через его руки»*. Брат Иван получил место учителя в подмосковном городе Воскресенске. Ему была выделена просторная квартира (!), куда на ле-

то приезжала вся семья, жившая в стесненных условиях.

Дебют Чехова в печати с юмористическими рассказами состоялся, когда писатель учился на первом курсе. Его многочисленные юморески, фельетоны, сатирические зарисовки появлялись в московской и петербургской периодике под псевдонимами «Антоша Чехонте», «Человек без селезенки» и их вариантами. Эти публикации приносили существенный приработок к врачебной зарплате, однако крайне изнуряли автора. В то время он, по его собственным словам, писал по рассказу в день. Ширилась известность молодого, пока еще скрывавшегося под псевдонимами беллетриста.

В 1884 году был опубликован второй сборник его коротких рассказов «Сказки Мельпомены» (первый сборник «Шалость» не пропустила цензура). Антон Павлович вошел в круг избранных литераторов, постоянно сотрудничал с популярными петербургскими еженедельниками «Осколки» и «Стрекоза», с суворинской газетой «Новое время», с «Русскими ведомостями». На последующие три года приходится расцвет Чехова как «беллетриста-миниатюриста», пользовавшегося большим успехом у читающей публики. Современники полагали, что он так и останется в этом жанре.

Антон Павлович в те ничем не омраченные для него годы был здоров и весел. Трудно вообразить, но в 1883 году он стал одним из учредителей Русского гимнастического

общества. Щеголял своей способностью придумывать любые сюжеты. Говорил знакомому: *«Видите чернильницу? Завтра будет рассказ о чернильнице»*. И точно — на другой день показывал готовый рассказ. А три года спустя Чехов получил письмо от литературного мэтра Дм. Григоровича с упреком за то, что он тратит свой талант на *«мелочишки»*. *«Голодайте лучше, как мы в свое время голодали, поберегите ваши впечатления для труда обдуманного...»*

писателе переменах. В том же году он отправился на юг, к родным местам. Затем предпринял путешествие гоголевскими маршрутами, ездил в Крым, на Кавказ. Поездки оживляли воспоминания молодости, но, главное, давали материал для классической повести *«Степь»*, первого чеховского произведения, появившегося в журнале *«Северный вестник»* и принесшего ему восторженное признание читателей и критики.

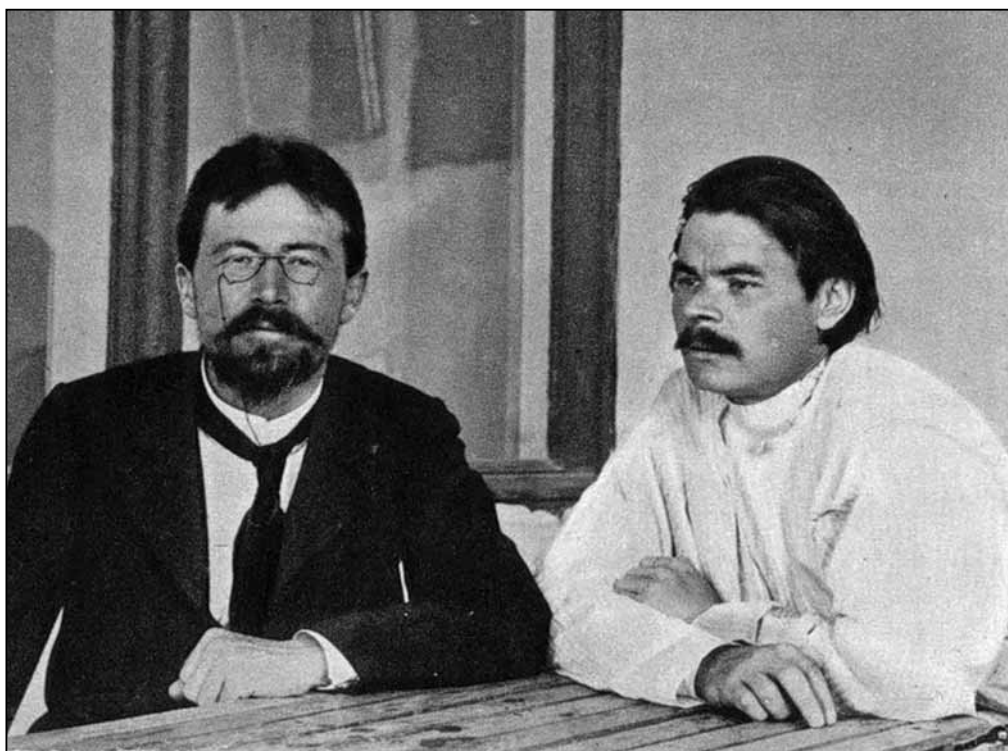
Относительно врачебной практики Чехова в Москве и в других местах

Дебют Чехова в печати с юмористическими рассказами состоялся, когда он учился на первом курсе Московского университета. Эти юморески, фельетоны, сатирические зарисовки выходили в московской и петербургской периодике под псевдонимами «Антоша Чехонте», «Человек без селезенки» и их вариациями. Так постепенно ширилась известность пока еще скрывавшегося под псевдонимами писателя

Молодой, набравший силу писатель прислушался к дельному совету и с 1887 года все меньше сотрудничал с юмористическими журналами, с *«Будильником»* же вообще прекратил сотрудничество. Кладезь его творческого воображения и запас жизненных впечатлений не иссякли, однако чеховские рассказы становились все отточеннее, глубже, объемнее. Желание путешествовать также свидетельствует о происходивших в

имеются лишь отрывочные сведения в письмах самого писателя. Известно, что в 1887–88 годах у него в Москве был постоянный прием больных, о чем он извещал приятеля: *«Принимаю я ежедневно от 12 до 3 часов. Для литераторов же мои двери открыты настежь день и ночь»*. Собираясь ехать в Харьковскую губернию, Антон Павлович писал в мае 1888 года В. Короленко: *«Мечтаю о гнойниках, отеках, поносах... и прочей*

*А.П. Чехов
и М. Горький*

благодати. Летом обыкновенно полдня принимаю расслабленных, а моя сестра ассистирует мне, — это работа веселая». Врачом Чехов не переставал быть никогда.

Осенью 1887-го в письмах Антона Павловича появляются упоминания о работе над романом «в 1500 строк». Работа продолжалась два года, пока тяготившийся таким большим размером писатель не отказался от своего замысла, поняв, что крупная форма — не для него. Кроме того, требовались, как он писал Суворину, «возмужалость» и «чувство личной свободы». «А это чувство, — прибавляет Антон Павлович, — стало разгораться во мне только недавно».

Несмотря на растущую после выхода «Степи» и «Скучной истории» славу, когда читающая публика с нетерпением ждала каждое его новое

произведение; несмотря на обилие материала и блестящий талант, недовольство собой к концу 80-х годов вновь погнало писателя в дальние путешествия. Увы, они не принесли желанного удовлетворения. Ему требовалась какая-то другая, осмысленная большая поездка. Вариантами были кругосветка, Средняя Азия и Персия, Сахалин.

Решение поехать именно на каторжанский Сахалин окончательно и бесповоротно созрело у писателя летом 1889 года после обсуждения этого намерения с артисткой А. Каратыгиной, путешествовавшей по Сибири и Сахалину десятью годами ранее. Ко времени этой, в полном смысле слова, героической поездки туберкулез у Чехова вовсе давал себя знать. В 1884 году у него открылось кровоотечение из правого легкого.

Между тем жизнь писателя, наконец, вошла в комфортное русло. Ему была присуждена «половинная» Пушкинская премия Академии наук за третий сборник рассказов «В сумерках». В забавно звучащем сегодня постановлении академической комиссии говорилось: *«Рассказы г. Чехова, хотя и не вполне удовлетворяют требованиям высшей художественной критики, представляют однако же выдающееся явление в нашей беллетристической литературе»*.

Весной 1890 года Антон Павлович отправился в путь на Сахалин через Сибирь. Дорога заняла у него 82 дня, за которые он написал цикл очерков под общим названием «Из Сибири». На Сахалине Чехов провел несколько месяцев, собирая богатый материал для будущей книги. Администрацией острова ему было запре-

щено общаться с политзаключенными, однако он нарушил этот запрет. Кроме того, провел полную перепись населения Сахалина, заполнив несколько тысяч карточек.

Следующие пять лет Чехов работал над своей потрясающей обличительной книгой «Остров Сахалин» и признавался, что путешествие туда

*Ольга
Книппер*

Справа:
*А.П. Чехов
с женой
Ольгой
Книппер*

оказало огромное влияние на все его дальнейшее творчество. Двухэтажный деревянный флигель на Малой Дмитровке (бывшей улице Чехова), где писатель поселился по возвращении в Москву, стал также немым свидетелем рождения чеховских шедевров поздних лет: повестей «Попрыгунья», «Дуэль», «Палата №6». Пьесы он начал писать еще раньше, в 70-е, но самые знаменитые — «Иванов», «Чайка», «Дядя Ваня», «Три сестры» тоже пришлось на этот едва ли не самый плодотворный период. Последняя, «Вишневый сад», была создана незадолго до смерти Чехова, в 1903 году.

Чеховская драматургия впервые увидела свет в журнальной периодике, а когда добралась до сцены, ее своеобразие многие восприняли как неумение автора справиться с

задачей последовательного драматического движения. Рецензенты отмечали отсутствие «сценичности», «растянутость», «недостаток действия», «беспорядочность диалога», «разбросанность композиции» и слабость фабулы. Одним словом, новый сценический язык, подтекст (персонажи говорят одно, думают другое), поэтичная непосредственность, погруженность действия в бытовую среду ради правды действительности были поставлены драматургу в вину. Ошеломляющее новаторство его пьес не пришлось по душе даже высоко ценившему чеховскую прозу Льву Толстому, который, с присущей ему парадоксальностью, говорил Антону Павловичу: «На что Шекспир плохо пьесы писал, так ваши еще хуже».

А ведь именно благодаря всем этим новшествам «странные» пьесы

Чехова более ста лет не сходят с театральных подмостков мира. МХАТ Станиславского и Немировича-Данченко триумфально возродил чеховскую драматургию к новой жизни, раскрыл просвещенным зрителям ее непреходящую эстетическую ценность, ее завораживающее «подводное течение». Чеховская чайка перелетела на занавес Художественного театра, стала его символом. Самого драматурга основатели МХАТа и труппа почитали и обхаживали как своего главного и любимейшего (наряду с Горьким) автора, как живой талисман, залог неизменного успеха. Такое почитание, включая «целевое» внимание ведущих актрис, скорее утомляло, нежели радовало тяжело больного Антона Павловича, который с беспощадностью

врача давно поставил себе неутешительный диагноз, даже составил завещание. И, несмотря на окружающих, искренне любивших его людей, чувствовал себя очень одиноким, как человек, приговоренный к смерти.

Душу и характер творчества зрелого Чехова мало кто понимал. И это также усугубляло чувство одиночества. Его называли в печати «певцом сумеречных настроений» (что особенно раздражало писателя), не придавали, вплоть до сегодняшнего дня, значения тому, что свои печальнотемящие пьесы он почему-то называл комедиями. А ведь в подобном жанровом определении — ключ к их прочтению и постановке! Чехов часто бывал глубоко уязвлен пошлостью жизни, которую так ярко опи-

сывал в своих произведениях, и с горечью шутил при виде шумного успеха поверхностного беллетриста Потапенко: *«Меня будут читать еще лет семь с половиной, а потом забудут»*.

В мезонине на Малой Дмитровке и в мелиховской усадьбе Чехов не показывал вида, что болен, своим многочисленным гостям и домочадцам, добродушно спорил с собратьями по перу, устраивал, при участии сестры и Левитана, веселые проделки, шуточные розыгрыши. И рабо-

тал, работал, работал... Мелихово он купил в 1892 году и прожил там до 1899 года, написав за этот срок 42 вещи. А еще ухаживал за садом, разводил экзотические овощи и фрукты, привезенные из дальних путешествий, бесплатно принимал в отдельном помещении больных крестьян со всей округи. Случалось, вырывался из «мелиховского сидения» в поездки по Европе. Возвращался освеженным новыми впечатлениями и снова брался за работу.

*А.П. Чехов
и Л.Н. Толстой*

Шаляпин, Бунин, Горький, Григорович, прославленные художники, адвокаты, ученые, артисты — вот далеко не полный перечень тех, кто составлял круг общения Чехова. Он наставлял в трогательных письмах беспутного брата, давал ценные советы начинающим писателям, пачками присылавшим ему свои опусы, по долгу врача не отказывал в медицинской помощи больным. Вот только лекарства от своего одиночества и затаенной грусти найти не мог, хоть привычно искал его в женском тепле.

кого, который вскоре передаст театру свою пьесу «Мещане». А в соседней Гаспре Чехов познакомился с Львом Николаевичем Толстым, также приехавшим в Крым для поправки здоровья.

Бунин вспоминал, что перед визитом к Толстому Антон Павлович выбегал в гостиную то в одних брюках, то в других, опасаясь показаться тому фатом, и, в ответ на подшучивания Бунина, совершенно искренне оправдывался: *«Ведь это он написал, что Анна чувствовала, как у нее*

К

огда чеховская драматургия добралась до сцены, ее своеобразие многие критики восприняли, как неумение автора справиться с задачей последовательного сценического движения. Отсутствие «сценичности», «растянутость», «недостаток действия», «разбросанность композиции» — все это ставилось в вину молодому драматургу

Уже под конец жизни Чехова посетила большая любовь. Но и она оказалась пронизана болью и безнадёжностью.

В конце 98-го года из-за обострившегося туберкулеза писатель продал мелиховскую усадьбу и купил небольшой участок земли в Ялте, где был построен уютный дом и разбит сад. Туда к нему весной 1900 года приехала во главе со Станиславским вся мхатовская труппа, чтобы поздравить его с премьерой «Чайки». И там же он впервые представил мхатовцам гостившего у него Горь-

в темноте светятся глаза... Нет, я его просто боюсь». И сам смеялся.

В ялтинском доме Антон Павлович теперь проживал постоянно, лишь изредка наезжая в Москву по издательским и театральным делам. В один из таких приездов он удачно продал книгоиздателю А. Марксу права на все свои написанные и еще ненаписанные произведения. И чуть раньше близко познакомился на репетиции в МХАТе спектакля «Царь Федор Иоаннович» с 30-летней актрисой Ольгой Книппер, которая играла царицу Ирину.

Та его буквально покорила. Старый холостяк дрогнул. А Ольга Леонардовна с чисто немецкой целеустремленностью усилила натиск. Чехова она уже успела заприметить на репетициях «Чайки» и сразу была им очарована. *«Мы все были захвачены необыкновенно тонким обаянием его личности, его простоты»,* — писала она.

Их роман развивался достаточно стремительно, хотя к тому имелись серьезные препятствия. Книппер ранее состояла в интимных отношениях с Немировичем, и Антон Павлович сильно ревновал ее, несмотря на то, что еще до брака Ольги Леонардовны с Чеховым на визиты к ней в дом режиссера было наложено табу. Они виделись теперь только в театре. А «храму» театра талантливая актриса служила без-

заветно, и разлуку с любимым «Дусей» (так она нежно называла Чехова в письмах), который по болезни вынужден был зимовать в Ялте, переносила много легче, чем он.

Они обвенчались весной 1901 года в церкви на Плющихе. После наступления первых осенних холодов курьерский поезд вновь унес писателя в Ялту, а Книппер-Чехова отправилась с театром в очередные гастроли. *«Жена моя остается в Москве одна, и я уезжаю одиноким,* — писал Антон Павлович Бунину. — *Она плачет. Я ей не велю бросать театр. Одним словом, катавасия». «Тебе, верно, странно думать, что где-то далеко есть у тебя мифическая жена?»* — вопрошала Ольга мужа. Оба будто пытались в письмах компенсировать частые расставания пылкими обещаниями грядущей

**А.П. Чехов
в Ялте**

Слева:

**Ялтинский
дом**

совместной жизни, надеждами на супружеское счастье.

Так, в постоянных полуразлуках и скрытых разочарованиях протекал их недолгий брак. *«Вы писатель, я — актриса. Попали мы с вами в переплет. Сюжет для небольшого рассказа»*, — говорит в «Чайке» Нина Заречная Треплеву. Сюжет повторился в жизни автора пьесы.

В 1900 году на первых же выборах по Отделению русского языка и словесности Академии наук Чехов был единодушно избран в число почетных академиков. А уже в следующем году вместе с В. Короленко сложил с себя это звание в знак протеста против аннулирования Николаем II присуждения звания почетного академика Максиму Горь-

кому. Событие наделало много шума в обществе, писателю потоком шли сочувственные письма и телеграммы с выражением поддержки его гражданской позиции. Скромного по природе Антона Павловича, чуждого всякой помпезности, суэта, возникшая вокруг его имени, очень тяготила, и он поспешил укрыться в Ялте.

К тому времени кровотечение из правого легкого резко усилилось. От молодой жены писатель старался это скрывать, как и раньше скрывал кровохарканье от родных и близких, привычно отшучиваясь, когда те волновались за его самочувствие. Одни исследователи полагают, что роковую роль в развитии болезни сыграло путешествие Чехова на Сахалин — стояла рас-

путица, ехать пришлось тысячи километров на перекладных, в сырой одежде и насквозь промокших валенках. Другую причину обострения туберкулезного процесса находят в участвовавших перед женитьбой поездках писателя из Ялты в Москву в самых неблагоприятных для здоровья больного погодных условиях.

Летом 1904 года Чехов почувствовал себя совсем плохо, и жена срочно увезла его на курорт в Германию.

Из курортного Баденвейлера он писал матери и сестре: «Здоровье с каждым днем все лучше и лучше». Между тем силы оставляли его с каждым днем. А он старался, как мог, развлекать Ольгу Леонардовну и успокаивал лечащего врача Э. Шверера, писавшего потом в немецкой

В ночь на 2 июля 1904 года Антон Павлович Чехов скончался на руках у жены в гостиничном номере, на двери которого давно уже красуется мемориальная доска, а перед входом в гостиницу установлен бронзовый памятник великому русскому писателю. (В Москве памятник А.П. Чехову установили по инициативе мэра лишь в 1998 году, поблизости от МХАТа, приурочив это событие к столетнему юбилею театра, носящего его имя.)

...Около полуночи Антон Павлович, по свидетельству жены, «проснулся и первый раз в жизни сам попросил послать за доктором. Когда тот прибыл, велел подать шампанского. Потом сел и как-то значительно, громко сказал доктору по-немецки (он очень мало знал по-

У же под конец жизни Чехова посетила большая любовь. Но она оказалась пронизана болью и безнадежностью. И хотя они с актрисой Ольгой Книппер все же обвенчались, этот недолгий брак протекал в постоянных полуразлуках и скрытых разочарованиях. «Вы писатель, я — актриса. Попали мы с вами в переплет. Сюжет для небольшого рассказа», — говорит в «Чайке» Нина Заречная Треплеву. Сюжет повторился в жизни автора пьесы

газете: «Со стоическим, изумительным спокойствием ожидал он смерти. И все просил меня не волноваться, не бегать к нему часто, был мил, деликатен и приветлив».

немецки): "Ich sterbe". Затем повторил по-русски: "Я умираю". Взял бокал, повернул ко мне лицо, улыбнулся своей удивительной улыбкой, сказал: "Давно я не пил шампанско-

го"... спокойно выпил все до дна, тихо лег на левый бок и вскоре умолкнул навсегда».

Гроб с телом писателя доставили в Москву в вагоне с надписью: «уст-

рицы». Кто-то воспринял это как насмешку над памятью Чехова, однако тогда лишь немногие вагоны были оборудованы холодильными установками. Тем не менее, Горький

страшно возмущался: *«Антон Павлович, которого коробило все пошлое и вульгарное, был привезен в вагоне "для перевозки свежих устриц" и похоронен рядом с могилой вдовы казака Ольги Кукареткиной»*. Горького возмущало также, что часть небольшой толпы, собравшейся на Николаевском вокзале, пошла по ошибке под оркестр за гробом привезенного из Маньчжурии генерала Келлера. Причем, когда ошибка выяснилась, *«некоторые начали ухмыляться и хихикать»*.

Впрочем, сами похороны искупили все эти несуразности. Брат Антона Павловича, Михаил, так вспоминал о них: *«...Несметные толпы народа сопровождали гроб, на тех улицах, по которым его несли, было прекращено движение трамваев и экипажей, и вливающиеся в них другие улицы и переулки были перетянуты канатами. Московская молодежь, взявшись за руки, охраняла кортеж от многих тысяч сопровождавших, желавших поближе протиснуться к гробу»*.

Отпевание проходило в Успенской церкви Новодевичьего монастыря. В ее ограде на монастырском кладбище, по соседству с могилой отца, и был погребен Чехов. На утонувшей в цветах могиле поставили временный деревянный крест, с иконкой и фонариком для лампадки. Четыре года спустя, в годовщину смерти писателя, открыли новый каменный памятник в стиле модерн по проекту художника Л. Браиловского. В 1933 году это кладбище было

упразднено, и гроб с останками Чехова, по просьбе Ольги Книппер, перезахоронили на кладбище за южной стеной монастыря. Туда же перенесли надгробный памятник.

...После похорон друзья и близкие покойного долго не расходились. На поминках припоминали крылатые чеховские остроты и фразы, на которые он был так горазд: *«Краткость — сестра таланта»*, *«Если в первом акте на сцене висит ружье, в последнем оно должно выстрелить»*, *«Этого не может быть, потому что не может быть никогда»*, *«Если тебе изменила жена, радуйся, что она изменила тебе, а не Отечеству»*. Вспоминали неосуществленные чеховские мечты. Антон Павлович с Ольгой Леонардовной очень хотели ребенка, но у актрисы случился выкидыш...

Почти все свое наследство писатель завещал сестре Маше — ялтинский дом, доход от литературных произведений. Ольге Леонардовне отписал дачу в Гурзуфе и пять тысяч рублей. Вдова и брат писателя отказались от своей доли наследства в пользу Марии Павловны. Благодаря ее усилиям в ялтинском доме Чехова существует один из лучших в стране литературно-мемориальных музеев, переживший нетронутым гитлеровскую оккупацию.

Последними фразами чеховского завещания, обращенными к любимой сестре, были:

«Помогай бедным. Береги мать. Живите дружно». ▢

А.П. ЧЕХОВ

ШАМПАНСКОЕ

(Мысли с новогоднего похмелья)

Не верьте шампанскому... Оно искрится, как алмаз, прозрачно, как лесной ручей, сладко, как нектар. Оно ценится дороже, чем труд рабочего, песнь поэта, ласка женщины, но... подальше от него! Шампанское — это блестящая кокотка, мешающая прелесть свою с ложью и наглостью Гоморры...

Человек пьет его, когда бывает богат, пресыщен, то есть когда ему обратиться к свету так же трудно, как верблюду пролезть в игольное ушко...

Вступая на скользкий путь, женщина всегда начинает с шампанского, — потому-то оно и шипит, как змея, соблазнившая Еву!

Пьют его, обручаясь и женись, когда за две-три иллюзии принимают на себя тяжелые вериги на всю жизнь.

Пьют его на юбилеях, разбавленных лестью и водянистыми речами, за здоровье юбиляра, стоящего обыкновенно уже одной ногой в могиле. А когда вы умерли, его пьют ваши родственники от радости, что вы оставили им наследство.

Его пьют при встрече Нового года: с бокалами в руках кричат ему «ура!», в полной уверенности, что ровно через 12 месяцев дадут этому году по шее и начихают ему на голову.

Короче, где радость по заказу, где купленный восторг и лесть, где пресыщение — там вы всегда найдете вдову Клико.

Нет, подальше от шампанского!

ШУТОЧКА

Ясный зимний полдень... Мороз крепок, трещит, и у Наденьки, которая держит меня под руку, покрываются серебристым инеем кудри на висках и пушок над верхней губой. Мы стоим на высокой горе. От наших ног до самой

земли тянется покатая плоскость, в которую солнце глядится, как в зеркало. Возле нас маленькие санки, обитые ярко-красным сукном.

— Съедемте вниз, Надежда Петровна! — умоляю я. — Один только раз! Уверю вас, мы останемся целы и невредимы.

Но Наденька боится. Все пространство, от ее маленьких калош до конца ледяной горы, кажется ей страшной, неизмеримо глубокой пропастью. У нее замирает дух и прерывается дыхание, когда она глядит вниз, когда я только предлагаю сесть в санки, но что же будет, если она рискнет полететь в пропасть! Она умрет, сойдет с ума.

— Умоляю вас! — говорю я. — Не надо бояться! Поймите же, это мало-душие, трусость!

Наденька, наконец, уступает, и я по лицу вижу, что она уступает с опасностью для жизни. Я сажаю ее, бледную, дрожащую, в санки, обхватываю рукой и вместе с нею низвергаюсь в бездну.

Санки летят, как пуля. Рассекаемый воздух бьет в лицо, ревет, свистит в ушах, рвет, больно щиплет от злости, хочет сорвать с плеч голову. От напора ветра нет сил дышать. Кажется, сам дьявол обхватил нас лапами и с ревом тащит в ад. Окружающие предметы сливаются в одну длинную, стремительно бегущую полосу... Вот-вот, еще мгновение, и, кажется, — мы погибнем!

— Я люблю вас, Надя! — говорю я вполголоса.

Санки начинают бежать все тише и тише, рев ветра и жужжанье полозьев не так уже страшны, дыхание перестает замирать, и мы, наконец, внизу. Наденька — ни жива ни мертва. Она бледна, едва дышит... Я помогаю ей подняться.

— Ни за что в другой раз не поеду, — говорит она, глядя на меня большими, полными ужаса глазами. — Ни за что на свете! Я едва не умерла!

Немного погодя она приходит в себя и уже вопросительно заглядывает мне в глаза: я ли сказал те четыре слова, или же они только послышались ей в шуме вихря? А я стою возле нее, курю и внимательно рассматриваю свою перчатку.

Она берет меня под руку, и мы долго гуляем около горы. Загадка, видимо, не дает ей покоя. Были сказаны те слова или нет? Да или нет? Да или нет? Это вопрос самолюбия, чести, жизни, счастья, вопрос очень важный, самый важный на свете. Наденька нетерпеливо, грустно, проникающим взглядом заглядывает мне в лицо, отвечает невпопад, ждет, не заговорю ли я. О, какая игра на этом милом лице, какая игра! Я вижу, она борется с собой, ей нужно что-то сказать, о чем-то спросить, но она не находит слов, ей неловко, страшно, мешает радость...

— Знаете что? — говорит она, не глядя на меня.

— Что? — спрашиваю я.

— Давайте еще раз... прокатим.

Мы взбираемся по лестнице на гору. Опять я сажаю бледную, дрожащую Наденьку в санки, опять мы летим в страшную пропасть, опять ревет ветер и жужжат полозья, и опять при самом сильном и шумном разлете санок я говорю вполголоса:

— Я люблю вас, Наденька!

Когда санки останавливаются, она окидывает взглядом гору, по которой мы только что катили, потом долго всматривается в мое лицо, вслушивается в мой голос, равнодушный и бесстрастный, и вся, вся, даже муфта и башлык ее, вся ее фигурка выражают крайнее недоумение. И на лице у нее написано: «В чем же дело? Кто произнес те слова? Он, или мне только послышалось?»

Эта неизвестность беспокоит ее, выводит из терпения. Бедная девочка не отвечает на вопросы, хмурится, готова заплакать.

— Не пойти ли нам домой? — спрашиваю я.

— А мне... мне нравится это катанье, — говорит она, краснея. — Не проехаться ли нам еще раз?

Ей «нравится» это катанье, а, между тем, садясь в санки, она, как и в те разы, бледна, еле дышит от страха, дрожит.

Мы спускаемся в третий раз, и я вижу, как она смотрит мне в лицо, следит за моими губами. Но я прикладываю к губам платок, кашляю и, когда достигаем середины горы, успеваю вымолвить:

— Я люблю вас, Надя!

И загадка опять остается загадкой! Наденька молчит, о чем-то думает... Я провожаю ее с катка домой, она старается идти тише, замедляет шаги и все ждет, не скажу ли я ей тех слов. И я вижу, как страдает ее душа, как она делает усилия над собой, чтобы не сказать: «Не может же быть, чтоб их говорил ветер! И я не хочу, чтобы это говорил ветер!»

На другой день утром я получаю записочку: «Если пойдете сегодня на каток, то заходите за мной. Н.» И с этого дня я с Наденькой начинаю каждый день ходить на каток и, слетая вниз на санках, всякий раз произношу вполголоса одни и те же слова:

— Я люблю вас, Надя!

Скоро Наденька привыкает к этой фразе, как к вину или морфию. Она жить без нее не может. Правда, лететь с горы по-прежнему страшно, но теперь уже страх и опасность придают особое очарование словам о любви, словам, которые по-прежнему составляют загадку и томят душу. Подзреваются все те же двое: я и ветер... Кто из двух признается ей в любви, она не знает, но ей, по-видимому, уже все равно, из какого сосуда ни пить — все равно, лишь бы быть пьяным.

Как-то в полдень я отправился на каток один. Смешавшись с толпой, вижу, как к горе подходит Наденька, как ищет глазами меня... Затем она

робко идет вверх по лесенке... Страшно ехать одной, о, как страшно! Она бледна, как снег, дрожит, она идет, точно на казнь, но идет, идет без оглядки, решительно. Она, очевидно, решила, наконец, попробовать: будут ли слышны те изумительные сладкие слова, когда меня нет? Я вижу, как она, бледная, с раскрытым от ужаса ртом, садится в санки, закрывает глаза и, простившись навеки с землей, трогается с места... «Ж-ж-ж-ж»... жужжат полозья. Слышит ли Наденька те слова, я не знаю... Я вижу только, как она поднимается из саней изнеможенная, слабая. И видно по ее лицу, что она и сама не знает, слышала что-нибудь или нет. Страх, пока она катила вниз, отнял у нее способность слышать, различать звуки, понимать...

Но вот наступает весенний месяц март... Солнце становится ласковее. Наша ледяная гора темнеет, теряет свой блеск и тает, наконец. Мы перестаем кататься. Бедной Наденьке больше уж негде слышать тех слов, да и некому произносить их, так как ветра не слышно, а я собираюсь в Петербург — надолго, должно быть навсегда.

Как-то перед отъездом, дня за два, в сумерки сижу я в садике, а от двора, в котором живет Наденька, садик этот отделен высоким забором с гвоздями... Еще достаточно холодно, под навозом еще снег, деревья мертвы, но уже пахнет весной, и, укладываясь на ночлег, шумно кричат грачи. Я подхожу к забору и долго смотрю в щель. Я вижу, как Наденька выходит на крылечко и устремляет печальный, тоскующий взор на небо... Весенний ветер дует ей прямо в бледное, унылое лицо... Он напоминает ей о том ветре, который ревел нам тогда на горе, когда она слышала те четыре слова, и лицо у нее становится грустным, грустным, по щеке ползет слеза... И бедная девочка протягивает обе руки, как бы прося этот ветер принести ей еще раз те слова. И я, дождавшись ветра, говорю вполголоса:

— Я люблю вас, Надя!

Боже мой, что делается с Наденькой! Она вскрикивает, улыбается во все лицо и протягивает навстречу ветру руки, радостная, счастливая, такая красивая. А я иду укладываться...

Это было уже давно. Теперь Наденька уже замужем. Ее выдали, или она сама вышла за секретаря дворянской опеки — это все равно. Теперь у нее уже трое детей. То, как мы вместе когда-то ходили на каток, и как ветер доносил до нее слова «Я люблю вас, Наденька», не забыто, для нее это самое счастливое, самое трогательное и прекрасное воспоминание в жизни...

А мне теперь, когда я стал старше, уже не понятно, зачем я говорил те слова, для чего шутил... □

Виктор Иванович Добросоцкий — человек в России известный. В нем удивительным образом сочетаются самые разнообразные человеческие качества, что позволило ему многое в своей жизни пройти, многое испытать и многого добиться. Общественный и государственный деятель, корпоративный управляющий, руководитель крупного производства и успешный коммерсант, ученый и преподаватель, новатор и благотворитель, член Союза писателей России и Москвы, драматург, сценарист, кинопродюсер, автор и ведущий программ, поэт, гитарист и исполнитель песен — вот неполный перечень социальных ролей, в которых он сумел эффективно реализовать данные ему Богом способности.

Он и сегодня полон планов, масштабы которых не могут не впечатлять... Возможно, он один из тех немногих счастливчиков, которым известен секрет управления временем. Потому что в обычные сутки ему удастся вместить такой объем работ, встреч и творческих поисков, который не может не удивлять.

Стерлитамак — Тирасполь — Москва

Родился Виктор Добросоцкий в Стерлитамаке в сентябре 1961 года. Его отец, Иван Андреевич, — фронтовик, работал на содовом комбинате, где занимал различные руководящие должности. А мама, Людмила Тимофеевна, заведовала опытной лабораторией на заводе синтетического каучука.

— Стерлитамак в советское время — город «большой химии», — говорит Виктор Иванович. — Я, конечно, мало что помню из того своего раннего детства, но могу сказать, что даже тучи над Стерлитамаком выглядели как химические реагенты! Помню машину «Москвич-401», которую подарили маме за получение первого в России искусственного каучука для массового производства покрышек для автомобилей.

Врачи диагностировали у меня туберкулез, так что родители решили сменить место жительства. И мы уехали в молдавский Тирасполь, где отцу предложили должность директора троллейбусного управления. Солнце почти круглый год, чистый воздух, потрясающе вкусные продукты... В общем, болезнь моя, слава богу, не подтвердилась. Кстати, сегодня троллейбусное управление носит имя первого директора — Добросоцкого Ивана Андреевича.

Учился Виктор на «отлично», участвовал и побеждал в литературных олимпиадах, был комсомольским во-

жаком. Последнее очень пригодились ему в дальнейшем. Получив аттестат зрелости, уехал в Москву, где поступил в Институт управления имени Серго Орджоникидзе. В те времена этот вуз справедливо считался авторитетной «кузницей кадров» для многих отраслей советской промышленности.

— В группе моей учились всего четверо парней, а остальные — девочки, — улыбается, вспоминая студенческие годы, Виктор Иванович. — Москва, конечно, потрясающий город! Великие педагоги, великая культура, другие люди. Я был поражен, когда некоторые студенты при обычном общении называли друг друга на «вы». Несмотря на огромные конкурсы, в столичные вузы съезжалась со всего Союза самая амбициозная молодежь. Конечно, сразу выделялся «отряд» детей высокопоставленных лиц, которые держались друг друга и составляли своеобразные кланы, отличаясь по уровню жизни и среде общения. Высокие посты их родителей все-таки не гарантировали им абсолютно безоблачное будущее и топовые должности, как сегодня, и вели они себя, хотя и обособленно, но скромно.

Честно говоря, не считаю подобного рода «элитарность» однозначно плохим явлением, — признается Виктор Иванович. — Взять тот же институт международных отношений, знаменитый на весь мир МГИМО. Он приветствует семейные традиции для дипломатов, «династийность» органична, поскольку это образ жизни,

поведение, убеждения, формирующиеся в семье. Подобную школу, конечно, ничем не заменишь.

Помню такой курьезный случай. Учился с нами сын одного первого секретаря республиканской компартии. Само собой, с детства он ничем себя особо утруждать не привык, и был разбалован домработницами. А тут — общага. Надо и убираться за собой, и пол мыть по очереди... Ничего этого делать он не хотел, что приводило к постоянным конфликтам студентов, живущих с ним.

Как-то к нему заехал «великий» отец — прилетел на какое-то партийное мероприятие, ну и, конечно, решил сына повидать. Привезли его в общагу на «Чайке» — машине статусной, которая полагалась только членам высшей партийно-советской номенклатуры. Зашел папа в комнату сына, поговорил со студентами о нем, извинился за разгильдяя, снял свой пиджак с орденами, засучил рукава, взял тряпку, ведро воды и принялся мыть полы! А поскольку заниматься этим каждый день он, по понятным причинам, не мог, то вскоре снял отпрыску квартиру поблизости от института. Думаю, не хотел позорить фамилию из-за поведения сына.

Комсомольская и профсоюзная работа в вузе позволяла постоянно расширять свой кругозор, нарабатывать навыки эффективных коммуникаций с различными людьми, проявлять себя в реальном общественном деле. В симбиозе все это представляло собой отличный «социаль-

ный лифт» для вступавшего в жизнь молодого человека.

— Сейчас школы комсомола нет и это большой недостаток для современной России, — резюмирует Виктор Иванович. — Молодой человек со студенческой скамьи должен выплескивать свою бурную энергию на общественные деяния, и эта задача через комсомол решалась блестяще. Как и блестяще организовывались неформальные контакты с выдающимися людьми. Я хорошо помню, какое впечатление произвели на меня встречи и общение с «живыми легендами» современности. Однажды в Доме дружбы народов, который располагался на Новом Арбате, нам устроили встречу с маршалом Василием Ивановичем Чуйковым. Сколько интересного он нам поведал — о Сталинградской битве, о героизме солдат и офицеров, о философии войны и мира... После встречи мы подошли сфотографироваться с Василием Ивановичем. Он совсем не помаршальски, доверительно произнес: *«Давайте, ребята, только быстрее. Знали ли бы вы, как я устал...»*

Маршал был скромным человеком и считал свою славу утомительной, но стоически переносил ее, как в свое время боевые будни, потому что считал своим долгом рассказать современникам о своих друзьях-героях, павших на полях войны нам, потомкам. Вскоре Василия Ивановича не стало.

Другой пример. В Москве проводилась акция «Народные артисты — студентам». Ректор выделил мне, как

ответственному лицу, «Волгу» для сопровождения именитых гостей. Позвонил я, помню, основателю московского Театра кукол, народному артисту СССР Сергею Владимировичу Образцову и договорился с ним о встрече. Зашел к нему домой и все... Весь день провел под гипнозом общения с великим, но удивительно скромным человеком, способным любить жизнь, людей, мир вокруг себя и наслаждаться бескорыстными дарами доброты незнакомым людям.

А вот с Юрием Никулиным история получилась почти комическая. С ним я тоже сначала договорился по телефону, гордо сообщив в заключение, что приеду за ним на «Волге». На что он спокойно так отвечает: *«Не надо, молодой человек. Я как-нибудь на своем "мерседесе" доберусь...»*

Я был сражен наповал! О «мерседесах» мы, конечно, слышали, но видели их разве что в иностранных фильмах. Никулин одним из первых в Москве купил себе такую машину, а всего их в столице было, по слухам, не более четырех экземпляров.

Выступление планировалось на семь вечера. Приехал Юрий Владимирович примерно за полчаса. На улице встречали его человек 200 студентов и преподавателей — всем хотелось увидеть великого актера и, конечно же, чудо немецкого автопрома!..

О таинстве судьбы

После окончания института Виктор Иванович приехал по распределению работать в город Волжский

Волгоградской области — город-спутник Волгограда. На новое место работы приехал с мыслью стать директором завода и абсолютно уверенным в своих силах. «Комплексов маленького человека» не было — общественная работа их полностью уничтожила.

Кстати, выбрал завод синтетического каучука, чтобы идти по стопам матери. Выбор его пал на отдел снабжения. Сфера эта предполагала обширные контакты с самыми разными людьми, постоянные командировки и решение достаточно сложных задач... Всего через полгода Добро-соцкого назначили заместителем начальника отдела, что считалось огромным карьерным достижением в советские времена.

— Директор завода Владимир Владимирович Разумов поставил меня «на трубу» — на профессиональном сленге это означает снабжение завода всем сырьем... Конечно, должность такая означала немалое доверие и предполагала огромную личную ответственность. И тут судьба сделала резкий поворот.

Дело было так. Пришли мы как-то с моим другом Валерой к девушке Лене, за которой он ухаживал, в ее шикарную квартиру с двумя туалетами. В таких апартаментах я до того не бывал. Я как-то не придавал особого значения тому, что она — дочь второго секретаря горкома партии: девушка замечательная, отец человек добрый, талантливый, лучший оратор города. В квартире мы были одни. Ближе к десяти вечера неожи-

данно к нашему застолью присоединилась взрослая компания, которую возглавлял отец Лены. Они сели за наш стол, и речь зашла, как это обычно под рюмку бывает, о политике. И я со всей искренностью «непуганого москвича» стал доказывать своим новым знакомым неправильность проводимой в городе и стране «молодежной политики». Друг Валерка стал больно давить мне на ногу под столом, чтобы я замолчал. Я сначала не реагировал, а потом в резкой форме попросил его не мешать мне общаться с интересными собеседниками...

Рано утром звонит мне взволнованный Валера и сообщает: «Лена сказала, дела у Виктора плохи, сегодня утром первый секретарь спрашивал о нем у отца, это очень плохо». А от себя Валера добавил: «Тебе надо срочно уезжать из города! Кого ты вчера учил жить? Первого секретаря горкома партии? Тебе такого не простят никогда! С кем ты спорил?»

Я растерялся. ... А куда бежать? Некуда. В общем, решил я «бежать» на работу. В этот же день на завод в приемную директора позвонили и пригласили меня на следующий день на беседу в горком партии. ... Я опешил и по-настоящему занервничал, уезжать из города мне не хотелось.

Действительно, горком партии в то время олицетворял собой абсолютную власть. Именно абсолютную! И все хорошо знали, что власть эта доходит до каждого...

Никуда я, естественно, не побежал. Пошел на прием в горком партии — каяться. Зашел в кабинет вто-

рого секретаря и говорю: «Александр Иванович, ради бога, извините... Водка, водка, водка! Она, зараза такая, всему виной, я даже не понял, с кем говорил, приезжий из Москвы, что с меня взять!»

А он спокойно так, по-отечески улыбается и говорит: «Да ладно, Виктор, присаживайся. "Первый" остался очень доволен разговором с тобой. Так что принято решение рекомендовать тебя в партию. Чтобы не было проблем с приемом, временно возглавишь заводскую профсоюзную организацию — распоряжения уже даны соответствующие. А через три месяца у нас выборы в горком комсомола. Будем рекомендовать тебя вторым секретарем...»

Я онемел. Кудрявцев, наверное, состояние мое понял. Похлопал дружески по плечу и ободряюще сказал: «Ты на "первого" отличное впечатление произвел. Он вчера позвонил мне и сказал, что такие, как ты — образованные, смелые, умеющие отстаивать свое мнение люди, — партии сейчас очень нужны». Горком проинформировал директора завода о своем решении. Так что через три месяца избрали меня вторым секретарем Волжского горкома комсомола...

На производство!

В горкоме комсомола Виктор Добро-соцкий отработал 4,5 года. Горком был признан одним из лучших в стране. По инициативе и при непосредственном участии второго секретаря делались удивительные по тем вре-

менам вещи, включая проведение всесоюзных молодежных фестивалей искусств, «Юморин», политических клубов и так далее. Сам Виктор не раз становился героем газеты «Комсомольская правда».

Страну охватила волна перемен. Первый секретарь Волжского горкома комсомола Александр Киселев был избран вторым секретарем обкома комсомола, а потом избран депутатом Верховного Совета СССР, обыграв на выборах известного писателя Юрия Бондарева. На образовавшуюся вакансию первого секретаря партийные руководители планировали Добросоцкого, что было вполне естественно... Проблема заключалась в том, что сам он этого не хотел.

— Я почувствовал, что от пропаганды и идеологии уже устал. По своей сути я управленец и должен освоить искусство этой профессии.

Виктор Иванович прекрасно понимал, что принять решение — это половина дела. Вторая половина — воплотить задуманное в жизнь... Партийная система тех лет вела человека по жизни и не позволяла ему управлять этим движением. Другими словами, тебя приглашали на руководящую работу, а не ты ее искал. Система самовольства не терпела и не прощала. Тем более что первым секретарем Волжского горкома партии с поста секретаря обкома был Валерий Федорович Хватов — бывший директор знаменитого Волгоградского тракторного завода. Он

заслуженно имел репутацию человека умного, властного и волевого.

— Вопрос требовалось урегулировать срочно и окончательно, и я записался на личный прием к Хватову, — рассказывает Виктор Иванович. — От него буквально исходила удивительная сила, плюс к тому, он обладал низким и мощным голосом, который мог повергнуть в панику любого.

Аудиенцию мне назначили в горкоме партии в субботу. Иду, честно говоря, и не знаю, что будет. Ведь Хватова уважали, ну и боялись! Захожу. Он, конечно, знал, по какому я вопросу, но все равно спрашивает низким голосом: «Что ты хотел?» Я отвечаю: *«Грядут выборы в горком комсомола, Валерий Федорович. Вот, хочу обозначить свою позицию. Я в комсомоле поработал достаточно долго. Хочу поработать на производстве».* «Это невозможно, поставь себя на мое место, — раздраженно басит Хватов. — Если ты уйдешь с твоим опытом, кого мне ставить? Хочешь, чтобы я с пионерами работал?! Подумай, это же абсурд. При таком кадровом раскладе. Что бы ты сделал на моем месте?»

Неожиданно напряжение мое спало, и я так вдохновенно говорю ему: *«Валерий Федорович, что бы я на вашем месте сказал? Я бы на вашем месте встал, подошел к Добросоцкому, обнял его и сказал: "Виктор, спасибо тебе за четыре года работы в комсомоле. Ты многое сделал. Вы создали лучшую комсомольскую организацию страны. Прости меня, мы тебя передержали! Ты нужен партии. Иди на производство, набирайся опыта».*

А дальше мы используем тебя для партийного строительства"».

Самое удивительное — этот мой искренний монолог сработал. Броня Хватова была растоплена. Валерий Федорович помолчал, ничего мне не ответил и после короткого размышления вызвал второго секретаря горкома партии, дал поручение через две недели подготовить предложения по переходу Добросоцкого на хозяйственную работу.

«Восемь-десять вариантов подберите, — распорядился Валерий Федорович, — не ниже замдиректора завода».

Я стою — и понимаю, что чудеса в жизни бывают, — смеется Виктор Иванович. — Честно говоря, ждал, что заставит меня избираться. Железного Хватова не убедить, а тут вон как все повернулось...

Через пять дней Добросоцкому из горкома партии передали список вакансий. Имелось восемь заводов, куда его готовы были сразу взять заместителем директора. А еще значился строящийся хладокомбинат, где требовался директор...

Тогда была принята целевая программа, предусматривавшая введение 150 мощных хладокомбинатов по всей стране. Один из них должен был строиться в городе Волжском.

— Я всегда хотел что-то построить самостоятельно, — признается Виктор Иванович. — Но отдавал себе отчет, что стройка требует большого опыта. Сомнения были, справлюсь ли?.. Нужен был совет, и дать его мог только мой отец, который в

Отец — Иван Андреевич Добросоцкий

своей жизни не раз начинал «с первого колышка».

Позвонил ему, обрисовал ситуацию. Хладокомбинат особо выделил. Отец выслушал меня и говорит: *«Знаешь, чтобы специалистом стать, надо научиться созидать. На твоём месте я бы на хладокомбинат согласился».*

В принципе, я и не сомневался, что он так скажет...

Вернулся Хватов из Москвы, вызвал меня. Только переступил я порог его кабинета, в лоб спрашивает: *«Что выбрал?»* Я отвечаю: *«Директором хладокомбината».* Он: *«Ты хорошо подумал? Это тяжёлая работа — с нуля начинать. В систему замдиректора завода встроиться куда легче».* *«Подумал, — говорю, — время было. Все-таки хладокомбинат. Хочу*

построить предприятие своими руками. Для меня это важно». «Правильное решение, настоящего члена партии, — впервые смягчился Хватов. — Мы поддержим!»

Новая работа Виктора Добросоцкого началась без промедления, поскольку сроки были установлены весьма сжатые. Отвечал он не только за стройку самого объекта, но и за всю инфраструктуру, включая строительство железной дороги. Подписывал документы приемки работ и персонально отвечал за потраченные государственные деньги. Порой в 6 утра он первым делом ехал к строителям-железнодорожникам, смотрел, что сделано за неделю, сверял фактические работы с документами... Несколько раз, как и обещал, приезжал отец: помогал разобраться, что к чему. Вопросов к отцу у сына хватало, но постепенно Виктор Иванович освоился, вник в детали строительной проблематики... А вот поработать на своем детище ему не пришлось. Пришла Перестройка.

— Уже был я директором хладокомбината, когда меня избрали депутатом городского совета, а потом сразу же — первым заместителем председателя горсовета по экономике. По иронии судьбы я занял кабинет теперь уже бывшего второго секретаря горкома партии Александра Ивановича Кудрявцева. Тот самый кабинет, где у меня произошел первый поворот судьбы. В стране началось «смутное время». Крикуны, бездельники, полное отребье ничего не

умеющих и не желающих делать людей полезли вверх к власти. Что творилось на заседаниях городского совета — словами не передать! Требования немедленного рассмотрения вопросы просто «забалтывались» депутатами-демагогами. Никто ничего делать не хотел! Тем более — отвечать хоть за что-то конкретное...

«Смутные времена»

Страну накрыла волна приватизации, и Добросоцкого пригласили в Венгрию читать лекции в одном из университетов о ситуации в России. Там приватизация уже завершилась и венгры наглядно показали Виктору Ивановичу ее неэффективность для экономики и более того, что она ведет к полному социально-экономическому коллапсу страны. Что и произошло в дальнейшем в России.

— Вернулся я, вдохновленным борцом против приватизации и выступил перед горсоветом, попытался донести, что предложенная в стране модель экономического развития — ущербна, что путь выбран провальный. Не успел договорить, как депутаты-демократы начали кричать с мест: *«Коммуняка! Вы уже поруководили страной, хватит! Свой новый мир своими руками построим! Эффективный!!! Красивый!!! Без сырьевой зависимости! А вы, коммуняки позорные, только сырьем торговать умеете!..»* Ну, и так далее.

Шел 1992 год... Вскоре после памятного выступления Добросоцкого

в горсовете в Приднестровье, где жили родители, начались кровавые события. Виктор Иванович, конечно, «висел» на телефоне и хорошо знал, что там происходит. Никто не остался в стороне. За свою культуру воевало все Приднестровье. Было много раненых, прежде всего, не хватало обезболивающих.

— На президиуме горсовета я предложил собрать и отправить под флагом Красного Креста в Тирасполь медикаменты, — рассказывает, волнуясь, Виктор Иванович. — Для меня это было очевидно, там же наши соотечественники. Депутаты-демократы начали выступать: а почему только Приднестровью? Давайте один караван в Кишинев, второй — в Тирасполь. Пусть воюют. Так справедливо будет, это демократично.

Не терплю предательства, и там же на горсовете объявил не только о своем несогласии с решением, но и написал заявление об уходе с поста заместителя председателя горсовета.

Занялся торговлей, создал с друзьями компанию, дело пошло. Открыл несколько магазинов, ресторанов... Восторг был, когда открывал первый магазин. Восторг был, когда открывал первый ресторан. А дальше все быстро превратилось в рутину. Сделалось просто скучно. Тупое зарабатывание денег не воодушевляло вообще. Понял, что успех в бизнесе возможен, только если всем сердцем любишь сам бизнес, то есть процесс зарабатывания денег.

Разумеется, это касается только мелкого и среднего бизнеса. Сегодня

работаю в Совете директоров крупных компаний, получаю удовольствие, так как стратегия и новые проекты — это мое.

Компания Виктора Ивановича называлась «Ажур». Дела у него самого и его сотрудников, действительно, были в ажуре, чего никто не мог сказать о стране. Ею и большинством россиян безоговорочно и беспощадно овладевал дикий, точнее даже дичайший, капитализм.

Хуже всех, наверное, в те годы приходилось старикам. Многие из них оказались брошенными на произвол судьбы. Новая власть ими вообще не интересовалась, да и обманутым и ограбленным родственникам и знакомым тоже было не до них... Вот тогда Добросоцкий попытался найти «отдушину» в благотворительности.

— Время было жесткое, как сейчас говорят — ужас-ужас-ужас! — Виктор Иванович словно распутывает очередной узелок в своей памяти. — В какой-то момент я понял, что не могу видеть, как нищенствуют бедные наши старики. Коллектив в моей фирме, когда я им объяснил свою идею, меня поддержал.

Пришел я в Средне-Ахтубинский райисполком, говорю: «Готов помочь нуждающимся». Они мне подготовили список самых обездоленных. Выделил я специальную машину, которая развозила продовольствие нашим подопечным. Мы решили выдавать продукты, а не деньги, потому что деньги у стариков могли отнять. Нормативы все рас-

считали, чтобы хватало им на нормальное питание...

Но он не ожидал, что столь благое дело, как помощь старикам, может столкнуться с какими-то проблемами. Однако именно это и произошло.

Средства, направлявшиеся фирмой на благотворительность, требовалось «провести» по документам. Законодательного регулирования таких программ просто не существовало. Чтобы избежать недоразумений, Виктор Иванович всех своих подопечных зачислил в штат «Ажура» в должности «консультантов по благотворительности».

— Всех я, конечно, сейчас уже не вспомню, но несколько человек были совершенно уникальные. Например, две бабушки-сестры, которым по 100 с небольшим лет уже исполнилось. Обе слепые практически, еле двигались, но еще революцию и Гражданскую войну помнили!

Был настоящий герой и почетный гражданин Югославии! Дом его сгорел, и нищета была и отчаяние на пороге его жизни.

И вдруг ему вручают письмо: так и так, дорогой герой, отныне вы поставлены компанией «Ажур» на полное довольствие...

«Я в Югославии ранен был тяжело, в каких только передрягах не побывал — сжимал зубы и шел вперед. А письмо ваше прочитал — расплакался!» — завершил свое трогательное признание ветеран. Стал он меня благодарить, а мне стыдно за страну, за себя, за всех....

Время пошло какое-то лихое, без смыслов и нравственных ориентиров, — усмехается Виктор Иванович. — Приезжает к нам налоговая служба с плановой проверкой. Обнаруживают инспектора трудовые книжки моих «консультантов» и торжествуя их изымают — явная же профанация! Работники у меня «золотые» — от 75 до 102 лет. Доблестные налоговики гордо «вскрыли» махинацию! Бдительность — прежде всего!

Один из инспекторов в окружении своих коллег, потрясая «трудовыми книжками» моих столетних бабушек-сестер, вопил мне в лицо: *«Вы что?! Издеваетесь?! Какие это работники?! Да вы преступник! Мы всех объездили с проверкой и точно установили, что все ваши "консультанты" — липовые!»*

Я им говорю: *«Можете наказывать меня, я сделал, что смог, чтобы помочь людям в беде. Если не боитесь Бога, отнимите у стариков хлеб».*

Монолог мой, видимо, прозвучал убедительно. Ни слова не говоря, вышли налоговики, сели в свои машины и уехали. Из акта проверки эти нарушения убрали. Потом пришел ко мне руководитель налоговой, говорит: *«Извините, Виктор Иванович... Мы вашу деятельность поддерживаем, и, обещаю, мешать не будем...»* Все-таки не все человеческое выиграло в людях даже в те страшные времена.

Я тогда окончательно уверовал в следующую моральную истину: все, что мы отправляем в мир, потом обязательно возвращается нам в той

или иной форме. Бог есть — я это знаю точно! В каком виде, сложно сказать. Мир более сложен, чем способен его осознать человек. Границы человеческих знаний есть, и переступить их могут только истинные старцы.

Бегство из «трясин»

По делам фирмы Виктор Иванович однажды отправился в очередную командировку в Москву. Провел необходимые переговоры, а вечером знакомые пригласили его в ресторан. В компании оказалась очень красивая женщина, звали ее Иветта Михайловна. Они разговорились, собеседница была удивительной эрудиции и большой внутренней культуры.

— Вдруг она говорит: *«Вы такой человек интересный... Обязательно познакомлю вас с Ваней»*, — рассказывает Виктор Иванович. — А я про себя думаю: *«Что за Ваня? Зачем он мне нужен — этот Ваня?»*. Не думал, что эта женщина будет очередным зигзагом моей судьбы.

Через пару дней вернулся я в Волгоград и меня неожиданно пригласили к губернатору Волгоградской области Ивану Петровичу Шабунину... Я недоумевал: что произошло? Знакомы мы не были, совместных проектов не вели... Решил навести справки. Один из людей, которому я позвонил и который тоже был в московском ресторане, мне все разъяснил: *«Ты познакомился с академиком Иветтой Михайловной Шабуниной — женой губернатора»*.

Отправился я на прием. Познакомились с Иваном Петровичем, побеседовали немного на общие, как говорится, темы. Наконец Иван Петрович перешел к главному: *«Виктор Иванович, есть решение правительства России о создании у нас оптового рынка европейского формата. Проблема в том, что ни в губернии, ни даже в стране никто не знает, как его организовать»*.

Если вам интересно, то поезжайте в Испанию и ознакомьтесь с их опытом. А потом у нас займетесь этой темой... Иветта Михайловна мне вас рекомендовала как человека исключительно талантливого. Я ей доверяю. Женская интуиция. Не признана наукой, но существует без науки...» Мне идея показалась интересной, и я согласился.

В Испанию Добросоцкий отправился вместе с президентом Волгоградской агропромышленно-финансовой корпорации Владимиром Николаевичем Чаплыгиным. После возвращения из поездки Чаплыгин предложил Виктору Ивановичу стать своим первым заместителем. Сам собой, Добросоцкий заинтересовался функциями, которые предполагал возложить на него потенциальный работодатель. Чаплыгин подтвердил то, что Виктор Иванович и ожидал услышать: главная функция — курировать создание оптово-продовольственного рынка Волгограда.

— Я понял, что это судьба и мой шанс постичь новые миры, — признается Виктор Иванович. — Чувство-

вал, что бизнес останавливает мое развитие. Так что думал недолго — тут же и согласился.

Ни губернатор, ни Чаплыгин не ошиблись, сделав ставку на Добро-соцкого. Всего за полтора года в Волгограде появился первый в России международный оптово-продовольственный рынок. Сообщество Всемирного Союза оптовых продовольственных рынков недоумевало, как за столь короткое время русским удалось создать такое чудо.

Обобщив волгоградский опыт, российское правительство признало его достойным для распространения на всю страну. Чаплыгина пригласил премьер министр Черномырдин Виктор Степанович, назначил его первым заместителем министра сельского хозяйства и продовольствия, поручив курировать создание оптово-продовольственной системы в России.

— Владимир Николаевич, к чести его, сразу вспомнил обо мне, и Черномырдин согласовал приглашение на работу в Москву, — уточняет Виктор Иванович. — Так что вскоре я вместе с семьей перебрался в Москву.

В министерстве я проработал четыре года. Огромная, замечательная школа! И время было очень интересное. Как раз рушились догмы либеральной экономики, и пересматривалась роль государства в ней, отрабатывались новые модели государственного регулирования. Многие вещи делались впервые — например, те же продовольственные интервенции.

Но ротация кадров заместителей министра была шокирующая. Они менялись каждые полгода. Только вошел в курс дела, а уже сняли с работы. Многие уповали на мистику.

Дело в том, что кабинет первого замминистра, согласно министерской легенде в далеких 30-х годах, когда-то некоторое время занимал сам Лаврентий Павлович Берия. На этой основе возникла легенда: люди не держатся на посту в своем кабинете из-за «злого духа Берии». Узнав об этом, каждый новый замминистра пытался разрушить «злые чары». Одни кропили кабинет святой водой, другие пытались воздействовать иными «радикальными» способами, но результат всегда был один и тот же: примерно через полгода человек покидал свой высокий пост...

Виктору Ивановичу запомнился такой курьезный случай. Один из новоназначенных первых заместителей министра, заняв «несчастливый» кабинет и узнав его мистическую историю, выдвинул свою версию — все проблемы оттого, что напольные старинные часы не ходят со времен Берии.

Замминистра лично отыскал опынейшего мастера. Умелец, изрядно помучившись, все же вернул часовому механизму жизнь... Но через те же полгода замминистра все равно сняли!

— Никогда не забуду: прихожу я на работу, иду по коридору, а на встречу мне этот человек — уже «с вещами», — улыбаясь, завершает эпизод Добросоцкий. — Позднова-

лись, и он говорит мне задумчиво: «Нет, Виктор Иванович, дело, оказывается, совсем не в часах...»

Кадровая политика в стране к концу 1990-х действительно пребывала в состоянии полной чехарды. В министерствах только очень ограниченный круг лиц знал или мог понять логику, кто, от кого, откуда приходит на высокие посты и почему куда-то потом уходит... Приходили и уходили руководители с работы целыми командами, социальные гарантии отсутствовали, профессионалов увольняли только по причине непринадлежности к той или иной команде.

— Помню, мне на рассмотрение поступил очень крупный проект, — проясняет ситуацию собственным примером Виктор Иванович. — По моему мнению, он был вреден для страны. И я после безуспешных доказательств наотрез отказался его реализовывать.

Пригласили меня в «высокий кабинет» и доходчиво объяснили: если ты не с нами, значит, против нас... При такой постановке вопроса особо не поспоришь. На том и завершилась моя работа в минсельхозе. Единственное, в чем руководство министерства пошло мне навстречу, — предоставили пару месяцев для защиты докторской диссертации. В срок я, разумеется, уложился...

Развитие как обязанность

Кандидатскую степень Добросоцкий защитил в Волгоградском государ-

ственном университете. На этом настояла академик Шабунина, она же стала его научным руководителем...

Когда создание международного оптово-продовольственного рынка завершилось полным успехом, Иветта Михайловна, можно сказать, потребовала от Виктора Ивановича, чтобы он систематизировал свои наработки по этой теме в помощь тем, кто занимался подобными проектами в других российских регионах. Отказать ей Добросоцкий не мог, а когда представил Шабуниной пухлую рукопись с расчетами и диаграммами, Иветта Михайловна не терпящим возражения тоном резюмировала: *«Да у вас, дорогой Виктор Иванович, готовая кандидатская на руках. Осталось только оформить все, как принято в научном сообществе. Оформляйте...»*

— Честно говоря, тема действительно показалась мне достойной научной разработки, — признается Виктор Иванович, — так что сопротивляться я и не собирался. С другой стороны, по моему твердому убеждению, кто не идет вперед, не стремится развиваться, тот быстро деградирует. Неопровержимый закон жизни: мозги нуждаются в постоянной тренировке.

Человек, в сущности, создание достаточно ленивое... Лично для меня задача собственного развития почти всегда сводится к тому, чтобы поставить себя в ситуацию, когда я кому-то обязан что-то сделать. Дальше уже чувство долга заставляет двигаться и исполнять принятые

на себя обязательства — чтобы не подвести того, кто на меня понадеялся, кто поверил в мои силы. Действуя по этой проверенной схеме, я и защитил свою кандидатскую диссертацию в Волгоградском университете.

Практически то же самое произошло и с докторской диссертацией. Сразу после перехода в министерство мне предложили параллельно преподавать в Плехановской академии. Кафедрой, куда меня определили, заведовал профессор и доктор экономических наук Леонид Александрович Брагин. Через некоторое время он вызвал меня к себе и говорит: «Вы уже достаточно долго ходите кандидатом, пора докторскую писать. У нас на кафедре так заведено. Приступайте к работе». Попытался я, было, возражать, но поколебать Леонида Александровича не мог никто: отсутствие профессионального роста у сотрудников своей кафедры он считал делом совершенно неприличным!

Сейчас, постфактум, я могу с чистой душой сказать, что это счастье, когда на твоём пути встречаются люди, которые стимулируют твоё развитие, заставляют почувствовать свою «вину» за интеллектуальную остановку в жизни, требуют брать на себя ответственность за собственное развитие и движение вперед!

Сенаторство

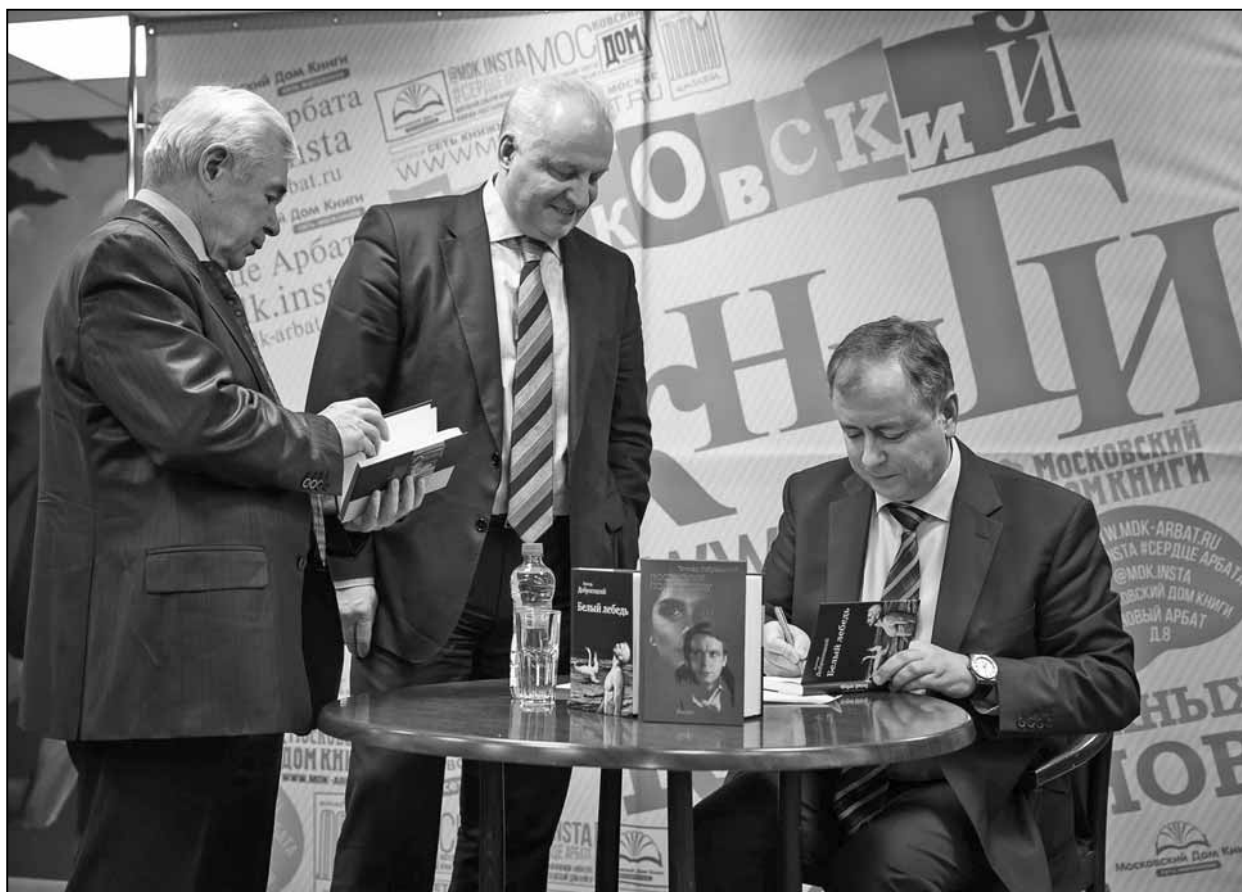
Покинув минсельхоз, без работы он не остался. Собственники и руководители компаний справедливо считали, что организационный и профес-

сиональный опыт выходцев из министерств, их корпоративная культура обязательно пригодятся в бизнесе.

Виктору Ивановичу поступило сразу несколько интересных предложений. Однако деятельная натура звала к чему-то неизведанному ещё — как в тот переломный момент, когда он отказался от поста первого секретаря горкома комсомола.

— Так я и оказался в городе Березники Пермской области в должности заместителя директора самой крупной сбытовой компании по химудобрениям, — открывает новую главу своего повествования Виктор Иванович. — Строго говоря, химудобрения были не совсем моей «историей», но, с точки зрения «общего познания мира», этап оказался вполне себе полезным. Мне было интересно открыть мир большого бизнеса.

Проработал я около года и меня, волею судеб, пригласили поучаствовать в выборах сенатора от Заксобрания Пермской области. Шел 2000 год, и в Совете Федерации проходила ротация губернаторов и председателей Заксобрания на профессиональных сенаторов. Честно говоря, не особо я верил в эту «историю», потому что работал в области совсем мало. Тем сильнее удивился, когда мне неожиданно удалось убедить депутатов в своей профпригодности для такой работы... Атмосфера выборов, кстати сказать, была самой демократичной. В те годы депутатами пермского Заксобрания были люди, в большинстве своем, очень свободомыслящие, интересные, в ос-

новном, собственники приличных и эффективных бизнесов. Получить вотум доверия от таких — очень непросто, и потому престижно. В итоге, против меня проголосовал только один депутат, остальные высказались «за». Уже после процедуры, когда огласили результаты, этот человек подошел ко мне и сказал: «Я, в принципе, против вас ничего не имею. Просто обидно стало: что, в нашем крае нет достойных людей, что ли? А вообще — я тоже за вас».

Зато когда Добросоцкий избирался второй раз, за него проголосовали все депутаты единогласно. Его работа в российском Сенате тем самым получила самую высокую оценку.

Приход Добросоцкого в Сенат совпал с периодом, когда в России только формировалась новая политическая система. Так что в Сенате он застал примерно половину прежнего состава — губернаторов регионов, включая, например, московского мэра Юрия Михайловича Лужкова. Виктор Иванович с интересом наблюдал за этими людьми — политиками-тяжеловесами, прекрасно понимая, кто, волею судьбы, оказался рядом с ним. По его мнению, губернаторы «ельцинской формации» были фигурами мощными в аппаратном отношении — самая настоящая гвардия. Они обладали огромным жизненным опытом, не раз проходили жесточайший отсев выборщиков на подведомственных им тер-

риториях. Их называли «князьками», тем не менее, все они были прирожденными лидерами, способными принимать самостоятельные решения и «двигать» политику своих регионов.

Встречался в тот период Виктор Иванович и с другими «тяжеловесами» ельцинского времени. Больше остальных произвел на него впечатление, конечно, Виктор Степанович Черномырдин.

— В годы работы в министерстве сельского хозяйства с премьером Черномырдиным я не встречался — не на том уровне находился, — для начала уточняет Виктор Иванович. — Только когда стал сенатором, появилась такая возможность. Как-то полетели мы целой сенаторской «командой» — с Владимиром Иосифовичем Ресиным, Леонидом Михайловичем Толкачевым, Юрием Михайловичем Лужковым — в Севастополь. Москва тогда серьезно помогала героическому городу русской морской славы, строила там множество объектов, в частности... Встречал нас Чрезвычайный и Полномочный Посол России на Украине Виктор Степанович Черномырдин. Два дня мы провели в Севастополе вместе. Само собой, много общались.

Виктор Степанович был всегда полон юмора, оптимизма и безусловным лидером. Любое событие он пропускал через призму своего юмора и иронии, что немало помогало решать весьма сложные проблемы тех лет. Во всем видел позитив.

Даже за праздничным столом, если кто-то пытался вести себя вы-

сокопарно, Черномырдин пресекал это юмором моментально. Он говорил полушутливо, но внушительно: *«Секундочку, а что вы так себя ведете? Вы кто? Как к вам обращаются ваши коллеги? "Господин такой-то"? А меня называют "Ваше Высокопревосходительство Посол Российской Федерации", так что извольте слушать меня!»*

По-разному можно относиться к его профессиональной деятельности на тех или иных постах, но, с точки зрения чисто человеческой, Виктор Степанович Черномырдин был, несомненно, сильной, неординарной личностью...

Когда произошло слияние Пермской области с Коми-Пермяцким округом, и возник Пермский край, Добросоцкий оставил Сенат... На вопрос, почему он покинул престижное во всех отношениях кресло законодателя, Виктор Иванович отвечает без всякого промедления — как о чем-то совершенно естественном для него:

— Шесть лет в Совете Федерации — достаточный срок для понимания того, что такое политика и что такое политическая деятельность. Оставаться дальше мне не дал промысел божий. Я ему благодарен. В противном случае, сенаторство превратилось бы уже в профессию, а не в миссию. Два закона моих были приняты, и совесть моя чиста. Были и проблемы. Дело в том, что мне приходилось порой голосовать за законы, которые я внутренне не поддер-

живал, но по определенным обстоятельствам голосовать за них был вынужден. Мне очень не нравилась такая «двойственность», поскольку она в любом случае серьезно деформирует личность. Изменить положение я не мог, и мой уход был органичен.

Первая книга

Еще перед «сенаторской эпопеей», в 2000 году, Виктор Добросоцкий написал свою первую книгу, которая называлась «Ностальгия по будущему». Кстати, алогизм «ностальгия по будущему» придуман был впервые, а сегодня растиражирован по всему миру, как в художественной, так и научной литературе, а родилась книга из тоста, произнесенного им на защите диссертации! Тогда Виктор Иванович вспомнил, как вскоре после распада СССР оказался в американском Балтиморе...

— Формировался новый политический ландшафт планеты, — рассказывает Виктор Иванович, — и американцы собрали представителей бывших союзных республик, которые, за исключением нас, русских, буквально поголовно были националистами. Совсем недавно они «добивали» Союз в составе Народных фронтов, а в новых национальных государствах получили большие или не очень должности. И вот американцы — представители единственной сохранившейся в то время сверхдержавы, победители в «холодной войне» — устроили свое-

образный «смотр» постсоветских сил.

Первое потрясение, которое я испытал, касалось того, что все наши бывшие советские «братья» вдруг позабыли русский язык! Выступали они на симпозиуме на своих национальных языках. У американцев просто не оказалось синхронных переводчиков с этих языков на английский.

Были только синхронисты с русского языка, соответственно, казахи, узбеки, киргизы, грузины, прибалты, белорусы, украинцы остались без перевода. Собравшимся на симпозиуме представителям 40 стран мира синхронисты смущенно сообщали: *«Этот человек говорит на неизвестном нам языке, извините, перевод невозможен...»* И дальше в наушниках была тишина. Американцы не предусмотрели, что может произойти такой казус.

Акция была явно подготовленной. А идея этой антисоветской акции проста: спикеры-националисты должны были всему миру продемонстрировать, что Советского Союза больше не существует, что русские — посрамлены, что Америка, как говорится, управляет миром в одиночку. И тут — такой прокол!

Главный эпизод, который врезался в память Добросоцкого и потом составил ядро сюжета его первой книги, произошел в последний день Балтиморского мероприятия. Американцы собрали на огромном корабле для ночной морской прогулки и завершающего праздничного дей-

ства около тысячи делегатов. Все шло по накатанной программе, всем было хорошо и весело. Минут за двадцать до окончания круиза американцы решили спеть свой гимн, поставив тем самым красивую «точку» в празднике. В центр палубы вышли двенадцать человек (для справки: мало кто из американцев знает свой гимн, поскольку он весьма сложен для запоминания; поэтому для официальных мероприятий обязательно приглашают специально подготовленные группы «певцов американского гимна») и запели — слаженно и красиво...

— Многие прекратили разговоры в знак уважения к американскому гимну, кто-то даже встал, — умело дорисовывает картину Виктор Иванович. — Хотя возле столиков для фуршета по краям палубы внимания на американский гимн никто не обращал, люди там продолжали есть, пить, танцевать, веселиться.

Только закончили американцы петь, ко мне подошел замминистра сельского хозяйства Молдовы и говорит: *«Давайте мы тоже что-нибудь споем...»* Я ему отвечаю: *«Что? У нас теперь — Глинка, у вас — даже не представляю, что»*. Тут украинец подходит: *«Может, наш украинский гимн споем?»* *«Вы что, издеваетесь?»* — говорю ему. — *«Есть опасность — под него танцевать будут»*.

Пока мы так переговаривались, многие из бывших «советских» подтянулись. Вдруг кто-то предлагает: *«А давайте гимн Советского Союза грянем!»*

Молдавский замминистра говорит: *«А давайте! Пусть даже с работы снимут потом! Не хочу быть "маленьким" и "развивающимся", как нас тут американцы всем представляют! Надоело, я буду петь!»*

Дело в том, что только российская делегация приехала за свой счет, а расходы остальных бывших «советских» полностью оплатили американцы — дорогу, проживание, питание, суточные... Короче говоря — все! А раз оплатили, то, соответственно, были убеждены, что «клиенты» принадлежат им, что называется, «душой и телом». А тут несколько наших делегаций — российская, белорусская, украинская, молдавская, грузинская и некоторые другие — взялись за руки в центре палубы, создали огромный живой круг и запели великий гимн исчезнувшей великой страны.

Надо было видеть глаза американцев! Им-то казалось, что они развалили и победили Союз, а он жив в душах не только бывших его граждан, но и в памяти жителей всего мира.

Именно поэтому при звуках гимна великой страны все перестали есть, пить, возникла щемящая тишина, как минута молчания об исчезнувшей стране. В эту минуту каждый из нас понял, что мы потеряли не только великую страну, но и часть самих себя.

Такую вот занимательную историю Добросоцкий рассказал на защите своей диссертации. И акаде-

мик Загорулько заявил: «Эх, неплохо было бы, если бы об этой истории узнал весь мир...» Виктор Иванович пообещал ему это.

Позже он написал маленькую новеллу. Волею случая ее прочитал добрый друг, продюсер и режиссер, Антон Борщевский. Он быстро пробежал глазами текст и воскликнул: «*Готовое кино! Надо снимать!*»

— Написание сценария Борщевский поручил кому-то из своего окружения, — рассказывает Виктор Иванович. — Прочитал я несколько предложенных вариантов синопсисов — все было не так и не о том, о чем мне хотелось поведать. В конце концов, сам взялся за дело. Написанное передал Борщевскому. Через время он мне позвонил. «*Слушай, — говорит, — я отдал твой сценарий Аркадию Инину (он тогда заведовал кафедрой сценарного искусства ВГИКа), и Аркадий Яковлевич сказал, что это готовый роман, а никак не сценарий! Этому человеку нужно писать романы.*»

Будучи сенатором, литературную работу я не прекращал. Родился роман «Продавец игрушек», по которому был снят одноименный фильм, где сыграл сам Пьер Ришар. Фильм потом собрал немало призов... Так постепенно и наладилась моя творческая жизнь, которую я веду под лозунгом: «*Пишу о том, что удивляет меня самого. И не пишу о том, чему не удивляюсь!*»

В общем, к моменту сложения с себя сенаторских полномочий я четко представлял, чем заниматься

дальше. Свои литературные опыты я не отношу к профессиональному писательству. Оно не кормит мою семью. Это часть моего существования, миссия, если хотите. Это попытка поделиться с миром, с читателем своим мироощущением. Литература, на мой взгляд, гораздо глубиннее кино — ну, за исключением, может быть, арт-хауса. Массовое кино, как правило, являет собой упрощенный, прямолинейный, схематичный и поверхностный взгляд на реальность.

Книга же обладает таким эффектом: буквально каждый из читателей прочитывает ее совершенно посвоему. Потому что она не предназначена для примитивной передачи какого-то сюжета или эмоций, а выстраивает в человеке определенный ассоциативный ряд смыслов, связанных с его жизнью. Поэтому мораль книги у каждого читателя получается своя: одни увидели в романе рассказ о первой любви, другие посчитали, что это притчевое повествование, третьи высмотрели юмор, четвертые любопытные политические контексты... Вот что такое книга! Книга — это отражение наших душ в зеркале страстей бытия.

Святейший

Для поддержания нравственного поля общества не только России, но и всего мира большую миссию выполняет Русская Православная Церковь, убежден Виктор Иванович. Совершенно особая роль принадлежит высшим церковным иерархам, осо-

бенно предстоятелям... Виктору Ивановичу посчастливилось лично знать патриарха Алексия II, которого он считает святым.

— Благодарю Бога, что была у меня возможность пообщаться с ушедшим патриархом, — говорит Виктор Иванович. — Знаете, говорят, он ведь словно знал о своей кончине заранее. Я в это верю. Вечером простился со всеми близкими ему людьми — простился так, будто в последний раз их видит, и... ушел! Но для тех, кто его знал, он словно всегда рядом.

Мне особенно памятен один из первых праздников 4 ноября — Дня народного единства. Связано это с Рождественским монастырем, где долгое время существовала целая комната, буквально с останками русских воинов, защищавших Москву в лихие времена. Их мощи выкопали монахи, когда монастырское кладбище в советское еще время отдали под строительство школы, располагавшейся на территории монастыря. Алексей II мечтал по-христиански отдать останки земле. Требовалось построить склеп на территории монастыря и совершить обряд захоронения. Многие мои товарищи взялись за организацию этого святого таинства. Патриарх лично назначил время проведения службы в 16 часов 4 ноября, в День Казанской иконы Божьей Матери.

И вот наступило 4 ноября, моему, 2007 года. Зима тогда пришла ранняя. Мороз градусов 15, ветер, а людей собралось немало. Многие

сомневались: ну как патриарх уйдет с президентского приема?.. Ведь праздник 4 ноября, День народного единства.

Ровно в 16 часов подъехала машина с патриаршими знаками отличия. Увидев патриарха, все забыли про непогоду. Я спросил: *«Святейший, как вам удалось освободиться?»* А он отвечает: *«Есть дела мирские, а есть дела святые...»*

И началась служба. Обряд отпевания был больше часа. Сильный ветер со снегом напоминал зимнюю вьюгу, а патриарх служил самозабвенно, без головного убора. Его белые волосы развивались на ветру, на них падал снег... Думаю, не один я, видя эту картину, чувствовал рождающуюся во мне огромную светлую радость. Мне казалось, что не только я, но все собравшиеся переживали вхождение в некие потаенные смыслы мироздания, которые открывал для нас патриарший молебен.

На поминальном ужине Святейший выглядел умиротворенным и просветленным. Улучив момент, он сказал: *«Как я счастлив, что наконец-то сделал это...»* И было по всему видно, что это действительно так. Для него это была не работа, не просто служба, а истинное служение людям, Богу и вечности. После того я почувствовал, что патриарх — это святой, который приходил в наш мир именно объединять людей и показывать им примеры истинно вселенской доброты.

Запомнил Виктор Иванович и другой эпизод, связанный непосред-

ственно с ним самим. День рождения Святейшего приходился на 23 февраля, а накануне, 22 числа, Добросоцкий оставил пост сенатора.

В Рождественском монастыре имелась небольшая церковь, где патриарх любил служить именно в свой день рождения. Туда Виктор Иванович с супругой и отправился — не в лучшем, по понятным причинам, настроении.

— Во время небольшого перерыва ко мне подошла игуменья матушка Викторина и передала, что патриарх меня ждет. Вдруг он говорит мне: *«Я знаю, что произошло. Поверьте, все только к лучшему»*. Потом пригнул меня к себе, обнял и закончил: *«Вас великие дела ждут...»*

Вышел я от него, жена сразу все поняла по моему виду. Успокоилась и сказала: *«Раз улыбаешься, значит, все — слава Богу!»*

О чудесах Добросоцкий часто рассказывает в своих книгах, и читатель думает, что это вымысел автора, а на самом деле все берется из реальных событий, связанных или с жизнью автора, или с его окружением.

— Дело было так, — рассказывает Виктор Иванович. — Как-то мы с моим приятелем отправились в город Кудымкар Коми-Пермяцкого округа. В городе было организовано плановое мероприятие, а после него сенаторы, депутаты Госдумы отправились за 200 километров в имение Строгановых. Согласно местной легенде, именно там один из крепост-

ных изготовил первый в России велосипед... После осмотра достопримечательностей нам предложили трапезу на теплоходе и экскурсию по водохранилищу.

Ну вот, едем мы туда и видим по дороге очень красивый храм. Остановились, зашли. Батюшки не было, встретил нас церковный староста, разрешивший осмотреть все. Походили мы, поахали, повосхищались. Вдруг староста и говорит: *«Чудо вам сейчас покажу...»* — и выносит старую икону. Попутно объясняет, что ее оставила храму в подарок не так давно покинувшая мир старушка...

Икона являла собой древнюю, потемневшую доску, на которой буквально ничего невозможно было разобрать. Решили позже определиться, что с ней делать, а пока отставили на время в сторонку, ну и, как водится, забыли.

Однажды убиравшая в помещении женщина заметила, что внизу икона очистилась и засияла золотым светом узкая полоса. Все были удивлены. Пытались понять, что происходит, вызывали специалистов, но так никто и не смог толком объяснить, почему икона, попав в церковь, стала постепенно очищаться сама собой... Когда староста нам ее показывал, изображенный на ней Святой Георгий Победоносец сиял уже практически на три четверти!

Под сильнейшим впечатлением Добросоцкий с коллегами вышел на крылечко храма... Вдруг у него в голове словно прозвучал чей-то голос: *«Челн утопнет...»* Рассказал всем об

этом, а ему в ответ: *«Да ладно, Виктор, хватит уже мистики на сегодня, все нормально будет!»* Никто предсказанию значения не придавал, и поехали дальше.

— Посмотрели имение, культурную программу выполнили и отправились к водохранилищу, — рассказывает Виктор Иванович. Подъезжаем к пристани, видим теплоход, который готовится причалить к берегу, чтобы нас забрать. Вдруг с воды прокатился какой-то глухой звук, и теплоход начал погружаться в воду!.. Слава богу, никто не пострадал, все закончилось благополучно. Но о произошедшем быстро узнали другие депутаты и сенаторы — так и возникла у меня репутация ясновидящего.

Что это было, понятия не имею. Однако помнить все — и чудесную икону, и ту историю с «голосом» и теплоходом — буду, конечно, до конца своих дней...

Не хлебом единым

После ухода из Сената Добросоцкого пригласили в советы директоров ряда компаний. Он стал больше времени уделять прикладной экономике, от чего, по собственному признанию, получает огромное наслаждение. Россия, считает Виктор Иванович, во многих смыслах «заблудилась в рыночной экономике».

— Вот, советы директоров разрабатывают и внедряют экономические инструменты, которые должны привести компанию к успеху, —

уточняет свою нынешнюю позицию Добросоцкий. — Это и есть прикладная экономика. Очень увлекательная работа. Не менее интересно выстраивать для крупных корпораций, например, программы стратегического партнерства, проекты развития кластеров и прочее. Заодно понимаешь, что возможности российской экономики воистину безграничны, но требуется правильная настройка и умное управление экономическим комплексом.

Не забывает Виктор Иванович Добросоцкий и о своей «малой родине» — Приднестровье. В Тирасполе хорошо помнят его отца. Исполком Тираспольского горсовета принял решение увековечить имя Ивана Андреевича Добросоцкого, которое присвоено городскому троллейбусному управлению. Буквально в начале ноября 2017 года ему открыли также памятную доску, и Виктор Иванович с семьей специально летал туда, чтобы лично поучаствовать в торжестве.

— У меня сложилось прекрасное мнение о новом президенте Приднестровья Вадиме Николаевиче Красносельском, — делится впечатлениями Виктор Иванович. — Привлекают в нем, прежде всего, высокий интеллект, отличная историческая подготовка, патриотизм — как в отношении Приднестровья, так и в отношении России. Вызывает уважение стремление Красносельского к восстановлению исторических контекстов и здоровой культурной сре-

ды в республике. Не скрою, все это меня приятно удивило, потому что даже в России такое не везде встретишь. А человек, как известно, жив не хлебом единым, но также духом своим и традициями предков. Понятно, что Приднестровью необходима постоянная и самая разнообразная помощь России. Но все затраты, на мой взгляд, более чем оправданы. Ведь значительная часть приднестровцев — граждане РФ. Так что помогаем мы нашим согражданам, что является конституционной обязанностью российского государства. Политика эта абсолютно правильная, я считаю, и ее следует продолжать даже более интенсивно, чем раньше...

Эпилог

Фамилия «Добросоцкий» не относится к разряду широко распространенных. Согласно одной из версий, появилась она в стародавние времена, когда большинство проживавших на российских землях людей еще фамилий не имели вовсе. Однако некоторым сословиям — например, церковнослужителям — она полагалась в обязательном порядке. Поэтому выпускникам духовных семинарий ее «назначали» наставники... Так вот фамилию «Добросоцкий» давали тем семинаристам, кто входил в «Добрую сотню», то есть считался особо одаренным, показывал отличные результаты в учебе, отличался примерным поведением и рвением к православному служению.

Если исходить из такой трактовки, то Виктор Иванович Добросоцкий своей редкой фамилии соответствует полностью. Ему до всего есть дело, и во всем он старается увидеть смысл и добиться совершенства. Поэтому жизнь его полна самых разных событий, в которых он умеет выделить главное, чтобы двигаться к новым целям и новым свершениям. □

Анатолий Коротков

МАЛАЯ РОДИНА

Я родился в сибирской деревне,
Много разных невзгод перенес,
Но мне дорог простор наш безмерный,
И порой я скучаю до слез.

Снятся мне перелески степные,
Ракиты у речных берегов,
И березки, до боли родные,
И под вербой утраченный кров.

Светлой памятью детские годы
Сохранились в душе навсегда —
Вечера на печи в непогоду,
Майский праздник весны и труда,

Когда митинг, и флаги, и песни,
Пионеров цветной хоровод...
Все волнительно, интересно,
Он зовет за собою в поход.

Много пройдено в жизни походов,
В разных странах бывать довелось.
Мысли не было о доходах,
Лишь бы Родине лучше жилось.

ПРЕДВЕСТИКИ

Там, где земля обнимается с небом,
Заря извещает, что быть нынче с хлебом.
Хорошая вырастет в поле картошка,
Свекла и лучок, и всего понемножку.
Но грозные сполохи алой зари
Беду предвещают, она у двери!
Готовиться нужно ее отразить,
Противников всех на подходе сразить.
Нельзя расслабляться на крохотный миг,
Чтоб острый конфликт у дверей не возник.
Всей нечисти плотный поставить заслон,
За дверью давно уже слышится стон.
Наверное, каждому нужно понять —
Отчизна одна, это Родина-мать.
Ее мы должны беззаветно любить,
Единой и цельной в веках сохранить!
А тем, кто пытается нам помешать,
Пора бы понять, без них легче дышать.

ПУТИ-ДОРОГИ

*Другу детства и юности,
Сафронову Владимиру Артемовичу*

Я родился в далекой Сибири,
Где болота и много озер.
Мне ночами метели трубили,
И в походе я с тех давних пор.

Довелось обойти пол-Европы,
Новороссию, Волжскую степь,
А теперь — подмосковные тропы...
Жаль, другие уже не успеть.

Широки вы, родные просторы,
Мало жизни, чтоб все обойти.

Только тянет зачем-то, повторно,
В те места, что встречал на пути.

Может быть, не красоты так манят,
А родня, сослуживцы, друзья.
Ведь душа никогда не обманет,
Забывать о прошедшем нельзя.

Вот уже и приблизилась старость,
Очень хочется всех повидать,
И прожитое, пусть даже малость,
Как родное, всегда вспоминать.

ЯВЬ

Шуршит листва берез повислых
Под дуновеньем ветерка.

А песни пташек голосистых
Смешались с песней ручейка.

Вдруг застучал цветастый дятел
По засыхающей сосне,
А стон кукушки, еле внятный,
Витает где-то, как во сне.

Вся красота родной природы
В сознании сонном проплыла,

И чувство радостной свободы
Душа как будто обрела.

Возникли образы из сказки.
Там Лукоморье, дуб на нем,
Царевна Лебедь, нега, ласки,
И мы вдвоем в дворец идем.

Все пронеслось в моем сознании,
Совсем как Явь, ни дать ни взять.
Остались лишь воспоминанья,
Любовь в душе и благодать.

СОН И ВДОХНОВЕНИЕ

Очень сладко спится у Наташи.
Лебединый пух ее перин
Обтекает нежно, словно пташек
Греет в стужу ласковый пингвин.

Сладкий сон одолевает душу,
Отдавая райское тепло,
Будто бриз на каменную сушу
Разливает жидкое стекло.

Легкий звон его прекрасных
звуков

Вызывает светлые мечты,
А волшебной песней убаюкав,
Погружает в сон, где я и ты.

И рождает время вдохновенье,
Прибавляет бодрости и сил,
Это Космос легким
дуновеньем
Душу свежей влагой оросил.

Очень сладко спится
у Наташи...

ВОСПОМИНАНИЕ

Я ушел из родной деревни
В неизвестную смутную даль,
И осталась в душе безмерной
Не убитая жизнью печаль.

Помню дребезг полуторки старой,
С перестуком и скрипом вагон,
И гудок паровоза усталый,
И густую вагонную вонь.

А потом на два года казарма,
И шинель под солдатским ремнем,
Встреча с маршалом-ветераном
В карауле морозным днем.

Поезд траурный Чойбалсана
К мавзолею в Монголию вез,
В нем Буденный, вместе с охраной,
Караул государственный нес.

Вышел он на Иркутском перроне
Перед строем, напротив меня,
И сказал: «А мороз-то ядреный!
С Колчаком здесь сражался я».

Довелось мне встречать Хо Ши Мина,
И китайских вождей довелось...
Гордо выпрямив плечи и спины,
Строевым провожали их в ночь.

А потом офицерская служба
За границей, в чужой стороне,
И мужская армейская дружба
В подготовке к грядущей войне.

Эти годы меня воспитали,
Научили терпеть и любить,
И друзей, что в чужбине остались,
Мне уже никогда не забыть.

Не забыл я родную деревню,
Гложет душу по Родине грусть.
Утекло мое время, наверное,
И обратно его не вернуть.

МУЗЫКА И ПОЭЗИЯ

Елены Камбуровой

В детстве человек гораздо более хрупок, чем кажется. И детская неудача может отразиться на всей дальнейшей жизни. Особенно, если все происходит в такой тонкой материи, как творчество. В юном возрасте — в десятом классе — нашей героине

пришлось пережить фиаско. Вот как она сама вспоминала об этом: «Задумала выйти необычно — прямо из зала. Да еще попросила, чтоб меня в конце программы поставили. Это был провал провалов! Если такой эпизод показать в кино, он был

бы ультракомедийным. Девочка хочет, танцуя, пройти сквозь зал, на первом же шаге опрокидывается, падает, потом, наконец, проталкивается через своих сверстников на сцену, открывает рот, пытается петь, а звук не идет. Она перебегает на другую сторону — голоса все равно нет. В общем, погримасничала и убежала. Волна волнения поглотила меня совершенно. Зрители смеялись, а я, даже не взяв шубу, побежала домой в чем была. И три дня не ходила в школу. Вот такой первый экзамен, который я абсолютно не выдержала».

Была середина пятидесятых — все девочки мечтали (как, впрочем, и теперь) стать актрисами. И Лена Камбурова тоже. Выросшая в интеллигентной семье (папа — инженер, мама — врач), она с детства тянулась к искусству. И неудивительно — все в семье, так или иначе, пели: бабушка, мама, а отец еще и играл на гитаре.

Корни Елены Камбуровой — греческие. Предки ее жили в Приазовье, а сама она родилась в Сталинске (сегодня это Новокузнецк) в 1940 году. После войны семья переехала на Украину, где Лена и оканчивала школу, и где произошел тот самый эпизод с «выходом из зала».

Поступать в театральный институт сразу после школы она не стала — вначале два года проучилась в киевском институте промышленности, потому что театральный казался ей чем-то недостижимым.

Однако мечта взяла верх, и в 1959 году Елена отправилась в сто-

лицу, поступать в Щукинское училище. Правда, с первого раза не получилось, несмотря на то, что абитуриентку отметили и Цецилия Мансурова, и Борис Захава. Говорили даже, что Камбурова подражает Мансуровой, хотя молодая девушка до этого никогда великую актрису и не видела!

Покидать столицу ей не хотелось, и она решила остаться в Москве. Но средств к существованию не было совершенно, и Лена устроилась работать маляром, чтобы хоть как-то сводить концы с концами.

Весь этот год ее поддерживала, по ее собственным словам, абсолютная вера в то, что у нее впереди интересная, большая жизнь. Только с этим ощущением и можно было выжить в неотапливаемых бараках, где зимой приходилось спать под одеялом в пальто...

Покорять Щукинское во второй раз Камбурова не стала, и через год поступила в московское цирковое училище на курс артиста эстрады к мастеру С.А. Каштеляну. Как она сама позже вспоминала: «Я — как Буратино, который шел в одну школу, а пришел в другую». Ей в училище понравилось — было в этом что-то романтическое.

Именно Каштелян первым заставил ее задуматься о певческом — а не артистическом — пути. Песня уже глубоко завладела ею, и она поняла, что сможет существовать как актриса именно в этом жанре. Сергей Александрович Каштелян посоветовал своей студентке послушать

песни Новеллы Матвеевой и Булата Окуджавы. С них и началась, по сути, певица Елена Камбуrowa.

С Окуджавой они впоследствии дружили, и он очень высоко оценивал ее творчество: «Природа позаботилась о ее вокальных средствах, но разве у нас мало исполнителей с прекрасными голосами? Я поражаюсь широте возможностей, которые демонстрирует этот мастер: точностью ее переходов от острого гротеска к мягкой грустной лирике, от трагической пронзительности к тихому смеху. Не всякому дано счастливое сочетание вокала, ума и таланта. Этим обладает Елена Камбуrowa».

Собственно с обучением пению у нее «сложилось» не сразу. Поначалу она даже отказалась в училище от уроков пения, потому что педагог определила ее голос как колоратурное сопрано. На самом же деле, голос скорее был ближе к меццо-соп-

рано, для развития которого требовались другие упражнения.

Первые слушатели появились у Камбуrowой благодаря «устным журналам». Такая форма выступления была популярна в те годы. У журнала были свои «странички» — политическая, чтецкая, бардовская. Одной из таких «страничек» была и Камбуrowa.

Ее стали узнавать и любить зрители. А вскоре произошла судьбоносная для певицы встреча с пианисткой и композитором Ларисой Критской. Вместе они искали стихи для новых песен, создавая нечто совершенно непохожее на эстраду тех лет.

Как впоследствии не раз заявляла Камбуrowa, первооснова песни для нее — это поэзия. Если ей нравятся стихи, она готова послушать музыку. Если же нет — песни не получится. В семидесятых годах она пела на стихи поэтов Серебряного века — Блока, Цветаевой, Ахматовой, Мандельштама и даже Маяковского.

Еще будучи студенткой училища, Лена начала петь и записывать чтецкие выступления для радио. Благодаря радио произошло одно из самых значимых знакомств в ее жизни — с Фаиной Георгиевной Раневской. Та услышала на радио прочитанный Камбуровой рассказ Горького «Нунча» и была так поражена, что написала на радиостанцию письмо, начинавшееся словами: «Никогда не писала на радио...» Когда же они лично познакомились (уже в последние годы Раневской), та сразу прониклась любовью к Камбуровой. Она говорила Лене: «Деточка, как хорошо, что вы не фифа». И еще: «Запомните, я вас благословляю».

Елена записывала много пластинок, ездила с гастролями, озвучивала кинофильмы. Кино вообще стало

отдельной творческой строкой в биографии Камбуровой.

В нескольких картинах ей довелось сняться — «Театр неизвестного актера», «Воспоминание», «Клоун», «Мой нежно любимый детектив». Но в основном ее голос звучит за кадром. В ее «копилке озвучивания» более ста картин. Благодаря широкому диапазону, Камбунова могла петь голосами детей, волшебных и смешных героев. Ее голос звучит в фильмах «Пассажир с Экватора», «Раба любви», «Дульсинея Тобосская», «Небеса обетованные», «Приключения Электроника», «Однажды двадцать лет спустя».

В картине «Гадемарины, вперед!», где был собран прекрасный певческий состав, Елена Камбунова вместе с Олегом Анофриевым записала композицию «Разлука», а также спе-

ла все песни за героиню, которую сыграла Татьяна Лютаева.

Голос Камбуровой знаком даже тем, кто никогда о ней не слышал — именно он звучит в заставке «Ералаша» и в песне из передачи «Спокойной ночи, малыши».

Судьба подарила ей дружбу со многими талантливыми людьми. Так, у Камбуровой планировался совместный проект с Леонидом Енгибаровым. Когда она поступила в цирковое училище, он уже был легендой, работал в цирке, где шла его программа «Причуды клоуна». Ему хотелось сделать спектакль с участием драматической актрисы и музыкантов. И в качестве актрисы он выбрал Камбурову. К сожалению, совместному проекту не суждено было осуществиться — Енгибаров ушел из жизни, когда ему было всего 37 лет.

Елене было интересно не только пение, но его развитие, история этого жанра. В 1986 году на фирме «Мелодия» была записана пластинка «Да осенит тишина», где певица предлагает слушателю свой взгляд на историю — через песню. Это цикл выстроен тематически: здесь есть и русские народные песни, и авторские баллады на исторические темы.

По окончании училища Камбурова получила и высшее образование — окончила отделение эстрадной режиссуры ГИТИСа.

Певица никогда не афишировала свою личную жизнь — во всех интервью эта тема под запретом. Известно лишь, что ее первым мужем был композитор и пианист Кирилл Акимов, с которым она познакомилась еще во время поступления в цирковое училище. Прожили супруги вместе

всего шесть лет. Вторым мужем певицы стал ее коллега Алексей Воскресенский.

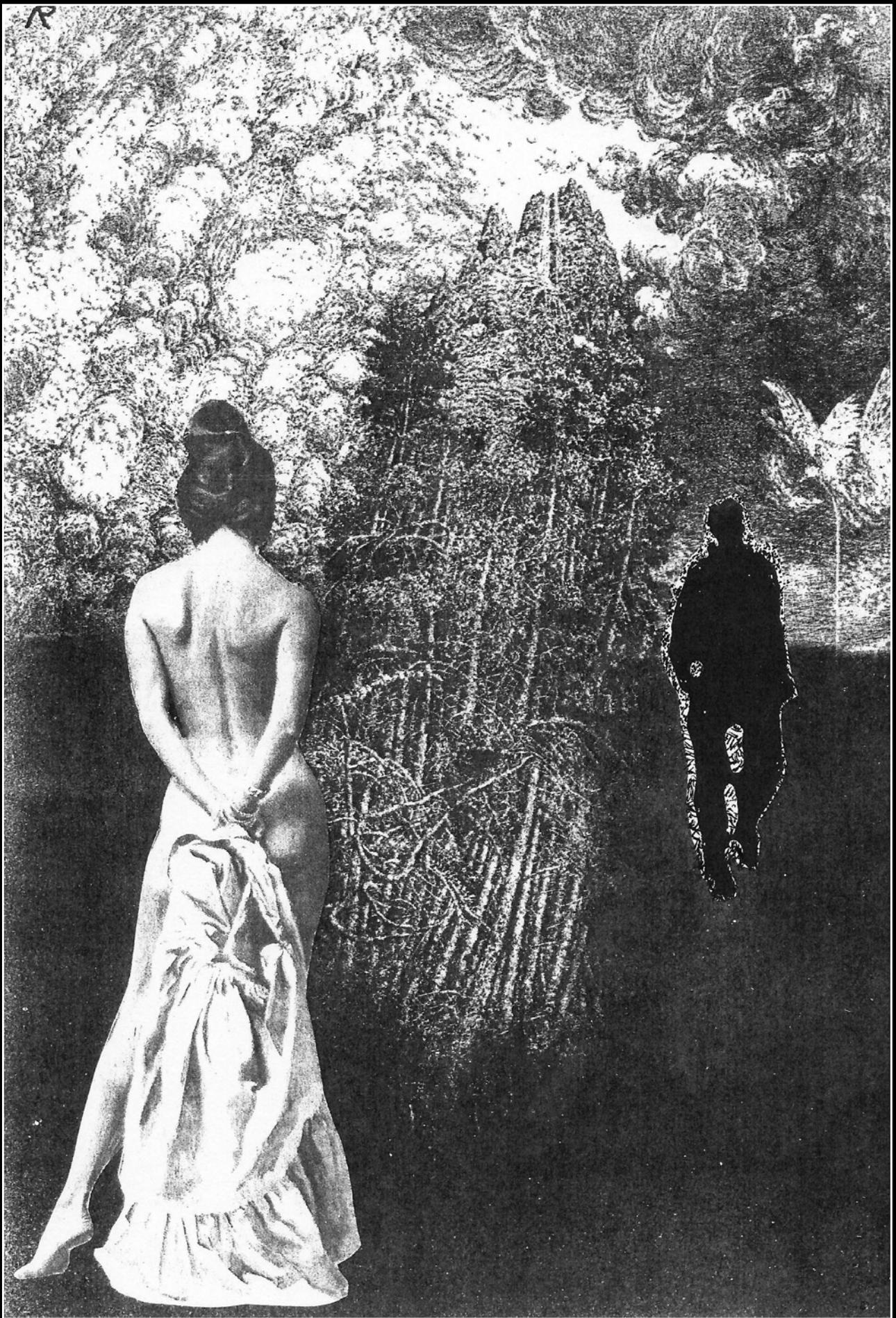
Помимо музыки Елена Антоновна занимается и защитой братьев наших меньших — она активно участвует в мероприятиях, посвященных им, и мечтает построить гостиницу для бездомных животных.

Еще в 1992 году Камбурова организовала собственный Театр Музыки и Поэзии, где является художественным руководителем и ставит спектакли, в которых все именно так, как ей нравится, и с точки зрения музыки, и с точки зрения поэзии. В этом театре возле Новодевичьего монастыря она, по ее собственным словам, скорее «собирает близких по духу людей», нежели осуществляет практическое руководство.

Сейчас в репертуаре театра около тридцати спектаклей, среди них —

множество детских. Сама Камбурова так говорит о своем детище: «Наш театр сегодня — это появление в России традиции петь и слушать песни, в основе которых стихи, окрыленные музыкой, их актерское проживание и душевное напряжение зрительного зала. Традиция — это конкретные люди. И те, кто вместе со мною сейчас, мои союзники, соратники, и те, с кем мы пока еще не знакомы, кого подарит нам завтрашний день. И мы будем уже вместе путешествовать в ту страну, которая дает возможность жить не только в соответствии с днем сегодняшним, но и в согласии с ритмами, вибрациями Времени Вечного».

Этот театр занимает совершенно особую нишу среди драматических и музыкальных: здесь все переплетено так глубоко, что объяснить практически невозможно — нужно прийти и послушать. ▢

*Не уходи смиренно, в сумрак вечной тьмы,
Пусть тлеет бесконечность в яростном закате.*

Дилан Томас

— Тебе хорошо со мной? — повернула она к нему свою голову.

Солнце падало, хватаясь красными закатными пальцами за большое живое поле, на котором они лежали. Ветер, сильный, но теплый, приятно щекотал его голый торс, прикрытый пледом. Холодная и теплая. Живая и мертвая, она лежала рядом, опустив голову ему на плечо. Небо над головой. Еще светлое, но песчинки звезд уже проступали, и он сверлил взглядом это огромное пронзительное пространство, у которого нет дна. Нет конечной точки, коснувшись которой, можно наверняка сказать «приятель, мы достигли границы». Да, можно выбраться из тропосферы и стратосферы, пересечь Линию Кармана, оставить синеву под собой. Распрощаться с полярным сиянием, и вот теперь уже точно попасть в открытый космос. Здесь нет предела, или нам просто не дано его найти. Это и есть бесконечность. От таких мыслей мурашки забегали по всему телу. Он упорно вглядывался куда-то туда, где, вероятно, на полпути к красной планете, находилась вторая, уже удачно запущенная экспедиция «Mars Two». Первая экспедиция из двадцати колонистов взорвалась на старте еще на Земле, а он наблюдал за событиями в прямом эфире вместе с отцом и рыдал горючими слезами. Переломный момент в его жизни. После него он с трепетом и боязнью начал относиться к космосу, осознав, что это не молочные планеты, населенные зелеными человечками, а бесконечное враждебное

пространство. Оно никогда не приютит и не приласкает, если ты сам этого не захочешь и не приложишь к этому массу усилий. Место, где нужно быть отважным и смелым. Таким был его отец. На его лице всегда отражалась твердая уверенность, даже если он не знал, что делать. Она заражала окружающих, передавалась каким-то магическим образом и успокаивала. Настоящий лидер, настоящий астронавт...

Антону было всего семь, когда марсианская экспедиция потерпела крушение. Все только и кричали про повторение тысяча девятьсот восемьдесят шестого. На семьдесят третьей секунде полета от «Челленджера» остались только щепки, если вообще огромные куски титана и стали от взорвавшегося шаттла можно назвать щепками. Сколько раз он смотрел видео этого короткого исторического полета в Интернете, а ведь тогда даже его отца не было в помине.

— Антон! — настойчиво повторила она.

— И да, и нет, — задумчиво покачал он головой.

— Почему? — спросила она, плотнее прижимаясь к нему всем телом.

Почему — три слога, шесть букв. Так что мешает ему дать ответ на такой простой вопрос? Он чувствовал на себе ее взгляд. Настоящий и фальшивый. Идеальное создание с ангельски-красивым личиком и двумя темно-кариими, широко посаженными глазами. Между ними было что-то похожее на симбиоз, два организма не могли существовать по отдельности. Антон все так же таранился в небо, а на душе скреблись кошки. Как давно он решил на этот поступок? Как давно мысли об этом поступке заставляют его выворачиваться наизнанку? Уже целую вечность, а может, даже больше.

Они появились в далеком 2025 году, японская секс-индустрия сделала огромный скачок вперед. Извращенцы и просто любители всяких диковин со всего мира выстроились в надежде получить одну из них. Людьюми двигало скорее любопытство, чем похоть. Захватывающий рекламный ролик обещал практически готовую жену в упаковке стоимостью тридцать тысяч «зеленых». Искусственный интеллект. Способность к самообучению и развитию. На деле же оказалось, что компьютерная программа внутри них просто обладала рядом сложных функций, таких, как пополнение словарного запаса, распознавание эмоций и прочее, что могло касаться семейной жизни. «Прекрасных леди» создали для беззаботного существования любого мужчины на Земле. Любая прихоть, любой каприз, и все это без лишней возни, ухаживаний и прочего. Бери и пользуйся! Всего было выпущено три вида «Real girl» — раскосая японка, европейка и чернокожая. Последняя, кстати, не пользовалась особой популярностью, не то чтобы белое население Земли питало особую ксенофобию к чернокожим, просто психологически модель идеальной женщины строилась в первую очередь на

основе расовой принадлежности, а из-за напряженной ситуации в африканских странах и большого притока беженцев в Европу бордели буквально переполнялись чернокожими проститутками.

Массовым протестам феминисток не было конца, корпорацию обвиняли в сексизме, а их требования были до смешного просты — прекратить производство «Real Girl». Естественно, ничего подобного не произошло, более того, через два года компания анонсировала следующую модель — «Real Girl-2». Корпорация также опубликовала данные о продажах первой модели, поражающие воображение цифры — 6 миллионов кукол продано по всему миру.

Они встречались на улице, в крупных городах мира вместе с этими надутыми мужиками, которые с гордостью шли с ними под руку, словно выгуливали какую-нибудь экзотическую зверушку. Их легко можно было отличить от человека: стеклянный взгляд и лицо, практически лишенное подвижности. Тем не менее, они притягивали взгляды прохожих, и Антон не был исключением. Он тарачился на них снизу вверх, а отец плевался и дергал его за руку:

— Один очень хороший человек говорил мне, что частое сидение в Интернете приводит к безалкогольному пиву и резиновым женщинам, так что запомни, сынок, если когда-нибудь ты купишь себе такую же искусственную бабу, ты мне больше не сын.

Антон только кивал под его выразительным взглядом. Шутка это была или нет, он не понимал, лишь провожал взглядом ее, верно идущую за одним из надутых мужиков. Отец вовсе не был моралистом, скорее был консерватором. Он просто считал что «мужик не должен "долбиться" с роботом». С ним сложно было спорить, да Антон и не хотел. Нет смысла спорить с человеком, который прав.

Вторая модель «Real Girl» вышла практически одновременно с девятым айфоном. Не стоит говорить о том, что все первые полосы были отданы этим прекрасным девчонкам, которые целиком и полностью затмили новый смартфон. У них появилось то, что перестало быть фантастикой для простого потребителя — искусственный интеллект. Хотя разработки в этой области уже несколько лет всю внедрялись в общество, почему-то заметили это только после выпуска куклы. Впрочем, ее уже с трудом можно было назвать куклой, уже не робот, но еще и не человек. Правительство оставалось в замешательстве по части того, как воспринимать этих стройных девочек. Кто они? На ком будет лежать ответственность, если с ними что-то случится? Это все тяжело было объяснить, казалось, мир верными шагами двигался в сторону историй фантастических фильмов, совсем недавно казавшихся не более чем утопией.

— Дай мне свою руку — сказал он, повернувшись к ней лицом.

Она протянула свое изящное запястье. Антон развернул кисть внутренней стороной. Едва заметные маленькие выпуклые знаки телесного цвета тянулись поперек кисти.

— Видишь?

Когда первые «Real Girl» уже были переработаны или отправлены на свалку, свет увидел «Real Girl-2». Совершенный механизм, созданный руками человека.

Он мог выбрать лицо. Сделать на заказ абсолютно любое всего за полторы тысячи долларов. Сумма, дающая фантастический шанс стать обладателем той, которую всегда хотел, или той, которую навсегда потерял.

— Видишь? — повторил он.

Она посмотрела на свой серийный номер на запястье и ответила:

— Да.

Антон нежно водил большим пальцем по выпуклым цифрам и буквам:

— В этом и заключается проблема.

Он чувствовал ее тело, такое настоящее и одновременно искусственное. То самое тело, которое несколько минут назад двигалось в такт с его на старом матрасе посреди поля. Она смотрела на него с тем выражением лица, которое на человеческом выглядело бы как грусть.

Демоны боролись, грызлись внутри, каждый отчаянно пытался победить. Они принимали решение, они были им самим. Сложное, но такое необходимое. Он сел, сбросив ее руку. Ветер трепал короткие волосы. Все вокруг казалось ирреальным. Красное небо, красная земля, сам воздух словно был цветным, как будто все смешали в одну цветовую палитру и пропустили через световой фильтр.

— Пойдем со мной, — глубоко вздохнул он.

Она встала во весь рост и начала одеваться, глядя на него грустными, почти человеческими глазами.

Антон тоже натянул на себя скомканную футболку. Он вполне мог обойтись и без нее, ему просто не хотелось, чтобы она видела, как бешено колотится его сердце.

Они ступили на тропу, каждая кочка и неровность которой еще столько лет тому назад отложилась в подкорке, казалось, ступни наизусть выучили каждый ее сантиметр. Вещи, остающиеся неизменными, вещи, будоражащие давно забытые воспоминания. Они пробуждают тебя, заставляя снова почувствовать человеком: живым, из мяса, костей и крови. Они ничего не знают о политических играх, о новых веяниях в моде, о насилии, терроризме и о том, кто с кем переспал. Им нет до этого никакого дела — маленьким отдушинам в огромном мироздании. Места, которые напоминают тебе о том, кто ты есть на самом деле. Помогают вспомнить, что ты все еще жи-

вешь на планете Земля, стерева хотя бы на время пелену надоевшей рутины. И совершенно не важно: старый двухсотлетний дуб это, или заброшенные развалины детского лагеря, или истоптанная полевая тропинка...

Ветер тихо шумел, волнами укладывая траву набок в закатных лучах умирающего солнца. Он мягко ступал по земле, к месту, которое сегодня должно стать главным, а за ним следом покорно и легко плыла она. Его восприятие сузилось, мысли собрались в один клубок из воспоминаний, размышлений и представлений. Он подвел отца, не оправдал его ожиданий, подвел сам себя, начав принимать наркотики. Совершил большую ошибку, затянувшую его так глубоко, что казалось, выбраться самостоятельно уже не удастся. Он мог стать нормальным человеком, собрав волю в кулак и вытянув себя из омута за волосы, как барон Мюнхгаузен. Граница нормальности в мире стиралась. Но кто сказал, что ты не прав, если твое мнение отличается от мнения массы? Пришло время для исправления своих ошибок. Все было в его руках, не хватало только щепотки смелости.

— Мы пришли.

Он остановился на небольшой площадке, чуть больше трех метров. На краю ее, там, где густела трава, виднелись перекопанные комья земли. Она подошла к Антону и, нежно обняв его, прошептала:

— И что же мы будем делать?

«Что же мы будем делать?» — тут же эхом отозвалось в голове у Антона. В груди щемило, стало трудно дышать.

Он стоял как вкопанный, безвольно свесив руки вниз, язык отяжелел, превратившись в гирю. Все исчезло. Все слова, все доводы разом покинули голову, стоило только ей обнять его. История, точно пущенная по спирали, повторялась. Только ее новый виток сейчас был гораздо ниже. Один из демонов ликовал, предвкушая приближающуюся победу. Но кое-что осталось, кое-что мешало — это был последний козырь проигравшего. Самый мощный, оставленный на конец затянувшейся партии, и сейчас он рвался наружу.

— Мы будем исправлять ошибки, — еле слышно выдавил он из себя.

Девушка отпрянула и вопросительно воззрилась на него.

— Встань, пожалуйста, туда, — указал пальцем на край площадки Антон.

Она сделала три шага назад и остановилась, не сводя с него глаз.

— Может быть, ты объяснишь мне, что происходит?

— Я все объясню, Энди... повернись, пожалуйста, спиной.

— За...

— Энди!

Она повернулась и послушно замерла. Вот и все. Тяжесть в кармане пропадает, но не навсегда. В этом мире ничто не исчезает бесследно. Она просто перемещается в правую руку. Черный потертый, но все такой же

надежный, такой, каким его оставил отец. Он вытянул руку вперед, послышался сухой щелчок — это флажковый предохранитель перешел в крайнее нижнее положение. Металл был готов, у него не было лишних вопросов. Он молчаливо ждал, как и многие годы до этого момента, вступая в диалог лишь в крайнем, но необходимом случае. Порывы ветра трепали ее красивые волосы. Его рука ходила ходуном, но даже если бы ветра не было, она бы все равно сильно тряслась.

— Антон! — Ее голос срывался, звучал сипло, как у человека, а ветер подхватывал и уносил слова прочь. — Антон, я люблю тебя, слышишь, люблю!

— Нет! Нет! Нет! — заорал он, но рука, дрожа и сопротивляясь, висела в воздухе, удерживая молчаливый кусок металла. — Это не твои слова, это слова чертовой программы в твоей голове! Все, что между нами было, с момента твоей покупки и до сегодняшнего дня, ни к чему не приведет! Это... это просто сплошной самообман, который сожрал меня и дал мне лживую веру в то, что все это взаправду! Ничего подобного! — Его глаза наполнились слезами. — Просто чертов мир сходит с ума, но я... я осознал и понял, что все еще можно закончить, пока не стало слишком поздно.

Вторая модель «Real Girl», названная им Энди, совершенное творение рук человека, молча выслушивала слова как не подлежащий обжалованию приговор.

— Энди, я ужасно сожалею о том, что мне придется сделать, но другого выбора у меня нет.

Рука крепко сжала пистолет. Пространство сузилось, время замедлило бег и теперь медленно струилось. По щеке потекла теплая соленая капля.

— Постой! Разреши мне задать тебе один вопрос, прошу тебя!

Антон не мог отказать. Просто не мог, и все.

— Только один, — опустил он руку.

— Если бы я смогла измениться и стать именно такой, какой ты бы хотел меня видеть, ты бы поменял свое решение?

— Ты не понимаешь! Ты ничего не понимаешь! Ты не изменишься, скажи мне, разве ты сможешь стать человеком?

— Я всегда стремилась к этому, я совершенна, я — почти человек.

— Почти... — повторил Антон.

— Прошу тебя, не делай этого, пожалуйста, прошу!

Солнце висело, не торопясь уходить за горизонт, будто бы хотело досмотреть этот очередной людской спектакль, успеть увидеть финал, прежде чем закроется занавес. Все кругом отливало красным, даже последний козырь, который медленно выходил на игровой стол, переворачивая все с ног на голову. Антон вытер щеку левой рукой и спросил:

— Ты сможешь родить мне ребенка? Ты сможешь родить для меня наследника?

Вдалеке пророкотал гром, тихо, раскатисто, но мощно. Обещанный в прогнозе погоды крупный циклон приближался. Энди обернулась. В этот момент произошло то, чего никак не могло быть, что казалось абсолютно невозможным — в глазах биоробота стояли слезы.

— Я люблю тебя!

Она сделала шаг к нему навстречу. 810 граммов твердо лежали в вытянутой вперед правой руке.

— Я тоже, именно поэтому все закончится прямо здесь и сейчас.

Второй шаг и первый выстрел совпали. Пуля прошила голову над правой бровью. Вторая пуля калибра девять на восемнадцать миллиметров вошла прямо в переносицу. Третий выстрел из пистолета Макарова не дал осечки, пробив левую скулу. Восемь выстрелов достигли своей цели — мозгового центра. Тело бионического робота, остывая, лежало на земле, рядом с ямой, выкопанной накануне вечером и укрытой от посторонних глаз сорванной травой. Небольшая саперная лопатка лежала неподалеку.

Последний луч солнца стлался по поверхности живого и чертовски красивого поля, кузнечики затаили свое ночное трещанье, а горсти свежей земли падали на дно ямы, пока не поравнялись с поверхностью.

Стихия приближалась, сверкая молниями в триста тысяч ампер. Завораживающе прекрасное и, в то же время, страшное зрелище. Антон швырнул лопату как можно дальше и отряхнулся. Пора. Тяжесть в кармане уже не казалась такой гнетущей. Он зашагал, пружиня на носках, ощущал каждую кочку на знакомой тропинке. Солнце зашло, день закончился, один из демонов танцевал на костях другого. В голове крутилась песня старой как мир группы, название которой он никак не мог вспомнить.

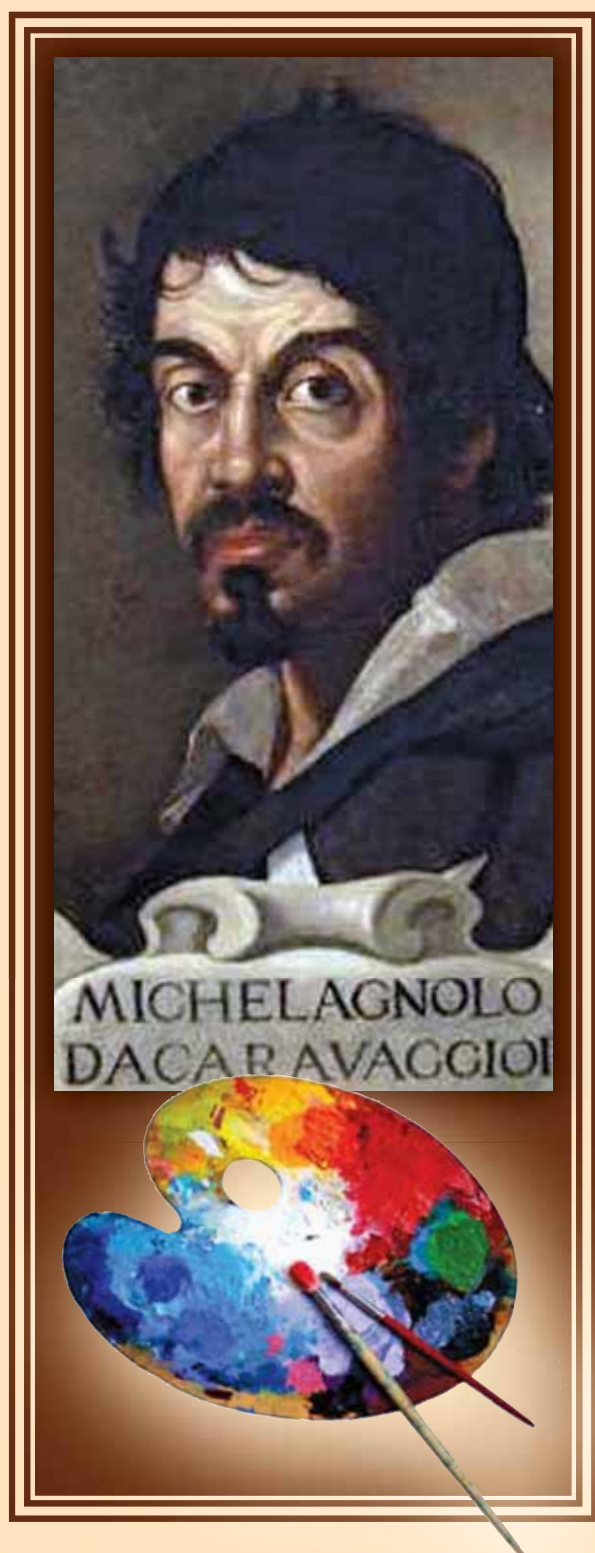
— I'm man on fire, walking through your street.*

Слезы, как бы ему не хотелось, потекли ручьями, но он, продолжая идти вперед, тихонько напевал въевшуюся в голову мозговым червем песню. Первые капли дождя робко упали ему на голову, он поднял взгляд к небу, еще не затянутому грозовой тучей. Россыпь звезд куполом расположилась по всему небосводу, образуя цепи созвездий и галактик. Он знал их все, без труда определил бы любое созвездие. Сердце сжалось в маленький плотный горячий комок, как сжалось в ту самую ночь, когда отец подарил ему Левенгук, и он впервые смог увидеть звезды так близко. Давно забытые чувства рвались наружу, разрывая грудную клетку. Он ощущал себя человеком. Настоящим живым человеком, из мяса, костей и крови. Капли дождя, принесенные западным ветром, били по лицу.

— Папа... — прошептал он и остановился. — Теперь у тебя снова есть сын... □

* — Я, объятый пламенем человек, иду по вашим улицам (англ.).

КАРАВАДЖО

Ирландская национальная галерея не принадлежит к ряду всемирно значимых собраний, но одну картину, хранящуюся в этом музее, знают все знатоки и ценители живописи — это великолепное полотно «Поцелуй Иуды» Караваджо. На нем изображен первый эпизод страстей Господних: Христос предан — Иуда его целует, и таким образом римляне узнают, кого они должны схватить. Об этом событии рассказано в трех евангелиях достаточно подробно. Многие художники, и среди них, к примеру, гениальный Джотто, часто использовали его в своих картинах. Но Караваджо совсем по-иному рассказывает об этой драматичной истории — на его картине живые люди, настоящий свет, настоящая тьма. Здесь все настоящее — благородство и предательство, правда и ложь. Вот-вот Иуда поцелует Иисуса, подавая таким образом знак стражникам, вот-вот они Его арестуют... На этой картине мы видим сбоку человека с фонарем — считается, что это автопортрет художника. Мощью своего таланта он освещает эту трагическую сцену...

«Поцелуй Иуды»

Микеланджело Меризи, так звали этого великого художника, бунтаря и хулигана. Жизнь его — настоящий приключенческий роман с дуэлями и погонями, героями которого были коварные кардиналы, погрязшие в разврате римские аристократы и даже мальтийские рыцари. Микеланджело родился 28 сентября 1573 года в ломбардском селении Каравад-

жо. Это селение и дало художнику прозвище, под которым он вошел в историю искусства. Его отец служил домоправителем в замке местного маркиза да Караваджо. В те времена в Италии были нередки страшные эпидемии, одна из них и унесла старшего Меризи — он умер, когда его сыну исполнилось всего 11 лет. Видно, маленький Микеланджело уже

тогда проявил свои художественные таланты, и маркиз устроил его в обучение к миланскому художнику Симоне Петерцано. Спустя пять лет юный художник отправился в Рим. В то время в Вечном городе, в центре мирового христианства, жили и высокородные аристократы, купавшиеся в роскоши, и простой, часто нуждавшийся люд, и солдаты, проститутки, мошенники, всяческого рода авантюристы. Но, главное, тут были деньги, и тут можно было найти работу: Папы изо всех сил старались украсить город, этот оплот католицизма, а потому сюда устремлялись художники, архитекторы, скульпторы со всей Италии. Однако у Караваджо поначалу с работой как раз дела обстояли плохо, и, как свиде-

тельствует его первый биограф Джованни Бальоне, «он до того обнищал и обносился, что несколько добросердечных братьев по профессии стали из жалости его поддерживать». Караваджо был счастлив, когда ему перепали случайные заказы, а когда их не было, растирал краски у тех, кому посчастливилось получить заказ на выполнение фресок, или даже просто прислуживал в богатых домах. Долго нигде не задерживался — уж слишком вздорный у него был характер, слишком острый язык, да к тому же привычка говорить правду в глаза... Кому это понравится?

Но понемногу он все-таки завоевывал себе место под римским солнцем — благодаря несомненному таланту и умению работать.

Слева:
*«Ужин
в Эммаусе»,
около 1600 г.*

«Лютнист»

В 1599 году Караваджо получил большой заказ: наследники французского кардинала Контарелли поручили ему расписать фресками фамильную капеллу в римской церкви Сан Луиджи дель Франчези. Там Караваджо выполнил три картины, посвященные святому Матфею. В его творчестве громко зазвучала тема страстей, жестокости, страшных испытаний, насильственной смерти («Жертвоприношение Авраама», «Юдифь», «Мученичество святого Матфея», «Давид и Голиаф»). Он словно напоминает людям: «Memento mori» — помните о смерти. Видно, такого рода сюжеты отражали его восприятие мира, в котором столько зла, несправедливости, неправды...

Теперь у него не было недостатка в заказах — все римские аристократы стремились заполучить его творения. Вот и братья Маттеи, представители известного в Риме и весьма небедного семейства, пригласили к себе модного художника. Маттеи были очень богаты — их дворец занимал целый квартал, а больше слуг было только у самого Папы, главы Ватикана. Старший Маттеи, Джироламо, будучи кардиналом, отличался строгостью нравов — на его половине всегда царили тишина и благолепие. А вот средний, Чириако, был совсем другим — и, прежде всего, он обожал искусство, поэтому решил украсить свою небольшую коллекцию картинами Караваджо. Художник принял предложение Маттеи и

Справа:
*«Отдых
на пути
в Египет»*

*«Юноша
с корзиной
фруктов»*

поселился в их дворце. Сначала он написал «Ужин в Эммаусе», от которого оба Маттеи — и кардинал, и сам Чириако — пришли в восторг и заказали ему еще одно полотно. По всей видимости, сюжет выбрал кардинал — «Взятие Христа под стражу, или Поцелуй Иуды».

Караваджо создал настоящий шедевр. На его картине — не евангельские герои, а сцена, которая могла произойти на любой из улиц Рима. Предательство — арест — близкая смерть. Он писал сразу, без этюдов и набросков, словно, приступая к работе, видел, какой будет картина, когда он ее закончит.

«Поцелуй Иуды» был написан всего за тридцать дней. Невероятно быстро для такой сложной работы. Но и гонорар за работу мастер получил небывалый — сто двадцать пять скудо! По тем временам это были очень неплохие деньги!

Вскоре Караваджо покинул гостеприимный дом Маттеи. Автор книги о Караваджо, современный итальянский искусствовед Д. Бонсанти, пишет: «Годы, когда он все более широко утверждал себя как художник, отмечены и большими перерывами в работе, которые были связаны с его буйным нравом и задиристым характером. Так экстремально выра-

зились черты его личности, которые в основе своей не были отрицательными, а явились лишь своеобразным проявлением антиконформизма. Несдержанный, впадавший в крайности в своем стремлении к самоутверждению, он, едва заработав какие-то деньги, разгуливал по городу — богато разодетый и в сопровождении пажа, несшего его шпагу, подозревая оскорбления и врагов там, где их, по всей вероятности, не было. Начиная с 1600 года, ссоры и кровавые схватки, в которых был замешан Караваджо, следовали одна за другой с впечатляющей регулярностью, их последствия делались все более

серьезными, а одна из ссор в 1606 году окончилась убийством».

Смертельно ранив во время игры в мяч своего противника, художник бежал из Рима. Начались годы скитаний: Флоренция, Модена, Генуя, Неаполь, Мальта, Сицилия, снова Неаполь... И только летом 1610 года он, наконец, получил разрешение вернуться в Рим. Отправившись туда морским путем, Караваджо по ложному доносу был заключен в тюрьму, а, выйдя на свободу, обнаружил, что фелюга с его скарбом исчезла. Как свидетельствует один из его современников, «разъяренный, метался он в отчаянии по берегу под палящим

солнцем, надеясь увидеть далеко в море суденышко, на котором осталось его имущество. Наконец добрался до жилья и слег с лихорадкой. Здесь (в Порто Эрколе), лишенный помощи, он через несколько дней скончался». Это случилось 18 июля 1610 года. Ему было всего лишь 37 лет...

Картина Караваджо «Поцелуй Иуды» долгое время являлась жемчужиной в семейном собрании Маттеи. Но шли годы, менялась мода, и в век Просвещения он, мрачный, приземленный, такой чересчур натуралистичный и порой грубый, как была груба жизнь в его эпоху, стал не интересен. Понемногу о нем забыли.

В 1793 году потомки Маттеи потеряли почти все свое состояние. Пытаясь хоть как-то улучшить ситуацию, они решили продать некоторые картины из семейного собрания. Была сделана инвентаризация, во время которой картину Караваджо приписали известному тогда голландскому художнику Герарду Ван Хонтхорсту (возможно, ошибочно, а, скорее всего, для того, чтобы повысить ее стоимость, ведь тогда уже никто не помнил Караваджо, а Хонтхорст был в цене). Позже картина была продана, а сведений о покупателе в архивах Маттеи не сохранилось. Считалось, что она потеряна навсегда...

В 1990 году, теплым августовским утром, реставратор Дублинской национальной галереи итальянец Серджио Бенедетти шел к зданию, где размещался местный Орден иезуитов. Монахи попросили его отре-

ставрировать несколько старых полотен, хранившихся у них. Одно из них было подписано именем Герарда Ван Хонтхорста. Почистив слегка полотно, реставратор понял, что это, скорее всего, копия картины Караваджо, но, поработав еще некоторое время, увидел, что это никакая не копия, а подлинный Караваджо! Бенедетти был счастлив — в его жизни случилось чудо!

Через три дня картина была уже в Дублинской галерее. Бенедетти снял слои лака и грязи, и краски заиграли. Всем местным музейщикам стало ясно — перед ними знаменитый «Поцелуй Иуды», с которого было сделано около дюжины копий, одна из самых известных картин в мире! В срочном порядке ее отправили в Лондон, в Национальную галерею, и столичные эксперты подтвердили: да, это настоящий Караваджо!

Но как картина попала к дублинским иезуитам?

Директор Дублинской галереи поручил Бенедетти расследовать судьбу полотна. Воодушевленный успехом итальянец отправился в путешествие по следам найденного им шедевра, объездил почти всю Европу, конечно, побывал и в Риме. Вот что ему удалось выяснить.

В архивах Маттеи имелось указание, что в 1802 году 6 картин, и среди них «Поцелуй Иуды», были проданы некому Уильяму Гамильтону Нисбету, уважаемому члену британского парламента и известному коллекционеру. Была указана и цена — 150 скудо. (На самом деле англичанин за-

*«Положение
во гроб»*

платил в 4 раза больше, но указал меньшую сумму, чтобы уменьшить налоги). Вернувшись в Англию, Нисбет отправил новое приобретение в свое шотландское поместье, где картина украсила гостиную. Правда, Нисбет не считал ее сокровищем — уже тогда темная, грязная, совсем не эффектная, она скромно

висела в углу, в окружении других картин.

В 1925 году умерла последняя представительница славного рода Нисбетов. Картина, вместе с другими полотнами, должна была попасть в собрание Шотландской национальной галереи, но музейщики ее не взяли, отвергнув по причине низкой

*«Принесение
в жертву
Исаака»*

«Музыканты»

художественной ценности. И тогда полотно (теперь уже как подражание Ван Хонхорсту) выставили на аукционе в Эдинбурге, где ее и купил — всего за 8 гиней! — некий мистер Джон Кемп. Этот человек, бывший боксер, дважды женатый, судимый за дачу ложных показаний, был личностью довольно темной. Он мастерски обдeldывал всяческие делишки. Но тут явно ошибся — решив, что купленная картина не представляет никакого интереса, легко с ней расстался, перепродав — как он, конечно же, считал — с выгодой.

Но кому? Это оставалось неизвестным, как и то, каким образом картина оказалась в Дублине у иезуитов. Поговорив со старыми монахами, Бенедетти узнал, что картину к ним принесла в дар некая Мэри Ли Уилсон.

Оказалось, что эта Мэри была замужем за английским полицейским

Персивалем Ли Уилсоном. В 1916 году на Пасху ирландские республиканцы устроили восстание — захватили почтамт и другие важные городские объекты. Они продержались целую неделю, а потом сдались. В подавлении восстания активную роль принимал и Уилсон. Когда бунтовщики уже были под стражей, он всячески унижал ирландцев, а одного из них, Тома Кларка, заставил раздеться на холоде прилюдно. Тогда наблюдавшие все это издевательство друзья Кларка поклялись, что рано или поздно отомстят за своего товарища.

Как-то инспектор полиции Ли Уилсон, выйдя из дома за газетами, назад не вернулся. Он был застрелен солдатами ирландской республиканской армии. Мэри, оставшись вдовой в 32 года, очень переживала его смерть. Многого не зная о своем муже, она считала его лучшим и благороднейшим из всех, кого встречала

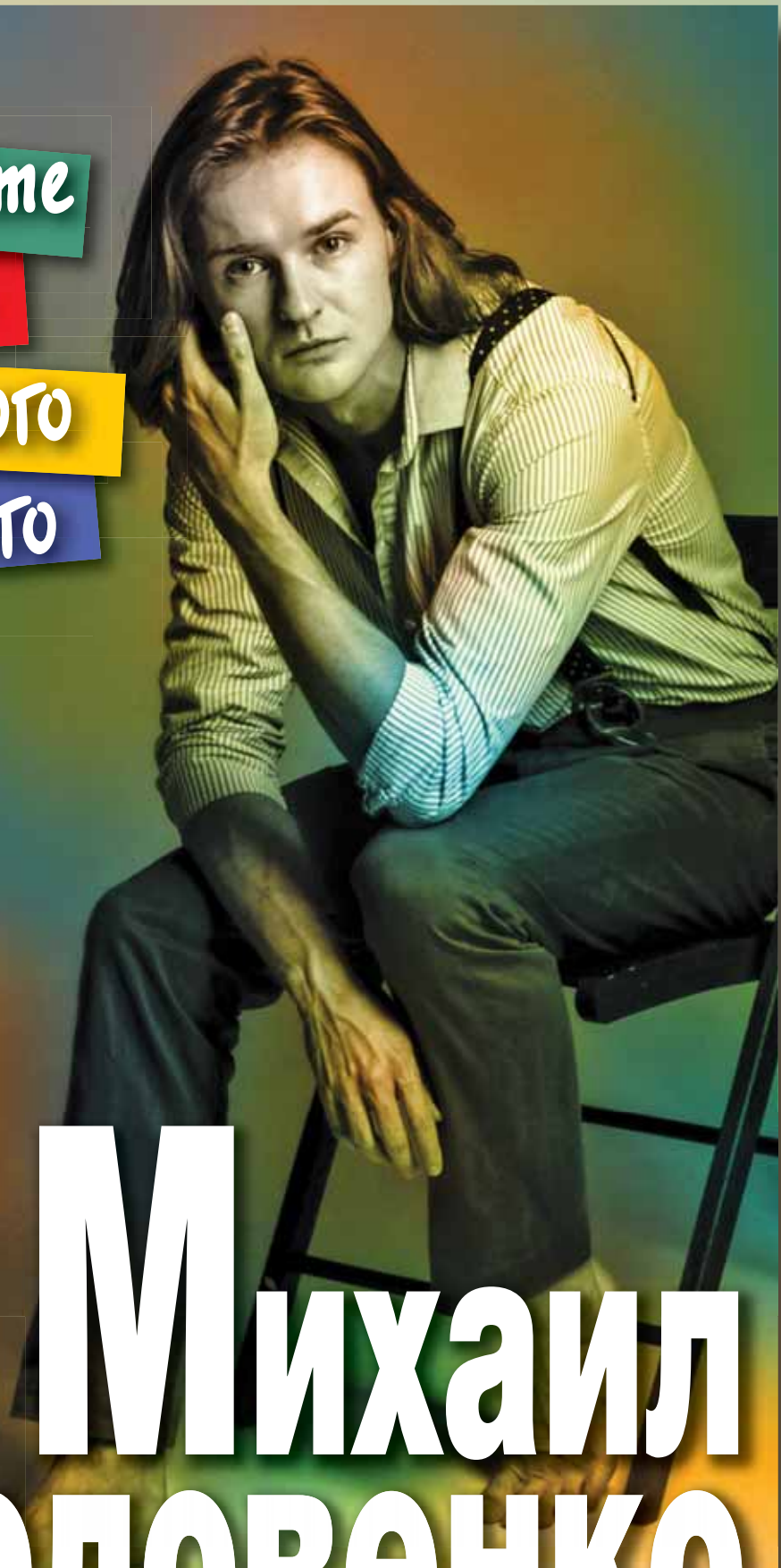

на своем пути. В память о «невинно убиенном» супруге Мэри решила заказать витраж для местной церкви. Лучший в Ирландии мастер-витражист в то время работал в Шотландии, и она отправилась туда, чтобы договориться о работе. Там и увидела картину Караваджо, которая ей очень понравилась. Мэри купила ее и привезла в Дублин. На протяжении жизни миссис Ли Уилсон очень помогала религия. Она подружилась с иезуитом отцом Томом Финли, который всегда поддерживал ее в трудные минуты. А однажды, после одной из долгих бесед с ним, она в знак благодарности решила передать картину в дар Ордену. Так Караваджо

оказался в молельном доме дублинских иезуитов, где и провисел незамеченным несколько десятилетий.

Иезуиты не стали продавать картину за миллионы — ведь они ее не покупали. Монахи просто передали полотно в Ирландскую национальную галерею, где оно и хранится сегодня. Бенедетти после истории обнаружения подлинного Караваджо прославился на весь свет, его имя теперь — одно из самых авторитетных в мире искусства. А Национальная галерея в Дублине резко повысила число посетителей — все туристы, приезжающие в столицу Ирландии, стремятся увидеть знаменитое полотно великого Караваджо «Поцелуй Иуды». □

«Получайте
радость
от каждого
прожитого
дня!»

A portrait of a young man with long, wavy brown hair, sitting on a black stool. He is wearing a light-colored, vertically striped long-sleeved shirt under dark suspenders and dark trousers. He is resting his chin on his right hand, looking directly at the camera with a serious expression. The background is a soft, out-of-focus gradient of green and blue.

**Михаил
Половненко**

Михаил Половенко — молодой талантливый актер Театра Романа Виктюка. Он обладает яркой индивидуальностью, красивой сценической внешностью и необычайным артистизмом, когда эмоции наполняют каждое движение, каждый жест, каждую режиссерскую фразу.

Помимо театра Михаил много снимается в кино. Зрители знакомы с ним по сериалам: «Карпов», «Академия», «Ночные ласточки», «Следствие любви», «Адвокат-6», «Анна-детектив», «Законы улиц», «Ангелика» и другим.

— Михаил, в Театр Романа Виктюка вы пришли в 2015 году, после окончания театрального института, и в 2016 году уже сыграли одну из главных ролей в спектакле «И вдруг минувшим летом» по пьесе американского драматурга и прозаика Тенниси Уильямса...

— 28 октября 2016 года этой постановкой открылся Театр Романа Виктюка на Стромынке, в юбилей мастера, — событие незабываемое! Это невероятно, что я, совсем молодой артист, получил роль такого масштаба. На одной сцене работаю с прекрасными актрисами, самобытными, потрясающими, с невероятным темпераментом и энергетикой: Людмилой Погореловой и Екатериной Карпушиной. Очень благодарен им за поддержку и помощь, за доброжелательное отно-

шение ко мне. Пьеса «И вдруг минувшим летом» написана Уильямсом в 1959 году, но она не потеряла своей актуальности и сегодня.

В спектакле я играю доктора Цукровича, мой герой значительно старше меня по возрасту, но когда ты репетируешь с Романом Григорьевичем и вживаешься в образ, то об этом не думаешь. У Виктюка в этом спектакле — никуда и никогда не уходящее детство, вечная молодость, преклонение перед красотой, прыжок в непостижимое... Высота и чистота, поэтический театр.

— Вы играете в премьерном спектакле «Крылья из пепла» по пьесе Джона Форда «Как жаль, что она шлюха», ее экранизировали дважды — шведский режиссер Вильгот Шеман и итальянский режиссер Джузеппе

Гриффи, с Шарлоттой Рэмплинг в главной роли...

— На момент распределения ролей меня не было в списке актеров, помню, как 30 декабря мне позвонила Людмила Яковлевна Исакович, заведующая труппой театра, и сказала, чтобы завтра я приехал в театр, а в начале января у меня уже была первая репетиция! Неве- роятно и волнительно одновремен-

Шоу «Вернувшиеся»

Фото пресс-службы

но, признаюсь, никак не ожидал, что буду играть в этой постановке, да еще одну из главных ролей! На одной площадке я нахожусь с потрясающими актерами: Игорем Неведровым, Людмилой Погореловой и Анной Нахапетовой. Спектакль поставлен по пьесе знаменитого английского драматурга начала XVII века Джона Форда. Это история о запретной любви. Роман Григорьевич назвал свою постановку — «Крылья из пепла», вложив в нее особый смысл — идею святости Любви. Мне было очень интересно репетировать, Роман Григорьевич открывал во мне новые грани...

У него есть свои ключи, он находит какой-то особенный подход к артистам. Едешь на репетицию, например, в веселом настроении, а ему, по его задумке, нужно от тебя в роли совсем другое, и он за тридцать секунд тебя переключит, все в тебе изменит и в итоге добьется нужного состояния.

После съемок приехал однажды уставший, а Роман Григорьевич на 360 градусов поменял во мне все — своей энергией, и я, как на крыльях, полетел. Виктюк очень помогает актерам эмоционально, да так, что потом, после трехчасовой репетиции, ты думаешь, а как мне удавалось это сделать? Не только драматически, но и физически справляешься с задачами, а после удивляешься, ну как я туда запрыгивал, как так легко лазал по этим цепям на площадке?

*Спектакль
«И вдруг
минувшим
летом»*

Фото
Ивана Никульчи

Во время работы над спектаклем Роман Григорьевич дает много информации актерам, показывает кино, записи балетов с лучшими мировыми танцовщиками, советует, какую литературу нужно прочесть, какие фильмы посмотреть. Погружает нас, артистов, в мир искусства.

— Михаил, вы очень хорошо двигаетесь на сцене, музыкальны... Видно, что у вас хорошая хореографическая подготовка. Это так?

— В моем родном городе Иваново я занимался народными танцами с четырех до шестнадцати

лет в хореографическом ансамбле «Улыбка» и, признаюсь, достаточно успешно. Думал даже двигаться дальше в этом направлении. Главный педагог и создатель ансамбля — Валентина Ивановна Бакова, заслуженный деятель культуры России, — привила нам, тогда еще детям, любовь к танцу. Я очень ей за все благодарен. Ансамбль «Улыбка» — участник и призер различных международных фестивалей, его знают профессионалы в нашей стране и за рубежом.

— Из зала зрителю всегда все видно, особенно когда арти-

*Спектакль
«Крылья из пепла»*

Фото
Полины Королевой

сты не умеют двигаться на сцене. Общаясь с драматическими актерами, порой узнаешь, что немногие занимались хореографией до поступления в вуз. Это странно. Как вы думаете, тому, кто решил «пойти» в артисты, обязательно нужно иметь хореографическую подготовку?

— Желательно. И в институте нужно усердно работать над собой в этом направлении.

— Вы играете главную роль в иммерсивном шоу «Вернувшиеся», расскажите, пожалуйста, об этом.

— Иммерсивное шоу «Вернувшиеся» — российско-американский

проект, мировая премьера которого состоялась в Москве в декабре 2016 года. Вы покупаете билет и попадаете в старинный особняк XIX века в центре Москвы (Дашков переулок, 5), где происходит мистическое шоу по мотивам пьесы «Привидения» Генрика Ибсена. В каждой из пятидесяти комнат разыгрывается действие, вы погружаетесь в него целиком.

Зритель сам определяет путь при передвижении в особняке, у каждого своя собственная история. Необходимо соблюдать всего три правила: не снимать маску, не трогать обитателей особняка и соблюдать тишину. Можно прикасаться к любым старинным предметам, но нуж-

но обязательно вернуть их на свое место. Американские режиссеры Виктор Карина и Мия Занетти привезли уникальные технологии для работы. Шесть месяцев шли репетиции под их руководством, а также режиссера, хореографа-постановщика Мигеля, актеры изучали особые методики взаимодействия с публикой. Мы занимались современной хореографией, учились взаимодействию со зрителем, овладевали уникальными психологическими методиками.

Российские продюсеры — Мигель (наставник и хореограф-постановщик в шоу «Танцы» на ТНТ) и Вячеслав Дусмухаметов (продюсер многочисленных известных российских проектов: Интерны, Универ, Камеди Вуман, Камеди КлубПродакш и так далее). Композитор — лидер TherrMaitz — Антон Беляев.

Работать с такими невероятно талантливыми и профессиональными людьми огромное удовольствие! У нас потрясающая команда!

— Что бы вы пожелали зрителю, который пришел в ваш театр?

— Зритель приходит в театр абсолютно разный — тем он и прекрасен, что по-разному воспринимает увиденное, по-разному реагирует, у каждого человека своя чувствительность. А задача артиста состоит в том, чтобы зритель понял и почувствовал то, что ты стараешься донести до него, какой вкладываешь

смысл в свою роль, чтобы человек задумался о своей жизни, об окружающих его близких людях. Смотрите, думайте, читайте как можно больше и получайте радость от каждого прожитого дня. □

Беседовала **Елена Воробьева**

❄️ Колючая судьба ❄️ пушистой красавицы

❄️ Скажите-ка на милость, ну какой же Новый год без ❄️
красавицы ели? Она главный атрибут, центр притяжения
новогоднего праздника. Кажется, так было всегда. Но вот
❄️ так ли? Попробуем разобраться. ❄️

В массовом сознании прочно укрепился миф о том, что Петр Великий своим указом о переносе празднования Нового года с 1 сентября на 1 января ввел на Руси обычай отмечать его празднично украшенной елкой.

Однако в знаменитом петровском указе от 20 декабря 1699 года говорится лишь о том, что москвичи должны «по большим улицам у нарочитых домов, перед воротами поставить некоторые украшения от древ

и ветвей сосновых, еловых и можжевельниковых». Еловые ветки названы здесь в числе прочих и предназначены исключительно для украшения улиц и площадей. Забегая вперед, заметим, что горожане свои дома и ворота, несмотря на царский указ, еловыми ветвями старались не украшать. Да и продержалось это нововведение недолго. После смерти Петра, когда мощная рука, державшая в постоянном напряжении страну, разжалась, новогодний указ был практически забыт. Осьмнадцатое столетие, столь щедрое на грандиозные праздники, всевозможные балы и маскарады, елки в качестве новогоднего атрибута практически не знало!

А прижилась елка лишь в кабаках. Еще при Петре I крыши питейных заведений начали украшать лесной красавицей, и торчала она там, учитывая суровые и, не в пример нынешним, долгие русские зимы, зачастую довольно долго, пока не начала осыпаться. Оттого и прозвал простой люд питейные заведения «елками». Тогда же на свет появилось множество полностью сегодня забытых алкогольно-елочных выражений: идти под елку — пойти в кабак, елку поднять — начать пить, елкать — напиться...

Лишь с середины позапрошлого века елка становится атрибутом — нет, не новогоднего, а рождественского праздника. Да и то, праздника сугубо домашнего, практически интимного, к тому же празднуемого

лишь в Санкт-Петербурге и Москве, в состоятельных дворянских семьях. Мода пошла от немцев, коих в российской столице в те времена было предостаточно. А вот «природные русские» стойко отказывались допустить елку на рождественский праздник: заморский обычай высмеивали лучшие писатели и журналисты той поры, а Синод вплоть до начала XX века периодически издавал указы, прямо запрещающие ставить елку в светских детских учебных заведениях. Лишь к началу XX столетия можно говорить о сформировавшейся в крупных российских городах среди имущего населения устойчивой традиции празднования Рождества с пушистой зеленой красавицей.

Но, учитывая, что Русь-матушка с ее необъятными просторами была сугубо крестьянской страной, всего лишь век назад ель как атрибут рождественского (не новогоднего!) праздника была почти незнакома основной массе населения Российской импе-

рии. Более того, деревня елку как праздничное дерево стойко отвергала. Нам могут возразить: а как же мужичок из милой детской песенки, которую распевает уже не одно поколение малышни? Ведь он-то рубил «елочку под самый корешок». Вот только немногие знают, что у этой песенки, кажущейся народной, есть автор — Раиса Абрамовна Кудашова, которая опубликовала ее в журнале «Малютка» в 1903 году. А знакомая всем с детства мелодия уходит корнями в XIX век, к шведским и немецким рождественским песням. И главное, если внимательно вчитаться в текст, рубил мужичок елочку не для своих, крестьянских детей, а для господских. И дело тут отнюдь не в дороговизне елок, а в том, что на начало XX века культурная разница между городом и деревней была огромной. Деревня продолжала стойко держаться дедовских обычаев и елку упорно отвергала, так как в восточнославянской мифологии ель

считалась деревом смерти. Еловым лапником выстилался путь похоронной процессии, еловые ветки бросали на гроб и в могилу. Кстати, кое-где в глубинке России эта традиция до сих пор соблюдается. Ель в сознании наших предков была крепко-накрепко связана с нечистой силой и злом вообще, стоит вспомнить хотя бы поговорку «венчали вокруг ели, а черти пели». День 1 января по старому стилю (нынешний Старый Новый год) попадал аккурат в разгар зимних святок и именовался «святой вечер». Он был нашим аналогом нынешнего чересчур растиражированного Хэллоуина, то есть днем, а вернее, ночью, когда вся разномастная нечисть была особенно сильна в своих колдовских чарах и стремлении навредить людям. Так что было понятно, почему православный люд противился петровскому указу украшать свои дома еловыми ветвями, то бишь, «деревом смерти». Масла в огонь подливали и многочисленные старообрядцы и противники царя-преобразователя, в руках у которых был беспроясненный козырь: дескать, царь Петр не настоящий, а подмененный за границей басурманин, который сводит с истинного пути своими прихотями-причудами верных заветам Святой Руси москвитов.

...Даже сейчас, в век высоких технологий и вездесущих компьютеров, редко кто отважится посадить у себя на даче или во дворе елку. Срабатывает идущее из глубин народной памяти стойкое суе-

верие: ель сажать — смерть на-
кликать.

Вскоре после победы советской
власти на елку начались новые гоне-
ния. Большевики углядели в ней сим-
вол Рождества, запрещенного и от-
мененного ими праздника. «Только
тот, кто друг попов, елку праздновать
готов», — учил ребятню авторитет-
ный детский журнал «Чиж». Ставить
на Рождество в доме елку было стро-
жайше запрещено, и верующие дела-
ли это тайно, плотно занавешивая
окна от чужих, недобрых глаз. Особо
усердствовала в борьбе с вредной
буржуазной елкой верный друг, това-
рищ и соратник вождя мирового про-
летариата Надежда Константиновна
Крупская.

В середине 30-х годов XX века ел-
ку неожиданно реабилитировали. Те-
перь она стала новогодней. Более
того, с той поры ель в качестве глав-
ного атрибута новогоднего праздника
шагнула из камерного пространства
квартир и клубов на улицы и площа-
ди СССР. Новогоднюю советскую ел-
ку увенчали красной пятиконечной
звездой, вместо Рождественской
вифлиемской, и теперь она напоми-
нала ребятишкам о звездах, горящих
на кремлевских башнях. В форме
елочек, стилизованных под кремлев-
ские башни, стали делать и детские
новогодние подарки.

С распадом Советского Союза
красная звезда исчезла с елки вме-
сте с советской действительностью.
Теперь елочный наконечник каждый
выбирает себе сам. Как и новогод-
ний праздник. □

Светлана
Бестужева-Лада

Прирожденная ДИПЛОМАТКА

Так и не удалось досконально установить, была ли эта женщина тайным агентом России во многих европейских странах или просто была прирожденным дипломатом, которую, в сущности, интересовала только политика. Первую версию подтверждает то, что она буквально сводила с ума самых влиятельных политиков Европы, умело используя их в интересах Российской империи. В пользу второй говорит то, что им-

ператор Николай I отказывался даже слушать о ней и категорически требовал, чтобы она вернулась в Россию.

Княгиня Дарья Христофоровна Ливен, урожденная Бенкендорф, в Россию так и не вернулась, несмотря на императорский гнев и на то, что муж отказал ей в денежном содержании. Она обожала Париж столь же страстно, сколь страстно ненавидела стылый и чопорный Санкт-Петербург.

Тайные агенты все-таки ведут себя по-другому...

Отец Дарьи Бенкендорф в одной из заграничных командировок по императорскому поручению женился на Анне-Юлиане-Ирене Шиллинг фон Канштадт. Радости великой княгини Марии Федоровны не было предела, ведь Тилли, как называли девушку в ее семье, была самой близкой и дорогой подругой, с которой они воспитывались с детства. На дорогу в Петербург молодым было выслано 2000 рублей, а сама Мария Федоровна упросила Павла Петровича установить Бенкендорфам пожизненную пенсию в размере 500 рублей.

Прибыв в Россию в 1781 году, Тилли сразу же заняла первенствующее место среди дам малого двора. Она была той ниточкой, которая связывала великую княгиню с далекой домашней обстановкой, и «постоянным милым и дорогим напоминанием о родине». Это было чрезвычайно важно для Марии Федоровны, так как по приезде в Россию она, согласно требованиям Екатерины II, не могла никого взять с собою и оказа-

лась на новой родине совершенно одна, среди незнакомых людей и незнакомой обстановки.

Император Павел I, вступив на престол, произвел Бенкендорфа в генерал-лейтенанты и назначил военным губернатором в Ригу. В этой должности Бенкендорф приобрел всеобщее уважение и признательность ревностным исполнением своих обязанностей.

«Мой отец был другом великого князя Павла, а моя мать близко связана еще с детства с великой княгиней Марией. Эта двойная связь не могла нравиться императрице Екатерине, стремившейся расстроить малейшие пристрастия своего сына. Она выразила настойчивое желание, чтобы мой отец отправился служить в Молдавскую армию, находившуюся под командованием князя Потемкина, а некоторое время спустя отстранила от двора мою мать, которая навлекла на себя немилость и великого князя, чем именно — мне неизвестно», — писала позже в своем дневнике Дарья.

Скорее всего, это было вызвано тем, что великий князь Павел Петрович считал ее главной виновницей семейных неурядиц во время фавора Нелидовой. В 1791 году госпожа Бенкендорф была удалена с мужем в Дерпт, с прекращением выплаты пенсии, назначенной ей по случаю бракосочетания Марии Федоровны. Но после возшествия Павла на престол опала была снята.

Отец — Христофор Иванович Бенкендорф

Дарье было двенадцать лет, а ее старшей сестре Марии — тринадцать, когда их мать, и до того долго и тяжело болевшая, скончалась. Сирот взяла под свою опеку императрица Мария Федоровна, которая была близка с их матерью.

Мальчики были помещены в пансион аббата Николя, а обе дочери —

в Смольный институт. В таком «зрелом» возрасте воспитанниц туда уже не принимали, но для вдовствующей императрицы, естественно, было сделано исключение.

Дарья получила лучшее образование по меркам того времени: она знала четыре языка, прекрасно танцевала и разбиралась в музыке. И хотя не входила в число признанных красавиц Смольного, но была

Мать — Анна-Юлиана, урожденная баронесса Шиллинг фон Канштад

более чем миловидна, а главное — она обладала острым и пытливым умом.

Когда она подросла, императрица нашла ей подходящую партию. Первоначально выбор пал на графа Аракчеева. Дарья пришла в ужас от такого жениха, и императрица вскоре нашла другого кандидата.

Им оказался любимец императора Павла I, военный министр, красавец, 26-летний князь Христофор Андреевич Ливен. Матери обоих молодоженов были приближенными фрейлинами и близкими подругами Марии Федоровны. Молодые люди понравились друг другу и 24 февраля 1800 года поженились.

(Старшей сестре Марии в семейной жизни повезло меньше. Она вы-

ей быть верной женой и исправно рожать детей. Правда, первая дочь, Матильда, скончалась еще в младенчестве, что повергло родителей в глубокую печаль. Но вскоре Дарья Христофоровна родила сына Александра, затем — Павла, а еще через год — Константина.

В 1809 году князь Ливен был назначен посланником в Берлин. В Берлине Дарья Христофоровна

Дарья получила лучшее образование по меркам того времени: она знала четыре языка, прекрасно танцевала, разбиралась в музыке. И хотя не входила в число признанных красавиц Смольного, но была более чем миловидна, а главное — обладала острым и пытливым умом

шла замуж за генерал-майора Ивана Георгиевича Шевича, героя многих военных компаний, сербом по происхождению, родила мужу трех сыновей и двух дочерей. Но, к сожалению, совместная жизнь супругов продолжалась недолго: генерал Шевич погиб в Битве народов под Лейпцигом. С младшей сестрой у мадам Шевич было мало общего, и виделись они редко).

Первые годы замужества Дарья Христофоровна жила беспечной жизнью в Петербурге и, пока муж делал военную карьеру, вела веселую светскую жизнь, танцевала и флиртowała. Что совершенно не мешало

приобрела определенную известность как хозяйка литературно-политического салона. Но все в Пруссии ей, немке и по рождению, и по замужеству, казалось мелким и скучным. В одном из писем она писала: «Казаться дурой в течение еще нескольких лет — это жестоко».

Она много времени посвящала воспитанию детей, сопровождала их в деревню, на море, на воды и надеялась, что их пребывание в Берлине будет недолгим.

Действительно, 30 июня 1812 года Ливены покинули Берлин. Прожив несколько месяцев в Петер-

бурге, они отбыли к новому месту назначения графа в Лондон.

Следуя тогдашней моде, Дарья Христофоровна открыла в столице светский салон. Вскоре туда были вхожи все «сливки» общества. Развлекая гостей и поддерживая светские беседы, княгиня извлекала для себя полезную информацию. Как вспоминал мемуарист Филипп Вигель, Дарья Христофоровна была гораздо сообразительнее своего супруга. Именно она сочиняла мужу депеши, которые он посылал в Россию, а со временем стала гораздо влиятельнее графа Ливена на политической арене.

В 1815 году Александр I заключил союз с Пруссией и Австрией. Император надеялся, что после наполеоновских войн именно Россия будет исполнять ведущую роль на европейской арене, но у Клеменса фон Меттерниха (австрийского канцлера) на этот счет были свои планы. Политика пытались не раз подкупить, но безуспешно. Тогда во время Венского конгресса, как бы «случайно», произошло знакомство канцлера с Дарьей Ливен. Светская львица получила задание: завоевать доверие Меттерниха.

Поначалу канцлер не проявлял интереса к Дарье Христофоровне, но княгиня использовала все свое женское обаяние, и Меттерних сдался, хотя любовниками они не стали. Это был «роман в письмах», который длился целых 10 лет. Помимо романтических признаний, в посла-

ниях содержалась информация о политических взглядах канцлера на обстановку в Европе.

Копии писем княгиня передавала русскому императору. Самые важные послания в Россию она писала симпатическими (невидимыми) чернилами. Все это позволило Дарье Ливен войти в историю как тайному агенту, «первой русской женщине-дипломату».

До конца осталось не ясно, питала ли Дарья Христофоровна какие-нибудь чувства к канцлеру, но их разрыв пришелся как раз на тот момент, когда отношения России и Австро-Венгрии стали портиться. Формальным поводом для прекращения переписки послужил новый брак Клеменса фон Меттерниха.

Надо сказать, что эпистолярное наследие Дарьи Ливен представлено тысячами (!) писем, политических заметок и дневниковых записей. Их можно найти в неопубликованных источниках, хранящихся в российских архивах. Но ими почти никто не интересовался и не интересуется, хотя то небольшое, что удалось прочесть — необыкновенно интересно и поучительно. Правда, в последнее время историки понемногу начинают изучать деятельность этой незаурядной женщины, которую по праву можно считать одной из ключевых фигур европейской теневой дипломатии первой половины XIX века.

В Англии у четы Ливен родился четвертый сын — Георгий, который

*Дарья
Бенкендорф
в юности*

получил имя в честь крестного отца, короля Георга IV. Одно это красноречиво свидетельствует о том, какое положение занимала в британском высшем обществе семья российского дипломата.

Княгине неоднократно поручались важнейшие дипломатические миссии. В частности, в 1825 году

она была вызвана в Санкт-Петербург для выполнения особо важного задания императора Александра I: она должна была содействовать русско-английскому сближению.

Сам факт, что именно Дарью Христофоровну, а не ее мужа вызвали в Петербург, показателен: Нессельроде хорошо знал о ее истинной роли

*Сестры
Бенкендорф —
Дарья
и Мария*

в российском посольстве, ценил ее ум, политические способности, ее связи и контакты в Англии.

Дарья Христофоровна произвела очень сильное впечатление на императора. Этот визит был показателен и в другом плане: хотя Ливен всегда была предана интересам России, служить отечеству она могла только за его пределами, так как ей была абсолютно чужда придворная лесть,

и она очень тяготилась «невыносимым придворным этикетом».

Теперь Дарья Ливен должна была работать на благо отечества в Лондоне. Но ей гораздо интереснее был Джордж Каннинг — министр иностранных дел, будущий премьер-министр. Княгиня стала его любовницей.

Да-да, образцовая жена и примерная мать постепенно менялась, превращаясь в настоящую светскую

львицу, равнодушную к мнению общества. Старших сыновей она определила в пансион при Дерптском университете, супружеские отношения с мужем прекратились (в основном потому, что очень трудно любить женщину умнее себя).

Тем не менее, в 1825 году на свет появился еще один сын, Артур, названный так в честь крестного отца, герцога Веллингтона.

Известие о смерти императора Александра I вызвало у Дарьи Христовыхны глубокую скорбь.

«Император Александр был наилучшим из государей — наиболее гуманный, благородный и справедливый из людей. В течение своего двадцатипятилетнего самодержавного правления он пользовался этой властью только для того, чтобы делать добро. Его память будет благословляема долгое время, пока существует русский народ» — записала она в своем дневнике.

По многочисленным отзывам современников, именно Дарья Ливен являлась настоящей посланницей Российской империи в Лондоне в 1812–1834 годах, превосходя своего мужа и политическим талантом, и дипломатическими способностями. Как отмечал авторитетный английский исследователь Х. Темперли, никогда еще иностранка не получала сведений об английском обществе из первых рук и не обладала в нем большим влиянием.

За весь свой 45-летний стаж дипломатической деятельности кня-

гиня не допустила ни единого промаха, российское правительство всегда прислушивалось к ее мнению и ценило полученную информацию. С приближением Крымской войны Дарья Ливен постоянно слала депеши в столицу с предупреждениями о грозящей опасности.

Но Николай I, в отличие от своего предшественника, игнорировал эти послания, считая их женскими сплетнями. В результате Крымская война стала для России «неожиданным» ударом и закончилась позорным поражением.

За все это время княгиня написала множество писем, в которых тесно переплетались любовные отношения, интриги и судьбы европейских стран. У нее рано появились проблемы со зрением. По рекомендации врачей женщина нашла интересный выход из положения — писать на зеленой бумаге. Такие послания стали ее «фирменным знаком» и даже ненадолго вошли в моду.

О восшествии на престол Николая I княгиня Бенкендорф в своем письме к брату отозвалась с восторгом:

«Я приписываю себе заслугу, что я предугадала в великом князе Николае Павловиче великого человека... Мой муж, обыкновенно весьма сдержанный, в совершенном восторге от него. По возвращении сюда он был принят всеми особенно любезно; его приглашали король, министры и многие другие лица, желавшие поговорить с ним. Так как,

*Муж — князь
Христофор
Андреевич
Ливен*

надобно признаться, я довольно любопытна, то и я не давала ему покоя.

Я в восторге от всего, что ты мне пишешь об императоре, он уже пользуется за границей выдающейся славой. Принимая во внимание, как трудно упрочивается слава вообще, можно подумать, что он царствует уже лет двадцать, такое составилось о нем громкое мнение. Европа признала за ним ум, твердость характера и справедливость — это сделалось его *credo!*»

В 1834 году князь Ливен был отозван со своего дипломатического поста в Лондоне. Поводом послужил какой-то незначительный конфликт, но истинные же причины заключались в возникновении противоречий между двумя странами по широкому кругу вопросов: восточному, польскому, португальскому.

На память светское общество презентовало Дарье Христофоровне браслет, усыпанный драгоценностями, «в знак сожаления об ее

*Княгиня
Дарья
Христофоровна
Ливен*

отъезде и на память о многих годах, проведенных в Англии».

После возвращения в Петербург Христофор Андреевич был назначен попечителем при 16-летнем наследнике престола цесаревиче Александре и стал членом Государственного совета. Дарье Христофоровне было поручено обучать наследника манерам и искусству общения в свете.

8 сентября Ливены поселились в Царскосельском дворце, где им было отведено казенное помеще-

ние, поскольку своего дома у них не было. Царь сделал все, чтобы отъезд из Лондона не казался им немилостью.

Для княгини привыкание к новым условиям оказалось очень тяжелым. Однообразие жизни в Царском Селе, строгая дисциплина, царившая при дворе, необходимость вечно и во всем повиноваться и полное отсутствие той кипучей общественной деятельности, к которой она привыкла во время своего много-

летнего пребывания в Лондоне, ее тяготили.

Она пробыла в России семь месяцев. Ее отъезд за границу ускорило ужасное несчастье: умерли от скарлатины два ее младших сына — Георгий и Артур, пятнадцати и десяти лет. Она больше не могла выполнять свою роль верного советника при попечителе цесаревича. К тому же трагедия подорвала ее здоровье, и так неважное. Врачи предписали ей на время уехать из России.

Христофор Андреевич и брат Александр настаивали на том, что-

Между тем по российским законам эмиграция рассматривалась как преступление и могла караться ссылкой и конфискацией имущества. Если по истечении шестимесячного срока после публикации человек не объявлялся, он считался «оставившим отечество, и вследствие того имущество его остается по смерти его в опекуном управлении, на основании 2-й статьи указа».

Срок дозволенного пребывания за границей с узаконенным паспортом определялся так: для дворян — пять лет, для всех прочих состоя-

Роман в письмах» Дарьи Христофоровны и Меттерниха продолжался целых 10 лет. Помимо романтических признаний, в посланиях содержалась информация о политических взглядах канцлера на обстановку в Европе. Копии писем княгиня передавала русскому императору, и все это позволило ей войти в историю как тайному агенту, «первой русской женщине-дипломату»

бы после окончания курса лечения она вновь поселилась в Царском Селе. Но княгиня уже приняла решение не возвращаться на родину. К тому же в Бадене, как и в Берлине, доктора единодушно утверждали, что ей не пережить зимы в России. Когда курс лечения в Бадене подходил к концу, она начала высказывать в своих письмах желание обосноваться в Париже.

ний — три года, для более длительного пребывания за границей нужно было получить личное разрешение императора или отсрочку, что было явлением весьма редким.

Именно на это разрешение и уповала Дарья Христофоровна. Она писала брату:

«Доктора запрещают мне ехать в Италию, тем более что там холера. Мне необходим умеренный климат,

но главное, ум мой должен быть занят. Это единственное для меня лекарство, единственное средство продлить мое существование. Моему телу необходим отдых, а для ума мне необходима пища. Я постараюсь найти и то, и другое в кругу моих друзей... Я предполагаю провести в Париже осень. Мне кажется, дорогой брат, что я слишком дорого заплатила за право искать утешения в моем ужасном горе там, где я могу найти его. Если на это необходимо получить разрешение императора, то я полагаю, что он не откажет мне в этом».

Однако Николай I ответил отказом. Очень скоро после этого Дарья Христофоровна почувствовала изменившееся отношение к ней со стороны правящих кругов России. Она просила брата заступиться за нее перед царем и испросить разрешения остаться ей в Париже.

Париж, его атмосфера оказались именно тем лекарством от душевных и физических страданий, которое было ей нужно. Политика являлась главной страстью княгини Ливен, извлекавшей информацию, откуда только можно: из светских бесед и дипломатических депеш, из газет и писем.

В июне 1836 года она приняла приглашение герцогини де Дино провести лето в великолепном замке Талейрана Валансэ, превосходившем размерами и неслыханной роскошью дворцы многих монархов Европы, но, приехав туда, уже к ве-

черу заскучала, несмотря на то, что ее устроили как можно лучше и окружили всяческой заботой.

А все потому, писала де Дино, что «здесь нет ни новостей, ни блеска человеческого ума — двух самых важных вещей в ее жизни. Новшества материальной жизни, воспоминания, исторические традиции, красоты природы, спокойная домашняя жизнь, размышления — ничто из этого не было ее привычкой».

Сюда, в Валансэ, Дарье Христофоровне было доставлено письмо от мужа, который сообщал о негативной реакции императора Николая на ее пребывание в Париже.

Оставшиеся летние месяцы княгиня провела в Бадене, не получая писем от мужа, послушно выполнявшего волю императора. Но она не теряла надежды, что ей удастся получить разрешение остаться за границей, в Париже. И, наконец, пришло долгожданное письмо от брата:

«Его Императорское Величество Вам ничего не запрещает и предоставляет полную свободу действий, сожалея только о том, что Ваши привычки и вкусы отдаляют Вас от Вашей родины».

Почему император был против проживания Дарьи Ливен в Париже? Видимо, определяющим фактором для Николая I явился выбор княгиней именно Парижа, центра революционных потрясений и бунтов, страны, управляемой королем-

*Клеменс Венцель фон Меттерних —
немецко-австрийский дипломат,
политический и государственный
деятель*

узурпатором. То, что княгиня Ливен, особа, приближенная к императорской фамилии, предпочла Санкт-Петербургу именно этот город, Николай I никак не мог принять.

Так полагала и сама Дарья Христофоровна. К тому же она считала, что, помимо этого, император ставил ей в вину ее салон в Париже, и писала брату:

«Политический салон, это неправда! Да, конечно, у меня бывают политические деятели, то есть все выдающиеся по уму из разных партий, но, в общем, бывает всего пять французов: Моле, Гизо, Тьер, Берье и герцог де Ноай. Как видите, это

люди всяких оттенков. Из числа их у меня бывают запросто только первые два, и я глубоко уважаю того и другого. Но разве я говорю с ними о политике? Что мне до нее теперь?.. Вас, быть может, удивит, если я Вам скажу, что с г-ном Гизо, например, мы говорим преимущественно о религии... Вот лица, которые бывают у меня, да еще некоторые дипломаты с самыми прекрасными принципами, несколько знакомых англичан, путешественники — австрийцы, наш посланник, который навещает меня ежедневно. Вот, дорогой брат, как я провожу время, по вечерам я всегда дома, я никогда нигде не бываю, ни в гостях, ни в театре, ни где бы то ни было. Объясните мне, что худого в подобной жизни?»

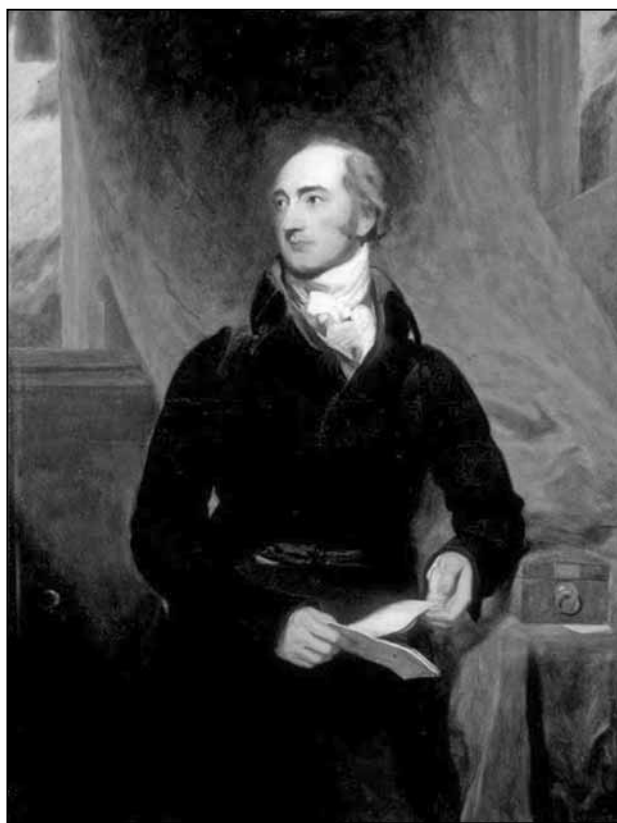
Созданный Ливен салон вскоре затмил по своей популярности даже знаменитый салон мадам Рекамье, славившейся умением соединять людей самой различной политической ориентации. Он имел немало важное значение для России в условиях непростых франко-русских отношений и частой смены послов, которая не позволяла русской миссии в Париже принимать полноценное участие в светской жизни. Кроме того, царь выделял русским дипломатам слишком скромное содержание. При графе Палене в русском посольстве очень редко устраивали большие приемы, а русские подданные, оказавшиеся в Париже, жаловались на отсутствие протекции со стороны посла.

В начале июля 1837 года княгиня отправилась в Лондон, где только что скончался Вильгельм IV, и на престол вступила юная королева Виктория. По приезду в Лондон она получила письмо от мужа, который уведомлял, что едет в Германию на воды, а оттуда в Италию и, поскольку не может взять ее с собой, просит назначить на его пути какое-нибудь место, где они могли бы встретиться, но только не во Франции.

Поручая своему другу, графу А.Ф. Орлову, направлявшемуся в Лондон, передать княгине это письмо, князь настоятельно просил его убедить Дарью Христофоровну в необходимости этого свидания. Однако Орлов, увидев слабое состояние здоровья княгини, посоветовал ей назначить мужу встречу в Гавре или Дьеппе.

Княгиня так и написала мужу, подчеркнув, что может с ним увидеться только во Франции, и как можно ближе к Парижу. В начале августа она покинула Лондон и отправилась в Париж ожидать там ответа от мужа. Однако вскоре получила известие от сына Александра из Бадена, сообщавшего, что отец не приедет во Францию.

Князь Ливен выдвинул ей ультиматум: «Надеюсь, ты вполне поняла из моих слов, что я настоятельно требую, чтобы ты вернулась. Я предупреждаю тебя, что в случае отказа я буду вынужден принять такие меры, которые для меня очень неприятны. Поэтому объявляю тебе, что

Джордж Каннинг — английский политический деятель, премьер-министр Великобритании

если ты не вернешься, то я прекращу высылку тебе денег. Я должен предупредить тебя также на случай, если настоящее письмо останется без ответа, что если таковой не будет получен мною через три недели, то я буду вынужден поступить так, как будто ты ответила мне отказом».

В конце октября в Париж неожиданно приехал сын княгини Александр, посланный отцом, чтобы разъяснить матери неизменную волю императора и печальные последствия, которым она подвергает себя, оставаясь в Париже. Однако, видя состояние матери и поговорив

с врачами, Александр посоветовал ей остаться, но полагал, что вряд ли сможет повлиять на позицию отца.

В начале следующего года князь Ливен привел в исполнение свои угрозы: он приказал своему банкиру прекратить все платежи княгине.

В это время на нее обрушилось еще одно несчастье: в Америке

скончался ее сын Константин. Причем император запретил сообщать ей об этом, и Дарья Христофоровна узнала о смерти сына, лишь получив обратно посланное ему письмо с пометкой «скончался».

Итак, не имея официального разрешения и находясь в весьма непростой финансовой ситуации, княгиня все же приняла решение остаться в Париже. С улицы Риволи она переехала в предместье Сент-Оноре и поселилась на улице Сен-Флорантен, в особняке Талейрана, в котором тот в 1814 году принимал императора Александра I. Здесь она прожила 20 лет, ежедневно после полудня и по вечерам принимая у себя виднейших европейских дипломатов и политиков. Как было подмечено журналистами, княгиня не случайно обосновалась в доме, где прежде жил великий дипломат: она была его истинной наследницей. А. Тьер называл ее салон «обсер-

ваторией для наблюдений за Европой».

Между тем отношения между супругами были окончательно прерваны. С супругом Дарья Христофоровна так и не встретилась, писем от него почти не получала. Но вскоре Александр сообщил, что Христофор Андреевич тяжело заболел. Княгиня в письмах выражала свое участие и заботу, повторяла желание восстановить отношения,

мещена за границей, в Англии. Князь Ливен регулярно посылал деньги в Лондон своим банкирам из дома «Харман и К^о». По сведениям графа Орлова, которого княгиня просила выяснить ее финансовые дела, ежегодный доход князя Ливена составлял 6–7 тысяч фунтов стерлингов. В конце концов, вопрос с наследством разрешился следующим образом: княгиня отказалась от российской части наследства в пользу

За весь свой 45-летний стаж дипломатической деятельности Дарья Ливен не допустила ни единого промаха, российское правительство всегда прислушивалось к ее мнению и ценило полученную информацию. С приближением Крымской войны она постоянно слала депеши в столицу с предупреждениями о грозящей опасности. Но, к сожалению, Николай I игнорировал эти послания, считая их женскими сплетнями

обещала регулярно писать князю, надеясь, что супруг сменит гнев на милость и восстановит выплату ей денег. Однако 10 января 1839 года князь Ливен скончался.

После смерти мужа финансовое положение Дарьи Христофоровны продолжало оставаться неопределенным. Ситуация осложнялась тем, что Христофор Андреевич не оставил завещания. По российским законам наследования Дарья Христофоровна имела право на седьмую часть состояния мужа. Кроме того, часть сбережений князя была раз-

своих сыновей — Александра и Павла, однако они были обязаны выплачивать ей регулярное пособие в размере 2 тысяч рублей, что равнялось 8 тысячам франков. Ежегодная рента от английского капитала составляла 13 тысяч франков. Кроме того, у княгини были и свои собственные сбережения. Все это обеспечивало ей относительно скромный годовой доход, которого хватало на содержание салона в элегантном и комфортабельном доме на улице Сен-Флорантен. Княгиня купила антикварную мебель, пи-

анино, ковры и попросила свою сестру Марию выслать из Санкт-Петербурга ее книги. Она могла позволить себе содержать прислугу, экипаж и лошадей, ложу в опере, посещать Лондон и фешенебельные курорты, а в теплое время года снимать дом недалеко от Версаля.

Важная деталь биографии Дарьи Ливен, которая дала повод обвинять ее в шпионаже, — это возобновленная с 1843 года переписка с императрицей Александрой Федоровной. Она сообщала императрице все новости политического характера, отправляя свои письма на имя графини Нессельроде.

До сих пор историки спорят о причинах изменения поведения Ливен и ее желании сотрудничать с российским двором. Ведь княгиня могла затаить обиду на императора, запретившего ей жить в Париже, оставившего ее без средств к существованию, не позволившего сообщить о смерти сына Константина.

Первое письмо, адресованное императрице, которое удалось обнаружить в ГА РФ, датировано 19 сентября (1 октября) 1843 года. В нем Дарья Христофоровна поздравляла Александру Федоровну с рождением внука, сына цесаревича Александра, и осторожно спрашивала, *«позволит ли император поздравить также и его?»*

Императрица за завтраком передавала письма княгини августей-

шему супругу, и тот нередко уносил их с собой, чтобы прочитать еще раз и воспользоваться сообщенными сведениями.

Но ее надеждам на сближение России и Франции не суждено было сбыться, напротив, ей предстояло пережить войну между двумя столь любимыми ею странами. И все-таки, несмотря ни на что, она оставалась в Париже: доктора объявили ей, что обратного путешествия она не перенесет.

В ответ Дарья Христофоровна только обронила:

— Ну вот, теперь я могу спокойно здесь остаться.

Но ей недолго пришлось пользоваться благами спокойной жизни. В январе 1857 года княгиня заболела бронхитом, который очень быстро принял тяжелую форму. В ночь с 26 на 27 января она умерла на руках у сына Павла. Похоронили ее в Курляндии, в родовом имении Мезотен близ Митавы, в семейном склепе, рядом с сыновьями. На покойной было черное бархатное платье фрейлины русского императорского двора, княжеская корона и распятие из слоновой кости в руках.

Княгиня Дарья Христофоровна Ливен была своеобразным символом уходящей эпохи, когда женщина — хозяйка салона, не облеченная официальными должностями, могла оказывать влияние на линию развития политических со-

*Дарья Ливен
в преклонные
годы*

бытий. Чистокровная немка, лютеранка, человек западного склада ума и образа жизни, она была русской по духу и, как это свойственно русскому человеку, отдавалась своей страсти полностью и без оглядки. А главной ее страстью, любовью всей ее жизни была политика,

которую, по ее собственным словам, она «любила гораздо больше, чем солнце».

Куда бы ни забрасывала ее судьба, как бы она ни страдала, каковы бы ни были ее обиды и разочарования, она всегда служила интересам России, преданно и бескорыстно. □

Дорогие читатели!

Спасибо всем, кто принял участие в нашем конкурсе! На этот раз, к нашему приятному удивлению, участников оказалось даже больше, чем в предыдущем конкурсе. Мы рады, что, несмотря на сложности современной жизни, наши читатели не утратили чувства юмора. В конкурсе приняли участие около 3 тысяч человек, а победителями стали:

1-е место Александр Жиров, г. Тольятти, рассказ «Говорящий лифт»

2-е место Федосья Меншагина, г. Москва, рассказ «Большой брат»

3-е место Тамара Клейман, г. Москва, рассказ «Комната смеха»

Удачи и счастья всем в Новом году!

1-е место

Александр Жиров

Говорящий лифт

Порой стремление к автоматизации, которая по замыслу конструкторов должна привести к полному сервису, при полном отсутствии качества, приводит только к неразрешимым проблемам.

А вот зазывающие рекламные щиты, говорящие о полном счастье, приводят к трагедиям.

У нас с женой двое детей, мальчики. Леве три, а Коле пять лет. Жили мы в однокомнатной квартире пятиэтажного дома, на последнем этаже, и все никак не могли решиться взять ипотеку и улучшить свое жилье.

Недалеко от нас строился двенадцатиэтажный жилой дом. На нем висел огромный плакат «Квартиры — дешево!» Он был уже построен до одиннадцатого этажа и выглядел очень оригинально, во всяком случае, нам так казалось. Проходя мимо строящегося здания, мы с женой все мечтали приобрести в нем двухкомнатную квартиру. В ипотеку, естественно.

Наконец, продав свою «однушку» и оформив ипотеку, мы вселились в этот дом, в квартиру на шестом этаже. Все было замечательно, мы с женой и дети радовались приобретенному жилью. И все-таки, как обычно бывает, имелось одно «но»... В доме не работали лифты. Нам еще ничего, всего шестой этаж, а людям, живущим на двенадцатом, каково? Куда мы только не жаловались, получая в ответ одни обещания, а лифты все стояли.

Спустя год жильцы нашего дома даже привыкли к тому, что они не работают, адаптировались, так сказать. Пенсионер дед Семен, живущий на двенадцатом этаже, выходил из дома один раз в неделю за продуктами, потом поднимал их наверх при помощи лебедки, которую закрепил к своему балкону. Жильцы периодически просили деда Сему поднять им на этаж разные тяжелые вещи при помощи его лебедки, а в благодарность давали ему небольшую сумму денег. У нас даже стандарт появился: подъем — 100 рублей.

Шло время. Однажды на входных дверях дома появилось объявление: «Уважаемые жильцы! Если вы хотите, чтобы в нашем доме появился лифт, необходимо собраться в 19.00 на общее собрание!» — и подпись «Дед Семен». В семь вечера все жильцы собрались во дворе.

— Значит, так, друзья мои! — начал дед Семен, встав на самую высокую ступеньку подъезда. — Через две недели у нас в городе выборы мэра. Если вы хотите, чтобы в ближайшее время у нас заработали лифты, надо собрать со всех жильцов по сто рублей.

— Что, выборы будем праздновать? — обрадовался алкаш Федя.

— Нет, бойкотировать их будем! Другого выхода нет.

— Так это, опять на пятнадцать суток загремим, причем всем домом, да еще за свои же деньги! — возмутился Федя.

— Может, на пятнадцать суток и загремим всем домом, вместе с детьми, но иначе в ближайшие четыре года не видать нам лифта как своих ушей.

— А может, другой метод есть, более демократичный? — не сдавался Федя, абсолютно не желая расставаться с сотней, которую собирался пропить.

— Может, и есть, только науке он не известен.

Мы собрали по сто рублей, и дед Семен закупил красной материи и белой краски. Целых две недели он уговаривал пенсионеров нашего района не ходить на выборы, а долгими ночами что-то писал на красной материи.

В результате, в день выборов весь район не пришел на голосование. На бельевых веревках нашего высокого дома висели большие красные полотна с надписью «Долой бюрократов!» Дело пахло огромным скандалом — самый большой район в нашем маленьком городке бойкотировал выборы!

И вот через два дня свершилось чудо! Во всех подъездах нашего дома включили лифты! И деньги в администрации сразу нашлись, и сам мэр, с цветами и кортежем автомобилей, лично приехал ленточку перерезать. Даже речь произнес с трибуны, которую привезли в его же кортеже и наскоро установили прямо в детскую песочницу посередине двора, о вымогательствах и разгильдяйстве властей. Все остались довольны его красивой речью. Недовольных было только двое: алкаш Федя, потому что установленный лифт его совсем не интересовал, так как он жил на первом этаже, к тому же за участие в этом балагане ему так и не налили сто грамм, и маленький Ваня, потому что мэр растоптал его домик из песка в песочнице.

Интересно, что во всех подъездах установили обычные лифты, а в нашем подъезде «суперлифт». Он был достаточно просторным и современным, даже с огромным зеркалом на всю боковую стену. Каких только опций и функций в нем не было: датчик освещенности, прямая видео связь с лифтерами, Интернет, прямая связь со спутником, множество кнопок и так далее. Но самой главной особенностью лифта были наличие интеллекта и умение говорить.

Одними из первых испытателей данного аппарата были мы с соседом Колей, который жил на четвертом этаже. Встретившись с Николаем в подъезде, мы поздоровались, и я нажал на кнопку вызова лифта. Он не заставил себя долго ждать, быстро спустился на первый этаж, открыл двери.

— Проходите, пожалуйста, — произнес ласковый и нежный женский голос.

— Ну, дает! — удивился Николай.

Я нажал на кнопку «6», а сосед Коля на кнопку «4».

— Осторожно, двери закрываются! — произнес тот же женский голос. Лифт закрыл двери, но подниматься не спешил.

— Ты бы лучше так ездил, как разговариваешь, — недовольно буркнул я, торопясь домой.

— Внимание, мы трогаемся!

— Трогаются только умом! — заметил Николай.

— Тогда мы отправляемся, — поправился лифт.

— Отправляются только на тот свет, — парировал Коля.

— Я учту это, — ответил лифт и медленно начал подъем.

Проехав мимо четвертого этажа и не доехав до шестого, он остановился на пятом.

— Ты куда нас привез, придурок! — недоумевающим голосом произнес Николай.

— Вы заказывали четвертый и шестой этажи, среднее арифметическое пять.

— И что? — спросил я.

— Я привез вас на пятый этаж, в результате чего получилась экономия электроэнергии в объеме девятнадцати процентов от данной поездки, а спуститься или подняться на один этаж вам, двум здоровым мужикам, не проблема, — заявил лифт.

— Совсем ненормальный! — нервно произнес Николай.

— Пожалуйста, выходите, — сказал лифт и открыл двери. — Я дальше не поеду, так как вы грубите и недостойно выражаетесь.

— Выходят только замуж, — подчеркнул Николай и направился к выходу.

Сосед Игорь, пытаясь попасть в свою квартиру на седьмом этаже, зашел в лифт и нажал кнопку «7». Лифт привез его на десятый этаж. Тетя Варя нажала кнопку с цифрой «11», а в результате приехала на второй через десятый и еще долго сидела в лифте, выслушивая его нравоучения по технике безопасности. Хуже всего получилось с бабой Верой с девятого этажа, она, как и положено, зайдя в лифт, нажала кнопку «9», но лифт, закрыв двери, не тронулся с места. Слава богу, что там в этот момент находился еще мальчик Вася, которого все у нас в доме считали гением математики. Он-то и подобрал на клавиатуре лифта нужное сочетание кнопок, чтобы попасть на девятый этаж. Комбинация кнопок составляла следующий алгоритм: нажать на кнопку «9» и придержать ее, потом быстрым движением пальцев руки одновременно нажать на две кнопки «12» и «3», разница между данными числами также составляла цифру 9, после чего кнопка «Пуск» и в завершение кнопка «Вызов лифтера». После данной комбинации кнопок лифт благополучно прибывал на девятый этаж, под неоднократное ворчание лифтеров: «Какого черта вы нам названиваете в столь ранний час!»

Кнопку с цифрой «3» лучше было не нажимать совсем, так как лифт начинал бесконечно подниматься и опускаться в течение 20 минут. При этом он полностью излагал всю технику безопасности и нюансы пожаротушения, теорию о вреде алкоголя, табака и других вредных привычек, после чего, накатав вдоволь клиента, останавливался опять на первом этаже.

Со временем жильцы нашего подъезда к особенностям и нраву лифта привыкли. Каждый из нас знал необходимую комбинацию кнопок для попадания на нужный этаж. А вот с гостями нашего подъезда и обслуживающим персоналом было несколько сложнее.

Вызванный сантехник с тяжелой сумкой инструментов долго ездил в лифте, пытаясь попасть на нужный четвертый этаж. В результате, ему при-

шлось спускаться с одиннадцатого этажа на четвертый пешком. Приехавшие к соседям на восьмом этаже гости из Калининграда, вдоволь накатавшись на нашем лифте, так и не смогли попасть на восьмой и через сорок минут с великим трудом остановили лифт на первом этаже, а потом еще долго поднимали свои вещи пешком по лестнице.

Но не все, что есть, делается к худшему, во всем этом присутствуют и положительные моменты. Как-то раз воришки, ограбившие квартиру на четвертом этаже, решили быстро смыться на лифте, естественно, с награбленным имуществом. Но не тут-то было. Быстро зайдя в лифт, они нажали на кнопку «1». А вот этого так резко делать было нельзя! Но они же об этом не знали.

— Добро пожаловать ко мне на борт, — как всегда вежливо сказал нежный женский голос.

Двери закрылись, а лифт благополучно остался на месте.

— Ну, ты! Железяка! Езжай, давай! — выкрикнул один из воров.

— А почему вы так грубите? — спросил лифт.

— Да я тебе сейчас двери выломаю! — угрожающе произнес второй вор.

— А вот это уже хулиганство, — обиженно ответил лифт, после чего выключил освещение и заблокировал кнопки управления. — Двери у меня выломать вы все равно не сможете, они бронированные, а лекцию о вреде хулиганства прослушать придется.

После двухчасовой лекции о вреде хулиганских действий, зачитывания статей уголовного кодекса с текущими поправками, всевозможных наказаний за данные действия, лифт включил освещение и возможность управлять кнопками.

Воришки тут же начали нажимать на все кнопки подряд, уже не пытаясь убежать с награбленным имуществом, а хотя бы выбраться из кабины. Лифт постоял, подумал, запоминая и осознавая нажатые кнопки и их комбинации, а потом принялся все это исполнять, то есть кататься по всем этажам. При этом постоянно говорил, рассказывая, какое действие сейчас выполняет. Покатав воришек минут сорок, он благополучно вернулся на исходную позицию, то есть на четвертый этаж, а двери так и не открылись.

— Желаете ознакомиться с прогнозом погоды или прослушать последние новости? — предложил лифт, так как никаких команд ему не поступало.

В кабине стояла гробовая тишина, никто ему не ответил.

— Тогда я вам предложу литературное произведение. Например, «Война и мир», полная версия на 348 часов, — нежно проворковал женский голос и начал читать Льва Толстого.

Нервы одного из воров не выдержали, и он нанес сильный удар ногой по клавиатуре. Как ни странно, она без проблем выдержала удар. Навер-

ное, тоже была бронированной, а вот то, что при ударе ногой произошло одновременное нажатие пяти кнопок, лифту не понравилось, и он начал свою бесконечную поездку в неизвестные дали.

После трех часов прослушивания великого произведения и бесконечного катания, воришки поняли, что их замуровали, видимо, мстят за кражу. Кроме того, от бесконечных подъемов и спусков им страшно хотелось в туалет. Недолго думая, один из воров взял сотовый телефон и позвонил в полицию.

— Мы ограбили квартиру, — произнес он в трубку.

Принимающий вызов полицейский подумал, что это детская шутка или телефонное хулиганство, и дал отбой.

— Мы действительно ограбили квартиру, — сказал вор, дозвонившись до полиции второй раз.

— И что вы от нас хотите? — не понимая, спросил полицейский.

— Мы хотим, чтобы вы нас вытащили из лифта! — умоляюще прокричал в телефон воришка.

— У нас полиция, а не бюро добрых услуг! И вообще, обращайтесь к лифтерам, — слышался ответ в телефонной трубке.

— Послушайте и, пожалуйста, не бросайте трубку! — взмолился воришка, в очередной раз дозвонившись до полиции. — Мы действительно грабим квартиры и хотим сделать признание.

— И в чем дело? Приезжайте к нам, сейчас придет следователь с оперативного совещания и запишет ваши показания.

— Как, в чем! Мы из лифта выбраться не можем!

— Нет, ну надо же, какая наглость! Они, видите ли, грабят квартиры, а мы их из лифта вытаскивать обязаны!

Лифт продолжал ездить и зачитывать великое произведение. Обезумев от желания сходить в туалет, воришки признались полиции во всех своих злодеяниях, даже в том, что они и близко не делали. Что именно они застрелили президента Кеннеди, взорвали плотину в 43-м году, а также планируют покушение на Сберегательный банк России.

— Ладно, уговорили. Сейчас приедет патрульная машина, — выслушав их, произнес полицейский.

— Поскорей бы! — раздался в трубке умоляющий голос.

Представитель полиции был уверен, что имеет дело с психически нездоровыми людьми, и на всякий случай кроме наряда полиции выслал еще по указанному адресу машину «Скорой психологической помощи».

Вскоре во двор заехали две специальные машины. Из полицейского «уазика» вышел полноватый сержант и внимательно огляделся вокруг. Все тихо, никто не кричит, никого не бьют, тишь да благодать.

— Так и знал, что это ложный вызов, — недовольно буркнул он и, направившись к нашему подъезду, зашел внутрь.

Все тихо, где-то наверху едет лифт, все как обычно, ничего подозрительного. Сержант уже собирался уходить, как вдруг услышал крики на верхних этажах. Это соседи с четвертого этажа пришли с работы и увидели, что их квартиру ограбили. Осознав, что в доме действительно произошло ограбление, а воры заперты в лифте, сотрудники полиции попытались их догнать, бегая по лестничному маршу, но не тут-то было. Лифт был гораздо быстрее и увертливее. Полицейские окончательно выбились из сил, но, на их счастье, повстречался дядя Вася, сосед с первого этажа. Он и объяснил им, что данное занятие — гоняться за нашим лифтом — абсолютно бесполезно.

— Если лифт едет и зачитывает литературное произведение, это значит, что его довели или плохо с ним обошлись.

— И что нам теперь делать? — спросил запыхавшийся сержант.

— Ничего, — спокойно ответил дядя Вася.

— Так преступники же сбегут!

— Никуда они не сбегут, от нашего лифта еще никто не убежал.

— И какие у нас должны быть действия?

— А никаких. Стойте и ждите здесь. Лифт сейчас их накатает и остановится на первом этаже.

— И долго он их будет катать?

— Пока первую главу книги «Война и мир» не дочитает. Судя по тому, что читал лифт, когда я его слышал минут десять назад, он сейчас ровно на половине первой главы.

— Это сколько по времени? — изумленно спросил второй полицейский.

— Достаточно, вы еще пообедать успеете, у нас здесь замечательная столовая за углом.

Полицейские повесили на край перил пару наручников и отправились обедать. Вернувшись через какое-то время, они обнаружили, что лифт еще в пути. Прошло еще 25 минут, лифт, наконец-то, дочитал первую главу книги, спустился на первый этаж и остановился, благополучно выполнив все до единой операции после удара воришки по его клавиатуре. Правда, двери так и не открылись.

— И что теперь делать? — непонимающе спросил сержант.

— Не знаю, — ответил второй полицейский.

— А кто знает?

— Надо у мужика с первого этажа спросить, он вроде в лифте разбивается.

Полицейские постучали в дверь квартиры дяди Васи.

— Ну, что еще там? — слышалось из-за двери.

— Извините, пожалуйста. Вы не подскажите, что нам сейчас делать?

— Так вы же полиция, вам же видней, что делать. Наверное, задержать воров.

— Это понятно, но двери лифта не открываются.

— А вы постучите.

Сержант подошел к лифту и тихо постучал.

— Здравствуйте! Радые вас видеть в нашем доме, — прозвучал нежный женский голос, и двери открылись. В кабине на полу сидели двое мужчин с практически квадратными глазами — не то от страха, не то от желания пойти в туалет.

— Сами надевать будете или помочь? — спросил сержант, показывая на наручники.

— Сами! Сами! Только дайте из лифта выбраться! — обрадовано закричали воришки и, покачиваясь, вышли из кабины.

— Вещи назад отнести? — спросил один из воров.

— Без вас разберемся, — ответил сержант. — Вон «уазик» полицейский во дворе стоит, топайте к нему и ждите, а мы пока краденые вещички перепишем да свидетелей опросим.

— А можно мы до кустов на полянке сбегать, мы быстро, а то уже в глазах темнеет?

— Можно, но очень быстро, а то, смотрите, опять в лифте запрем.

Воришки быстро сгоняли на полянку и подбежали к полицейскому «уазу». Причем так заперлись в нем, что по прибытии в участок заднюю дверь пришлось срезать автогеном. Именно с того дня воровство в нашем подъезде прекратилось, видать, слух прошел о лифте-мстителе.

Ну а мы сняли в кабине лифта зеркало и повесили вместо него огромную инструкцию по эксплуатации. Инструкция начиналась от потолка и заканчивалась на полу. Начиналась она со слов: «Лифт — это не игрушка, а умное средство передвижения». На противоположной стене мы приклеили огромный плакат, на котором был изображен грозный мужик, тыкающий пальцем в пассажира, и надпись: «А ты точно и хорошо ознакомился с инструкцией по эксплуатации лифта?!» □

Владимир ЭТУШ

«Я по-прежнему "голодный" актер»

При появлении этого артиста на сцене или на экране зрителей всегда охватывало предвкушение праздника, радостного сюрприза, события. За свою очень долгую жизнь он переиграл в театре и кино сотни ролей — больших и малых — и в каждой умел поражать, завораживать, смешить. Смешил, оставаясь совершенно серьезным (редкий дар!), и умел выглядеть симпатичным, вызывающим если не сочувствие, то понимание даже в образах прохвостов и прохиндеев. А незабываемый голос Этуша! Звучный, объемный, проникающий в душу.

«Есть, наверное, во мне какая-то привлекательность. В конце концов, я красивый парень!» — говорил о себе четыре с лишним года назад 91-летний Владимир Абрамович. И, разумеется, был прав. Женщины влюблялись в него всю жизнь. И он отвечал им полной взаимностью, с поистине кавказским темпераментом.

Горячий темперамент и восточная внешность сослужили ему в актерской карьере неплохую службу. В юности будущий актер служил в Закавказье и говорил, что как губка впитывал этот говор, акцент, так что в «Кавказской

пленнице» ему было легко играть. Когда Брежнев смотрел на даче бессмертную комедию Леонида Гайдая, то смеялся до упаду. Особенно понравился ему товарищ Саахов, и он поинтересовался, кто его играл: грузин, азербайджанец? Услышав, что — еврей, генсек опешил, пожевал губами и с чувством произнес: «Дааа... великий артист!» И не случайно после «Кавказской пленницы» Этуш стал национальным героем и на Кавказе, и в Закавказье. Правда, армяне считали, что он — азербайджанец, а азербайджанцы и грузины тоже принимали его за представителя соседнего народа...

В известном московском ресторане «Кавказская пленница», по соседству с домом знаменитого артиста, он почетный гость, которому там всегда рады. «Могу ходить туда хоть каждый день, но стараюсь не злоупотреблять...»

В свои преклонные годы Владимир Абрамович по-прежнему больше всего на свете любит путешествовать.

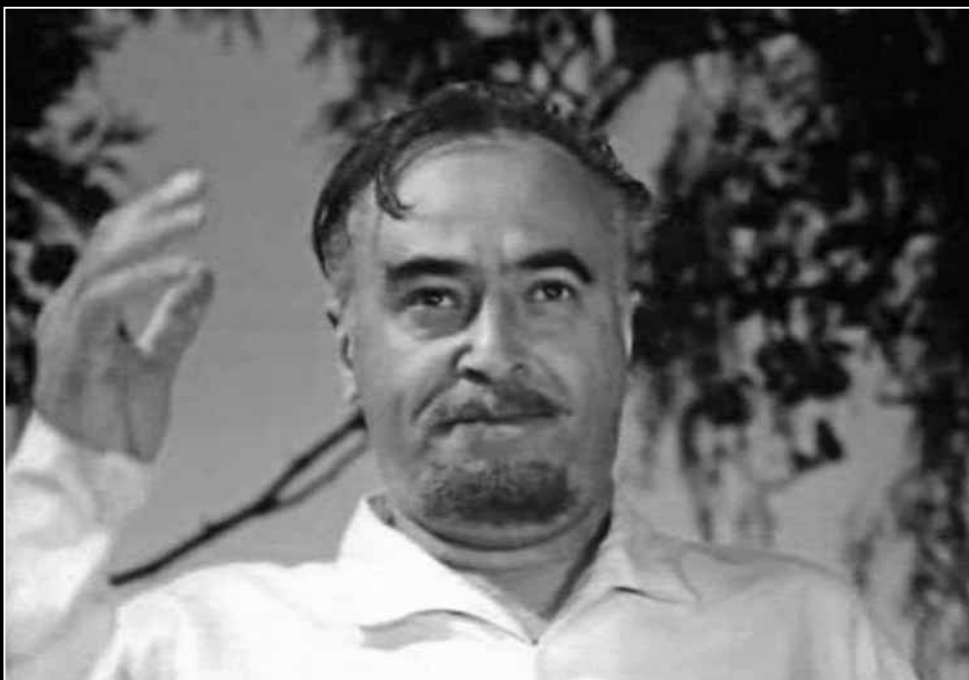
Поехал несколько лет назад с молодой женой в Китай. И вдруг дней через десять после отъезда позвонили из Москвы, с Петровки, 38 и попросили опознать похищенные в их отсутствие из квартиры ценные вещи. Узнав, кого они ограбили, взломщики аккуратно сложили под коврик у входной двери квартиры наиболее ценное из похищенного, присовокупив записку следующего содержания: «Уважаемый, Этуш, простите нас, пожалуйста!» Вот что значит всенародная любовь.

Владимир Этуш признавался, что «появился на белый свет дважды». Первый раз — 6 мая 1922 года. А второй — в ту же пору, но год спустя. Объясняется это очень просто. Тогда в некоторых семьях было принято записывать новорожденного мальчика годом позже. Дескать, придет время призыва в армию — крепче будет. Так поступили и с ним. Тем не менее, «оба раза» будущий народный артист родился в Москве, и первое,

что он запомнил в раннем детстве, был вид на Андреевскую церковь в Серебряnnическом переулке, в которой служили высланные потом куда-то монашки и которую затем превратили в склад.

Отец Этуша, Абрам Савельевич, родом из-под Минска, до революции был коммивояжером, а в годы НЭПа — владельцем небольшого галантерейного цеха. Позднее работал на строительстве и дважды

*К/ф
«12 стульев»*

арестовывался. Мать, Раиса Константиновна, после первого ареста мужа пошла работать кассиром в фотоателье. Сперва Этуши жили в четырех комнатах, по тем временам роскошь, но с окончанием НЭПа их «уплотнили», подселив соседей.

Вторично отца арестовали в 38-м по ложному доносу соседей, утверждавших, что он, якобы, негативно высказывался в адрес Сталина и вел антисоветские разговоры. Эти же доносчики-соседи быстро заняли одну из оставшихся комнат арестованного. Налаженный быт семьи рухнул в одночасье. В школе отношение к сыну «врага народа» резко изменилось. На одном из уроков литературы, при изложении мнения Ленина о романе «Обломов», учитель прервал ответ Володи словами: «Это точка зрения не Ленина, а врага народа Бухарина!» Последовал вызов подрост-

ка в кабинет директора, где его обвинили в антисоветчине и угрожали позвонить в НКВД, если он не исправится. Такое вот было время.

К счастью, отцу Этуша повезло. Заступивший в ноябре 38-го на пост наркома внутренних дел Берия амнистировал многих посаженных его предшественником по незначительным статьям. Абрам Савельевич вернулся домой и даже получил денежную компенсацию в размере годовой зарплаты. До той поры мать на сэкономленные гроши старалась устраивать сыну маленькие праздники, предлагая ему сходить в кино или купить сладости. Мальчик мучился дилеммой: пирожное либо Чарли Чаплин? Но всегда выбирал кино.

С восьмого класса Володя начал заниматься в школьном драмкружке, «заболел» театром. Всеми правдами и неправдами пробирался на

спектакли, а после окончания школы в 1940 году подал документы в ГИТИС. Однако срезался на третьем туре, недобрав баллы у самого Юрия Завадского по письменному плану театральной постановки. Выручила добрая знакомая, племянница худрука Вахтанговского театра Раиса Симонова, похлопотала перед дядей, и тот устроил юношу вольнослушателем в Щукинское училище.

...Ранним утром 22 июня он возвращался домой со студенческой пирושки, когда увидел мчащийся на полной скорости иностранный автомобиль с германским флагом. И лишь потом понял, что это была машина немецкого посла, направлявшегося в Кремль, чтобы вручить Молотову меморандум об объявлении войны. А дома мама сообщила ему о нападении фашистской Германии на Советский Союз.

Первые месяцы войны Этуш трудился на возведении подмосковных оборонительных укреплений. В армию его не призвали по студенческой броне (к тому моменту он уже был переведен из вольнослушателей в студенты). В сентябре немцы были на подступах к столице. Наступал самый критический момент. Молодой человек решил, что сейчас его актерская профессия никому не нужна, и ушел добровольцем на фронт.

Сначала его направили на курсы военных переводчиков в Ставрополе. Через четыре месяца он попросился в действующую армию и был назначен помощником начальника штаба стрелкового полка. Воевать

довелось в горах Кавказа и на Украине. В 43-м был награжден орденом Красной звезды.

Из наградного листа: «В боях за социалистическую Родину против немецких оккупантов показал себя смелым и решительным командиром... бесстрашно, не щадя своей жизни, воодушевляя бойцов, смело повел роту на врага, причем своим умелым маневром выбил противника из района Городок, при этом уничтожил 30 солдат и офицеров...»

Особенно тяжело пришлось в боях под Запорожьем. Там, уже в звании старшего лейтенанта, Этуш со сво-

*К/ф
«Приключения
Буратино»*

Справа:
*К/ф
«Три
мушкетера»*

им отрядом 13 суток героически удерживал занимаемые позиции, откуда их так и не смогли выбить гитлеровцы. На 14-й день Владимир лично поднял бойцов в победную контратаку, но получил тяжелое ранение разрывной пулей. Следующие полгода пролежал в госпитале, затем был комиссован с инвалидностью второй степени.

Возмужавшим героем-фронтовиком вернулся Владимир Этуш в стены Щукинского училища. Зачислен он был сразу на 4-й курс, а уже в 1945 году стал дипломированным актером и по распределению попал в Вахтанговский театр. Первые годы, как и положено, перебивался маленькими характерными комедийными ролями, причем возрастными. Все изменилось в одночасье, когда Этуш сыграл слугу Ланса в комедии Шекспира «Два веронца».

Дуэт излюбленных автором двух слуг-простаков требует от актеров искусства импровизации, полной раскованности, остроты реакций. И, конечно, личного обаяния. Всем этим молодой актер обладал с избытком и вскоре стал одним из ведущих солистов театра.

Свою прославленную «вахтанговскую» манеру игры он принес и в кинематограф, где быстро завоевал популярность в качестве мастера эпизода. Одной из первых раскрыла на экране его уникальный талант Надежда Кошеверова. «Старая, старая сказка», «Тень», «Ослиная шкура», «Как Иванушка-дурачок за чудом ходил» — в этих памятных поколениям юных зрителей фильмах Этуш блестяще перевоплощался в сказочных персонажей. Детям хорошо запомнился его гротескный Карабас-Барабас из двухсерийного музы-

кального телефильма «Приключения Буратино».

Но если роль требовала серьезного, драматического звучания, актер вел ее безупречно, в совершенно иной тональности. Ему оказались подвластны все жанры — от площадной буффонады и сатиры до подлинной трагедии.

Большинство экранных и сценических героев Владимира Этуша, как правило, люди хитрые, неприятные, алчные. Но встречаются в его «послужном списке» и совершенно другие личности. Взять хотя бы ученого Снаута в «Солярисе», того же короля в «Старой, старой сказке», Мартини в «Оводе», отца д'Артаньяна в римейках «Трех мушкетеров». Да и трогательно-нелепый инженер Брунс в «12 стульях» вызывает скорее не

смех, а зрительское сочувствие. Ну и, разумеется, магистр черной и белой магии Мальgrim, племянник Марлограмма в мюзикле «31 июня» — фигура далеко не однозначная.

Поистине судьбоносной оказалась встреча Этуша с Леонидом Гайдаем. Их творческое содружество началось с «Кавказской пленницы» и продолжилось на «Брильянтовой руке», «12 стульях» и «Иване Васильевиче». Классические кинокомедии с классическими комедийными героями. В них наиболее ярко проявился удивительный дар Этуша лепить цельный характер из весьма ограниченного по времени и содержанию материала роли.

Эта же способность отличает театральные работы замечательного артиста. На фоне блистательной

актерской плеяды театра им. Евг. Вахтангова Владимир Этуш десятилетие за десятилетием убедительно доказывал, что, говоря словами Станиславского, нет маленьких ролей, а есть маленькие артисты.

Постепенно от броских, зачастую шаржированных эпизодических ролей на сцене родного театра он заслуженно переходит к созданию сложных, разноплановых характеров центральных персонажей. Они фактически начались с Блендербленда, которого, вопреки авторской ремарке о нем как о громоздком, неповоротливом человеке, Этуш играл легковесным, обреченно ждущим какого-нибудь подвоха. Этот подвох, в конце концов, случается, и тогда герой Этуша превращается в назойливого, грубого субъ-

екта. Поразительная актерская трансформация!

С постановкой в 1965 году спектакля по драме Эмиля Золя «Западня» начинается новый этап в творчестве артиста. В начале спектакля его Купо — добрый, нежный и великодушный влюбленный. Но вот судьба безжалостно наносит ему страшный удар, словно испытывая его на прочность, и Купо на наших глазах приходит от силы и уверенности к полному безволию, нравственному и физическому краху. Глубокий драматизм образа был воплощен Этушем настолько убедительно и правдиво, что заставлял забыть о бесподобной комедийной природе этого универсального актера.

С большими киноролями в его зрелые годы дело обстояло слож-

Слева:
*К/ф
«Кавказская
пленница,
или Новые
приключения
Шурика»*

*К/ф
«Адмирал
Ушаков»*

нее. Сказалось общее измельчание и кризис нашего кинематографа после распада СССР, редкое появление на экране по настоящему качественных, художественных комедий, тотальная коммерциализация отечественного киноискусства. Резко сузился, разумеется, и диапазон достойных этого большого мастера возрастных ролей, с которыми у нас всегда было туго.

Среди последних значительных киноработ Этуша — роль генерала Орленко в остродетективном сериале «Поворот ключа» (режиссер И. Щеголев, 1999 г.), человека властолюбивого, деспотичного, но, в то же время, масштабного. В центре действия — клубок интриг криминальных группировок и высокопоставленных чиновников, открывших

охоту на журналиста-расследователя. В криминальном боевике Георгия Шенгелия «Классик» Этушу досталась весьма неожиданная роль крупного криминального авторитета «Монарха», выступающего арбитром в подпольном бильярдном матче на огромные деньги, где одной стороне удастся про-вести другую. Актер сумел придать своему зловещему эпизодическому персонажу настолько характерные индивидуальные черты, что зрители замирали при одном его появлении.

Действие новогоднего музыкального фильма Первого канала «Первый скорый» режиссера Олега Гусева (2006 г.) разворачивается в небольшом городке наших дней, куда волею случая заносит известных артистов и исполнителей, которые

*К/ф
«Иван Васильевич
меняет
профессию»*

играют самих себя. Основная сюжетная линия строится на скетчах из популярных лент прошлых лет. Среди звезд эстрады и экрана появляется также Этуш в легендарном образе товарища Саакова...

Был, кроме того, еще крошечный эпизод в фантастической комедии Юлия Гусмана «Парк советского периода» (2006 г.). Вот, пожалуй, и все его работы последних двух десятилетий в кино. Прямо скажем, мало, очень мало для актера, такого уровня и калибра!

Отрадно, что на нынешний год запланирован выход многосерийного телефильма «Подросток» по одноименному роману Достоевского. Роль князя Сокольского исполняет Владимир Этуш, а его партнеры по фильму — Сергей Гармаш и Алексей Гуськов. Режиссером проекта выступил маститый Сергей Снежкин, поста-

вивший ранее успешный сериал «Белая гвардия» и на шумевшую картину «Похороните меня за плинтусом».

Сам Владимир Абрамович недавно заявлял: «Я по-прежнему "голодный" артист. Печалюсь по поводу ролей, которых уже не сыграю никогда. Многие прошли мимо меня. Но на судьбу не пеняю, нет. Я вообще дорожу всем, что было... Когда мне предложили играть Карабаса-Барабаса в "Приключениях Буратино", я мечтал о Шекспире. Но отдался работе и забыл, что мечтал играть Шекспира. В кино мне давно не предлагают ролей. Это естественно. Кому-то странно, что я еще живу, а вот что играю в театре, занят в двух спектаклях — "Дядюшкин сон" и "Пристань" — это диво дивное.

Киношники не могут даже предположить, что я еще в форме. Но и тут я на судьбу не ропщу. Недавно

вот сыграл в "Ералаше" доброе привидение. Я с радостью согласился. Жаль, поклонниц у меня почти не осталось. Наверное, моя жена Лена — самая последняя и самая преданная моя поклонница».

На свой четвертый брак с Еленой Горбуновой Владимир Абрамович решился в 80 лет. До женитьбы они успели как следует «проверить чувство». И вот уже шестнадцать лет вместе и счастливы.

Ну а со своей первой женой, красавицей первокурсницей «Щуки» Нинель Мышковой Этуш познакомился будучи студентом четвертого курса. Она представилась ему Евой (данное ей родителями имя ненавидела), и только в ЗАГСе он узнал, как ее зовут по-настоящему. Сначала у

молодых все складывалось хорошо, однако спустя некоторое время Нинель увлеклась композитором Антонио Спадавекки и ушла к нему от Этуша. Впоследствии, впрочем, бросила и его.

Гражданский брак артиста с ослепительной Еленой Измайловой, любви которой, по слухам, напрасно добивался сын «вождя народов» Василий Сталин и неприступное сердце которой сумел покорить Этуш, не вынес испытания его растущей популярностью. Был затем у Этуша и кратковременный роман с его же студенткой, будущей звездой экрана Людмилой Чурсиной. Но главной женщиной в жизни Владимира Абрамовича стала скромная преподавательница английского языка из Баку Нина Крайнова. В 1955 году она по-

*С женой
Еленой
Горбуновой*

Спектакль

«Дядюшкин сон»

Справа:

Спектакль

«Бенефис»

дарила ему единственную дочь Раису. С Ниной Александровной артист прожил почти полвека, в уверенности, что их брачному союзу не страшны никакие испытания и тем более мелкие интрижки, которые он себе периодически позволял. В 2000 году Нина Крайнова скончалась от рака.

И вот спустя несколько лет Этуш вступил в новый брак, по совпадению, тоже с преподавательницей английского языка, моложе его на 43 года. «Без Лены я бы просто не выжил, — признается Владимир Абрамович. — Кто-то считает, что Лена нашла себе хорошую партию, когда вышла замуж за известного артиста в преклонном возрасте. А я уверен,

что гораздо больше повезло мне. Благодаря Лене я нахожусь в приличной форме. Она помогает мне в работе, ведет все мои дела, на ней дом, я и мое не очень уж крепкое здоровье. Я ее не просто люблю, но еще и очень благодарен ей. Я и одиночество — несовместимы. Без женщины рядом я бы просто зачах. Такая уж у меня природа...»

Очевидно, именно Елене Горбуновой мы обязаны тем, что совсем недавно ее муж, великий актер Владимир Этуш вышел на сцену Вахтанговского театра в роли Князя К. из пронзительного «Дядюшкиного сна» Достоевского. И не просто вышел, а буквально потряс зрителей трагикомическим, жалким и вместе с тем трогательным образом несчастного обманутого героя. Он, без преувеличения, явился одной из вершин актерского мастерства Этуша. И, дай

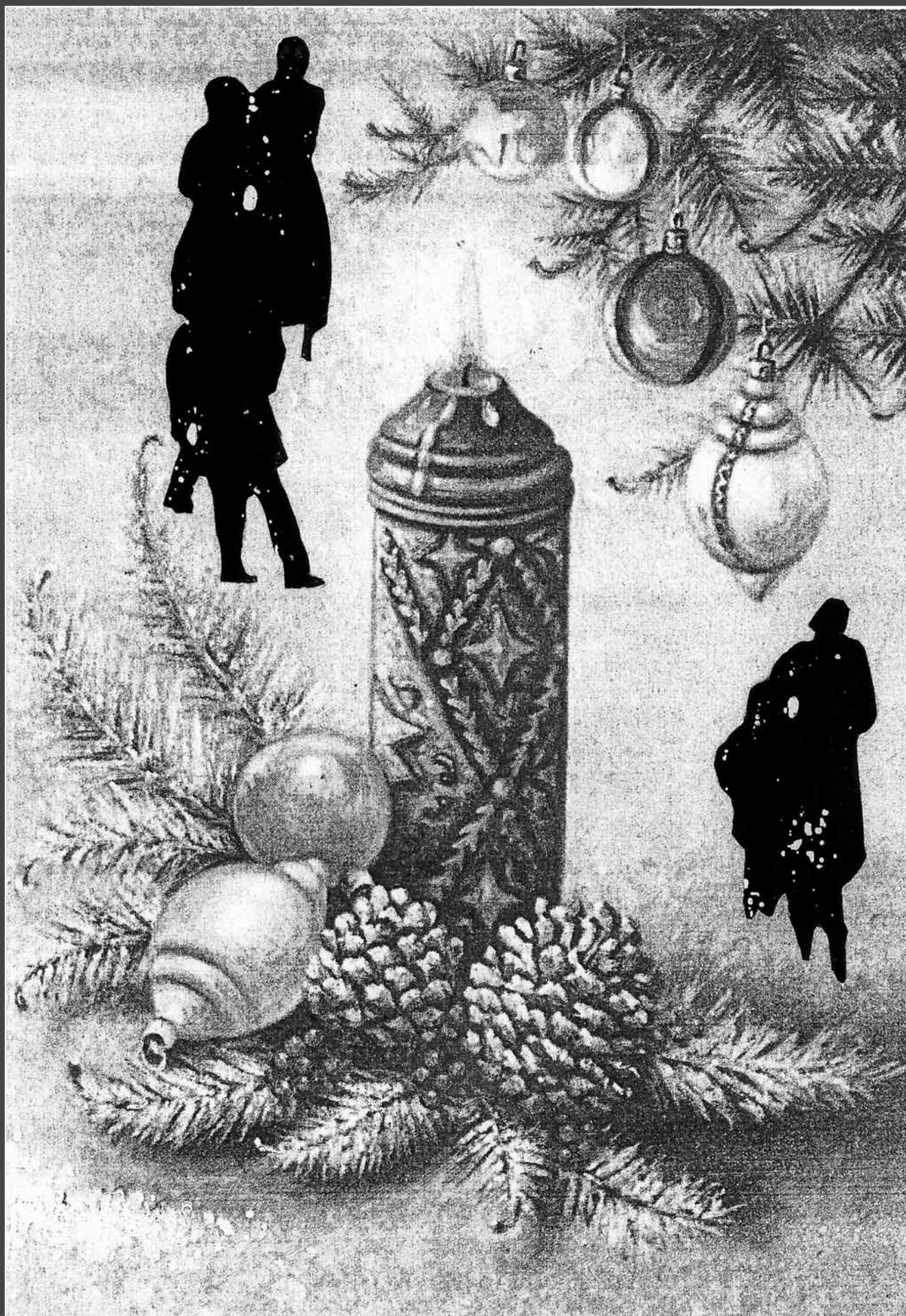
бог, не последней! За эту роль народный артист СССР, академик Российской академии кинематографических искусств «Ника» Владимир Этуш был удостоен Государственной премии России.

Его по-прежнему резкому, нетерпимому к фальши и лжи характеру и при этом неиссякаемому обаянию личности, остроте ума и творческой энергии не перестают удивляться студенты и преподаватели Щукинского училища, где Владимир Абрамович с 1976 года занимал должность профессора кафедры актерского мастерства, с 1987 по 2003

год — ректора прославленного театрального училища, а затем — его художественного руководителя, каковым продолжает оставаться сегодня. Помимо этого, он вплоть до недавнего времени возглавлял Центральный Дом актера им. А.А. Яблочниковой, успев сделать немало доброго и полезного на посту директора культового актерского «приюта».

И хотя он продолжает считать себя «голодным» актером, хочется думать, что впереди у него еще будут яркие и интересные роли.

Будем с нетерпением ждать его возвращения. □

НОВОГОДНИЙ КЛАН

Маруся смотрела в темноту окна, где в куполе молочно-серебристого света от старого фонаря мерцали легкие снежинки.

— Скоро Новый год, Сережа, — сказала она тихо.

Сережа зевнул.

— А одно Рождество мы уже пропустили, — вздохнула Маруся. — Когда я была маленькой, и мы еще жили вместе с отцом в его большом доме за городом, Рождество мы встречали сначала по-западному, в декабре, потом, конечно, был Новый год, и уже в январе — Рождество христианское. Мать моего отца была обрусевшая то ли полька, то ли немка, бог ее знает! От нее традиция пошла. Говорили, страшно красивая женщина. Впрочем, я никогда ее не видела, она еще до моего рождения умотала куда-то в Европу. А папа остался учиться в консерватории... — Она помолчала и вдруг неожиданно спросила: — Сережа, зачем ты женился?

— Ну вот, только начал засыпать! — Сережа заерзал, потянул на себя одеяло. — Тебя интересует, зачем я на тебе женился?

— Нет, меня вообще интересует — зачем? — Маруся поежилась. — Холодно что-то...

— А зачем, черт возьми, люди вообще женятся? — проворчал Сережа. — Лучше придвинься ко мне поближе, и будем спать!

Марусе спать совсем не хотелось. Она опять вздохнула и обняла подушку.

— Я хочу тебе кое-что сказать. До шести лет я была абсолютно счастлива...

— В этом возрасте все абсолютно счастливы.

— Неправда! У одного мальчика из соседнего дома мама сильно пила, а у моей одноклассницы папа погиб в Афгане. Я, конечно, мало что запомнила из тех своих лет, но... — Маруся зажмурилась. — Вот во дворе под нашим окном растет высокая ель, папа наряжает ее на Рождество только до половины, выше не достать даже со стремянки. Смешная получалась елка, словно в юбке из украшений.

Вот мама напекла рождественского печенья, и среди глазированных звездочек и зверушек печенюшки в виде букв. Мама сказала, что это магические печенья, из букв надо составить волшебное заклинание, и тогда оно обязательно сбудется. Папа был азартным человеком, он составлял заклинание из печений весь вечер, но у него ничего не получалось! Мама старалась ему помочь, а я горько плакала в своей комнате, ведь еще утром, втайне ото всех, я съела четыре буквы. Когда я призналась в своем преступлении, мама с папой долго смеялись и составили другие слова: «Маша будет чудо». А лишние буквы мы съели за чаем.

Мама так и не сказала, какое заклинание должно было быть на самом деле, и потом я долгие годы считала себя виноватой в том, что они расстались, ведь, наверное, в заклинании было что-то очень важное про всех нас.

А еще я запомнила на всю жизнь рождественский гимн, которому меня научил отец. Его написал какой-то католический священник лет двести назад. Папа уверял, что этот священник — наш родственник, и просто замучил меня, пока я не выучила песенку!

Но счастье закончилось, мама ушла от отца, и мы переехали в ее маленькую квартирку. До конца жизни она не хотела говорить об отце, но, когда умирала, попросила меня спеть ту самую его рождественскую песенку.

Маруся села в постели, прикрыла голую грудь подушкой и, глядя в окно на снег, запела тоненько и нежно:

*Свята ночь, тиха ночь,
Свет звезды ярче свеч,
А младенец пресвятой
Почивает тихим сном...*

— Сережа, я вот что хотела сказать — я уйду от тебя... Ты спишь?..

Долго еще Маруся смотрела в окно на снег, потом оглянулась на спящего мужа, взяла с тумбочки свой мобильный телефон, написала кому-то сообщение, тихо всхлипнула и сунула телефон под подушку.

Но Сережа не спал, он напряженно ждал, когда заснет жена. Затем осторожно просунул руку под ее подушку, достал телефон и стал искать — кому же она написала. В отправленных сообщениях было пусто, зато среди сохраненных было одно без номера: «Мамочка, милая, как ты там? Я по тебе скучаю. Мне очень-очень плохо! Попроси там за меня кого-нибудь, если можно...»

— Дурдом! — сердито прошептал Сережа, вернул телефон на место и накрыл жену одеялом. — Совсем с катушек слетела!

Снег с такой силой бил в лобовое стекло, что Марусе сделалось жутко. Впрочем, не по себе ей было и от проносящегося за окном машины черного леса, и от густой темноты, и, главное, от хмурого водителя. Про себя она назвала его «Крюгером».

— Скажите, а куда мы едем? — робко спросила Маруся.

— В Никольское. — «Крюгер» был явно не расположен к беседе.

— Вы — личный водитель этой женщины? — настырничала Маруся.

— Не знаю я никакой женщины, заказ поступил через таксомоторную фирму, — отрезал «Крюгер».

Маруся передернула плечами под тонкой кроличьей шубкой — Господи, во что она вляпалась!

Непонятная женщина с сухим надтреснувшим голосом звонила ей несколько раз за неделю и убедительно говорила, что Марусю ей прекрасно отрекомендовали знакомые знакомых как отличную учительницу по фортепьяно для ее восьмилетнего внука. Деньги предлагала огромные, но на странных условиях — переехать к ним в дом с проживанием на все время обучения.

Маруся дважды отказывалась, ссылаясь на замужество, на личную жизнь, но когда женщина сказала, что навела справки, и личная жизнь Маруси это лишний повод принять ее предложение, она неожиданно для себя согласилась и даже попросилась приехать немедленно, пока муж не вернулся с корпоративной вечеринки.

Машину прислали через полчаса, только самое необходимое успела побросать в сумку и оставить прощальную записку.

Женщина сказала, что сама она с внуком приедет через пару дней, а в доме Марусю примут.

Было уже далеко за полночь, когда «Крюгер» довез ее до места. Она вышла из машины и подошла к воротам. Калитка оказалась открыта. Пушливо озираясь в темноте большого участка, она прошла по расчищенной от снега дорожке к дому, в окнах первого этажа горел приглушенный свет. Поднявшись по ступенькам, поискала звонок, но ничего похожего

не обнаружила и тихонько постучала в дверь. Постучала снова, на этот раз уже увереннее.

Никто не отозвался. Ну что ей, в самом деле, на пороге ночевать?

Маруся толкнула дверь, и она отворилась — в тускло освещенных сенях столпились ведра с краской, малярные валики, стремянка и прочие строительные инструменты, очевидно, в доме затевался ремонт.

— Эй! Здесь есть кто-нибудь? — негромко спросила Маруся и, не получив ответа, обратилась к чему-то большому, накрытому пленкой и похожему на буфет: — Ну, и где мне тут для начала умыться?

Буфет Марусе, естественно, не ответил. Она рассердилась, бросила сумку на пол и отправилась искать ванную. Удивительно, но обострившаяся интуиция сразу привела ее в нужное место, правда, на повороте Маруся больно врезалась боком в какой-то выступ на стене.

Потом она без труда отыскала кухню, где вскипятила себе чаю и даже нашла печенье с медом. Там же, в кухне, и решила устроиться на небольшой, но вполне удобной кушетке.

Странно, но настроение у Маруси улучшалось с каждой минутой, страх как рукой сняло, и, что особенно удивительно, чувствовала она себя здесь как дома, даже лучше.

Маруся выключила свет, оставив только мягкую лампочку над вытяжкой плиты, прилегла на кушетку, и тут в сумке чирикнул мобильник — от кого-то пришло сообщение.

«Слава богу, очухалась хозяйка, сейчас все и выясним! — весело подумала она, открывая сообщение. — Ну а если это Сережа, то...» Но додумать мысль не успела, номер был неизвестный, а само послание ввело ее в ступор: «Маша, не валяй дурака! Возвращайся к мужу! Мама».

Маруся плюхнулась на кушетку и лихорадочно набрала неизвестный номер.

«Абонент временно недоступен или находится вне зоны действия...» — ответила трубка.

«Вне зоны действия? — очумело уставилась она в потолок. — Ой-ей-ешеньки! Это что же, я так взяла и с ума сошла?»

Проснувшись от яркого солнца, Маруся не сразу сообразила, где находится. Присев на кушетке, сонно завертела головой, бросила взгляд на окно, и сердцу сразу стало тепло — во дворе, под самыми окнами, высилась могучая красавица-ель, ее ель. Она сладко потянулась, хотела, было, позвать маму, тут же вскрикнула в ужасе: «Мама!» — и опасливо посмотрела сначала на мобильник, а потом на поразительно знакомую елку за окном.

— А, проснулась, пианистка?! — чуть не доведя ее до инфаркта, весело выкрикнула какая-то девица, появившаяся в дверях кухни в измазанном краской комбинезоне. — Слушай, ты прости меня, что я тебя вчера не встретила. Так замучилась с этим ремонтом, с копыт падала, задрыхла на чердаке. Я там себе коечку примоздричила. Да ты, я вижу, и без меня хорошо устроилась.

— Вы кто? — пробормотала Маруся.

— Я-то? — усмехнулась девица. — Гастарбайтер! Риткой звать. — Она прошла к плите, зажгла конфорку под чайником и повернулась к Марусе: — Слушай, чудная у нас с тобой хозяйка, самой нет, народ чужой в дом пускает. Я-то с Темрюка, она меня оттуда вызвонила. Говорит, какие-то знакомые меня ей рекомендовали, мол, ремонт хорошо делаю. Какие знакомые? Всех опросила — никто ничего не знает! «Бабла» мне прислала на дорогу, а за работу, знаешь, сколько обещала? — Ритка присвистнула. — И что, поближе работников у ней нет, что ли? Ой, странная тетка! Зачем ей ремонт? И обои, и потолок — все супер-пупер было. Ну, да ладно, думаю, хозяин-барин. А ты че такая вздрюченная?

— Знаешь, у меня какое-то странное ощущение от этого дома, — нахмурилась Маруся, разглядывая дом уже при солнечном свете.

— И у тебя тоже? — обрадовалась Ритка. — Прикинь, я так чувствую, будто я здесь уже была когда-то. Но я точно не была, «сто процентняк». Но запах, что ли, родной какой-то или дух... Любопытно на нашу хозяйку поглядеть. Завтра к вечеру с внуком приедет из Хорватии.

Маруся рассеяно кивнула и направилась в ванную, по дороге опять больно врезалась в выступ на стене, вскрикнула, остановилась рядом с ним, держась за бок и глубоко о чем-то задумавшись. Ритка выглянула из кухни и жизнерадостно заржала:

— О! Смотрю, и ты в него вписалась! Слушай, все хорошо в нашем доме, но вот это архитектурное излишество собью молотком, на фиг, и скажу, шо так и было!

Маруся не ответила, попятилась назад и снова прошла рядом с выступом, теперь уже специально задев его боком. Потом проделала то же самое еще раз, но уже на коленях, боднув выступ лбом.

— У, да ты, я гляжу, подруга с присвистом! — перестала смеяться наблюдая за ней Ритка.

— У тебя рулетка есть? — как ни в чем не бывало, спросила Маруся.

Измерив высоту выступа, она бросилась за мобильником.

— Алена, привет! У тебя Ванька рядом?

— Ну?

— А сантиметр есть?

— Ну?

— Слушай, померяй скорее, что у него находится на уровне ста десяти сантиметров от пола.

— Ничего не находится! — внезапно рявкнула трубка.

— То есть как? — растерялась Маруся. — Совсем?

— Совсем!!

— Подожди, ему уже шесть лет?

— Шесть! Ему уже давно шесть, а я — дура набитая! — взорвалась гневом трубка. — Угораздило меня родить ребенка от этого карлика-носа! И ростом в папочку будет, и, видимо, носом! И в садике все «мелкотой» его дразнят...

— Извини, я не хотела. Зато он у тебя на фортепьяно играет...

— Джаз! — гордо крикнула трубка. — А стихи, знаешь, какие пишет?

Падает на землю беленький снежок,

А собака Абрик делает прыжок.

Прыгает в сугробах, прыгает везде... —

Трубка зарыдала.

— Прекращай реветь! — приказала ей Маруся. — У тебя отличный парень. И ты отличная. И папа у вас отличный, хоть и невысокий.

— Да, он, знаешь, какой лауреат международных конкурсов! — согласилась трубка. — А с Ванькой и на каток, и на все елки, и уточек из пластилина лепит. Он вообще у меня самый лучший, и пошли они все!

Маруся чмокнула в трубку и дала отбой. Снова примерилась к выступу, потерла задумчиво лоб и набрала другой номер:

— Катюша, у тебя Юлька нормальная?

— В каком это смысле? — насторожилась трубка другим уже голосом.

— Ну... как бы это...она же не карлик? — глупо хихикнула Маруся.

— Ты пьяная?! — догадалась трубка.

— Да нет! Тут вопрос жизни и смерти — что у нее на уровне ста десяти сантиметров?

Лишних вопросов Катюша больше не задавала, опрометью бросилась измерять, вернулась довольно скоро и уже на грани нервного срыва.

— У нее там лоб! Это плохо? Ты где-то что-то прочитала? Какое-то заболевание? Не мучь меня, говори!..

— Лоб... — в экстазе повторила Маруся. — Точно — лоб! А справа большая шишка.

— Нет у нее там никакой шишки, — испугалась Катюша. — Это плохо?

— Это прекрасно! Это у меня шишка была... в шесть лет в ста десяти сантиметрах от пола! Катюха, я, кажется, домой попала!

— Ой, Маруська! — ужаснулась трубка. — Да ты вдрабадан упилась! Хорошо, что хоть дома.

— Нет, я трезвая, просто взяла и сошла с ума, — улыбнулась Маруся, а про себя подумала: «Это я тебе еще про маму не сказала».

С Марусей действительно творилось что-то неладное. Весь день она бродила по дому и возле дома, изучала его, узнавала и не узнавала.

Когда между мамой и папой что-то произошло, мама увезла дочь в Москву и даже разговоров не допускала об этом доме.

Но как же Маруся мечтала снова вернуться туда, нарожать детей, чтобы был клан, чтобы шумно и весело, чтобы Рождество в его теплом уюте и живая ель, ее любимица, которая не просто украшение на раз, а член семьи, причем самый почтенный.

Но ни адреса, ни названия местности, где находился дом, Маруся так и не узнала, мама умерла, отец не появлялся в ее жизни с тех самых пор.

А Сережа не хотел никаких детей и даже такой домашний праздник, как Новый год, предпочитал отмечать с коллегами в ресторане. Марусю он, конечно, брал с собой, но на его развеселых корпоративах она чувствовала себя особенно чужой и забытой.

Вот и теперь он, кажется, совсем забыл, что еще вчера у него была жена. Мобильник опять чирикнул, Маруся вздрогнула.

«Машка, быстро домой, а то накажу! Сережа тебя любит, я узнавала здесь у наших. Мама», — гласила новая смска.

Маруся охнула, сунула телефон в карман и поспешила по ступенькам на второй этаж, где весь день от нее скрывалась Ритка, а заодно белила потолок.

Ритка обернулась на торопливые шаги и опасливо взглянула на нее.

— Рита, ты веришь в загробную жизнь? — взволнованно спросила Маруся. — Ну, когда умершие входят в контакт с живыми.

— Не знаю. — Ритка почесала нос, и он сделался белый от краски. — Но у нас в Темрюке к одному мужику покойная жена по ночам таскалась, сам рассказывал: то приласкает, то борща наварит, а однажды ночью так его во сне отметелила за пьянку, что он сразу пить бросил.

— Наказала, значит! — понимающе кивнула Маруся. — И мне вот тоже покойная мама угрожает смсками.

— Ты что, тоже запойная? — сурово спросила Ритка.

— Да не пью я! Не пью! — возмутилась Маруся и направилась к лестнице.

*Свята ночь, тиха ночь,
Свет звезды ярче свеч... —*

томно запела Ритка, продолжая белить.

— Ты откуда эту песню знаешь? — резко повернулась к ней Маруся.

— Так в детстве батя научил... — испугалась Ритка ее безумно горящих глаз. — Ты это, подруга, ступай отдохни, завтра уже хозяйка прибудет, надо тебе быть в форме.

Ночью Маруся написала сообщение и отправила его на неизвестный номер: «Мамочка, я тоже люблю Сережу, но не вернусь, он знает, почему. Если так уж надо — отметель меня ночью, только скажи правду: Никольское, улица Черная речка, 7 — это папин дом? Ведь я здесь все узнаю, даже нашу высоченную ель, которую в Новый год обязательно наряжу до самой макушки, правда, пока не знаю, как. Целую, Маша».

Первым из машины выскочил белобрысый восьмилетний парнишка в ярко-красном пуховике:

— Привет, девушки, я — Сашка!

— Я — Маруся, — протянула она ему руку.

— Маргарита Павловна, — без панибратства представилась Ритка.

Обе почувствовали, что их изучают из-за тонированного стекла. Но вот задняя дверца открылась, и на снег ступила высокая худощавая дама в бледно-кремовом пальто и с очень короткой стрижкой седых волос. Синие глаза смотрели остро.

— Как думаешь, под шестьдесят? — шепнула Ритка.

— Не-а, все семьдесят, — ответила Маруся, лучезарно улыбаясь даме. — Это богема!

— Семьдесят два! — объявила дама сухим надтреснутым голосом. — И все мои механизмы работают исправно. Ну а теперь вы покажитесь! Так, улыбки хорошие, наглые. Щеки румяные. Носы курносые. Лишнего жира нет. Ножки ровные. Я довольна.

— Вообще-то я к вам маляром, Анастасия Карловна, — сверкнула глазами Ритка. — Не зубы мои, не ноги потолки ваши ровнее не сделают.

— Ух, дерзкая какая! — с удовлетворением произнесла Карловна. — Сразу видно — порода! Ну а ты, душа моя, — обратилась она к Марусе, — все сохнешь? Да найдем мы тебе жениха, ты погляди, какая ты сахарная — в очередь выстроятся!

Неожиданно дама загребла всех троих, включая белобрысого Сашку, длинными, сильными руками и сказала с чувством:

— Эх, Павловичи вы мои драгоценные, сын мой Пашка, отец ваш, — кобель распоследний! Но таких он мне, мерзавец, внуков понаделал, что все ему прощаю! Как же я вас всех разыскивала, как разыскивала! Пусть он там пасется по Европам со своим саксофоном, а я забрала Сашку и назад, на горемычную родину. Дом у нас большой, хороший, крепкий! И семья

будет крепкая — клан! Никуда вас не отпущу! Завтра стол новогодний готовить будем, печь научу вас топить, а не камин там какой-нибудь. Елку нарядим. Знаете сколько ей лет? Ох, лет уж триста, наверное! Я когда маленькая была, ну, как Сашка, отец мой елочку нашу только до середины украшал — выше и на лестнице не достать было. Ну, в дом! Все в дом! Со-скучилась я по нему, сил нет...

Бабушка Карловна отправляла в печь песочные рождественские фигурки, залитые глазурью. От печи в доме было жарко-жарко. Мебель в гостиной раздвинули и сняли с нее, к черту, полиэтиленовую пленку. Оказалось, что между буфетом и книжным шкафом старенькое немецкое пианино, расстроенное, правда, ужасно, но ничего, кое-какие звуки издает.

— Сашка, это легато! А вот теперь стой, дай нотке дозвучать! — Маруся легонечко шлепнула брата по спине. — Плечи расправь, пальцы не растопыривай. — Ладно, давай мне квинтами «Серенькую кошечку»...

— Маруся, а хочешь, я тебе одну песенку сыграю? — спросил Сашка. — И спою? Меня папа научил.

И по дому пронзительно разлился его голосок. Маруся закусила губу, а потом подхватила:

*Свята ночь, тиха ночь,
Свет звезды ярче свеч...*

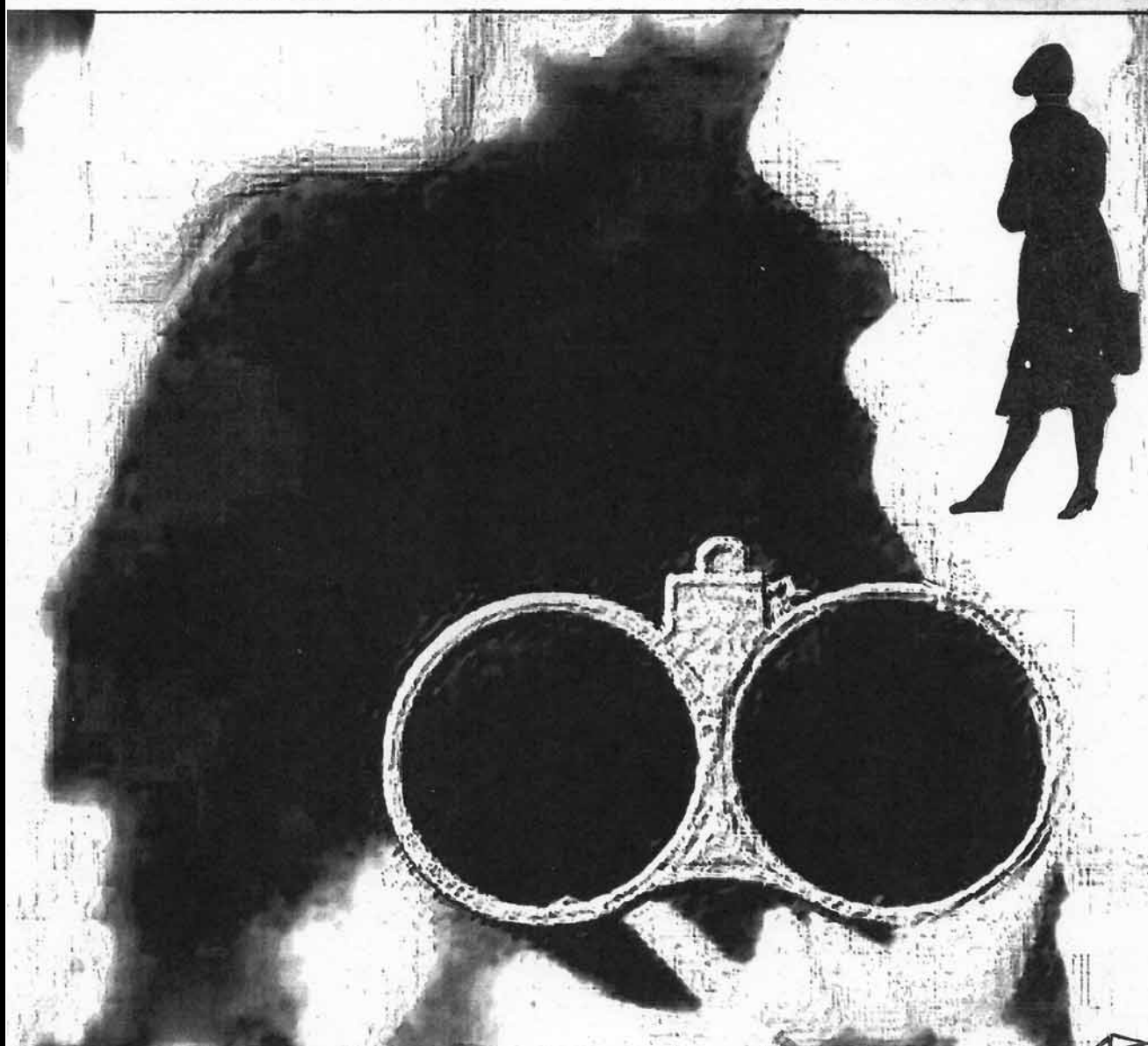
Со второго этажа спускался полногрудый и чистый голос Ритки:

*А младенец пресвятой
Почивает тихим сном...*

Ритка одной рукой обняла Марусю, а в другой держала ее мобильный:

— Глянь, чего мамка-то пишет: «Лопнуло, Машка, мое терпение! Еду к тебе елку наряжать! Сережа». Он в телефонах своих запутался, — хохотала она. — С маминого номера набрал! Ой, умора! Конспиратор! На чем едет-то? На огненной колеснице?

— Да нет, бери выше, — засмеялась бабушка Карловна, подходя к окну. — На пожарной машине. Вон, на лестнице стоит, шапкой машет, герой! □

Иосиф Гольман

ЛЮБОВЬ, НЕНАВИСТЬ И БЕЛЫЕ НОЧИ

11

*Деревня Заречье.
Таинственная и многообразная*

Встали рано утром, свежие, выспавшиеся, словно проспали не шесть часов, а все двенадцать. Похоже, волшебный воздух действительно сказывается.

После вкусного завтрака — гречневая каша, томленая в русской печи, и парное молоко — Ольга и вовсе почувствовала прилив сил.

Не терпелось тут же куда-то бежать, с кем-то беседовать. Шеметова даже слегка обиделась, когда Олег Всеволодович сообщил ей, что никуда идти не намерен. Еще более поражало то, чем он собирался заняться. С помощью Виктора, который и в электронике чувствовал себя уверенно, они налаживали телефонный, но достаточно быстрый Интернет: «железо» Багров, как оказалось, привез с собой.

В ответ на ее робкие возражения он лишь улыбнулся. Типа — отстань, женщина, мужчина знает лучше.

Окончание. Начало в №12, 2017.

Ну, ладно. Ольга решила пройтись по деревне одна, пообщаться с местными — вдруг кто-то окажется важным свидетелем?

Она вышла на центральную улицу, немного прошла по ней, затем, свернув налево, увидела вдруг привязанную к колышку козу, которая, наклонив рогатую голову и почти касаясь тонкими губами земли, щипала траву на расстоянии не более двух-трех сантиметров от корня, после чего с явным удовольствием перетирала ее своими немаленькими зубами. Тут же появилась и хозяйка козы.

— Меня зовут баба Маня, — сказала она. А ты, говорят, аблакатша? — Ей, навскидку, было никак не меньше девяноста: маленькая, ссохшаяся, сгорбившаяся.

— Да, адвокат, — подтвердила Ольга.

— Что ж они, ироды, с мальчиком делают, — вдруг громко, в голос запричитала бабуся. — Креста на них нету! Столько лет этот боров Лешку мучил! А теперь ему всю жизнь сидеть?

— Вот, бабуля, этим и будем заниматься, — обрадовалась Шеметова возможному свидетелю со стороны защиты. — Нужно как можно больше фактов, что убитый издевался над юношей.

— Рот закрой, старая! — не зло пробурчал нарисовавшийся рядом дед, на вид еще лет на сто старше бабки. — Потащат в суд — будешь тогда знать, — пригрозил он ей. Та сразу испуганно примолкла.

— А почему же не сходить в суд? — мягко спросила Ольга. — Разве вам не жалко мальчишку?

— Всех не пережалеешь, — ответил старик, свертывая сигарку из кусочка газеты и табачной трухи, которую он хранил в специальном полотняном мешочке.

— И все-таки, почему ж за мальчишку не заступиться? — стояла на своем Ольга.

— Потому что он убивец, — веско ответил старик. — Кстати, меня дед Андрей кличут.

— А меня — Ольга, — представилась Шеметова.

— Так сколько лет он мальчика стращал? — снова затараторила бабуля, явно не согласная с дедовыми словами. — Как напьется, так всем хвастает. Мол, этот бандюк на свободе долго не проходит. А бандюку-то и пятнадцати тогда не было!

— Ружья крал? — коротко бросил дед.

— Господи, это что, ружья? — презрительно скривилась баба Маня. — «Воздушки», «пукалки». Да и не он там верховодил.

— Много ты знаешь, кто верховодил! — фыркнул старик. — Алексей Васильич был — власть. И не нам его обсуждать.

— Это ты так говоришь, потому что твой сын тоже был власть, — возразила бабуса. — А вот помер, бедолага, о тебе хоть кто вспоминает?

Дед заметно пригорюнился, вспомнив сына-председателя колхоза. Когда Миронушка был жив, их жизнь текла совсем по-другому.

— Ладно, не плачь, все там будем, — утешила бабка деда Андрея, заметив слезу на глазах старика. — Пошли в избу, борща горячего хоть поешь.

Дед Андрей не отказался, пошел с бабой Маней. Но прежде, чем они ушли, Ольга заручилась ее согласием и на дальнейшие беседы, и, тьфу-тьфу, на возможное выступление в суде.

— Я уж свое отбоялась, — сказала на прощание баба Маня. — А мальчика жалко.

Дед на этот раз отмолчался.

Старики, отвязав козу и забрав ее с собой, ушли, а Ольга отправилась дальше в свой «разведрейд».

К ее приятному удивлению, ей ни разу не пришлось завязывать разговор, общительные односельчане сами шли навстречу. Люди осуждали метод Лешкиной мести — можно было уехать, можно послать жалобу, можно... Убивать же, по единодушному мнению, было не то, чтобы нельзя, но — рано. Не наработал еще майор Куницын на смертный приговор. Хотя, некоторые считали, что он уверенно двигался в этом направлении. Сельчане знали про его козни в отношении Анны Ивановны. И это было, пожалуй, единственное, что оправдывало крайние меры. Потому что — позор. Слово это в деревне употреблялось часто и с неким придыханием.

Все можно иногда.

Сжулить. Сдаться. Утащить стылой зимой чужое сено. Пропить или проиграть в Любино в игровых автоматах получку.

Но вот позор — нетерпим. И зря Алексей Васильич это с Анькой да с мальцом затеял.

Ольга была вполне довольна первым выходом «в свет». Фамилий пять точно появились в ее блокнотике. Показания этих людей — если они осмелятся их дать — не освободят парня, но позволят судьям посмотреть на страшное преступление и его глазами тоже.

Еще она решила сходить к дальнему съезду с шоссе, туда, где Лешка Куницын в последний раз встретил своего обидчика. Место нашла быстро — сбоку на холмике был врыт большой деревянный крест, перед ним стояли свежие цветы, красноглазые жарки. А рядом — те, кто их принес. Пожилая женщина («Его мама», — догадалась Ольга) и высокая худая девушка. Обе — с заплаканными глазами.

— Ты чего сюда пришла? — недобро спросила старуха.

— Разобраться хочу, — честно ответила Шеметова.

— В чем? — усмехнулась та.

— В том, что случилось.

— Что случилось — то случилось. Нечего в это влезать. Сынок уже там, и мы молимся за него. — Смирив свою ярость, старуха добавила: — Не он убил. Его убили.

— Его убили не просто так. — А в Ольгу как будто бес вселился. Ведь понимала, что уж с матерью убитого спорить точно не стоит. Здесь логика всегда ни при чем.

— Слушай, — серьезно проговорила мать убитого, — не влезай в это дело, не позорь нас.

— Я не собираюсь вас позорить. Но разве честно затравленному мальчишке всю жизнь просидеть в тюрьме?

— Такая, значит, судьба, — усмехнулась старуха. — Я тебе все сказала. Не позорь нас. А то как бы еще чего не случилось.

«Ну, вот и угрозы пошли», — невесело отметила Шеметова.

Когда ее пугали, она реагировала неадекватно. Так, если мягкое железо сначала разогреть, а потом охладить — напугать, одним словом, — оно становится намного прочнее...

Второй день, воскресенье, прошел в беспрестанной беготне.

Похоже, Ольга перезнакомилась чуть не со всей деревней.

Не каждый был ей рад: в полном соответствии с предсказанным Анной, примерно четверть зареченских, в некотором смысле — родственный клан покойного майора, были сильно против Лешки, желая ему если не геенны огненной, то камеры в крытой тюрьме на всю оставшуюся жизнь.

Еще одна четверть считала Лешку несправедливо обиженным и чуть ли не героем, постоявшим за себя и за честь семьи — это был клан тех же Куницыных и Рыбаковых, но — со стороны Анны Ивановны и Виктора.

Остальные охотно судачили на горячую тему — происшедшее не потеряло остроты даже через полгода — однако не имели своего четко выраженного мнения. Либо имели, но не высказывали его — по самым разным соображениям.

Так что Ольга насмотрелась и наслушалась всякого.

И все же больше всего оказалось тех, кто думал и рассуждал о происшедшем независимо. Они-то и представляли для Шеметовой главную ценность — и как поставщики столь необходимой информации, и как возможные участники судебного процесса.

Багров же все два дня просидел за компьютером. Судя по его довольному виду — просидел не зря.

Освободились все от своих дел ближе к вечеру.

Планировали кусочек туризма: вечернюю рыбалку на заходе не очень-то заходящего солнца, но, увы, развлечение не состоялось по независящим от участников обстоятельствам.

Началось с того, что баба Маня прибежала к дому Куницыных, чуть не трясясь от страха.

— Олечка, — сказала она, беря девушку своими сухими лапками за руку, — уезжать тебе надо, милая.

— Куда? — не поняла Шеметова.

— В Любино. А лучше в Москву.

— В Любино мы завтра едем.

— Нет, сегодня, — твердо сказала бабка. — До завтра тебе еще дожить надо. Эта зараза бабку Марфу на тебя навела! — испуганно сообщила баба Маня.

— Какую бабку Марфу? И какая зараза? — спросила Ольга, уже понимая, что «зараза» — это Наталья Куницына, вдова убитого майора.

— Какую, какую! — разозлилась баба Маня. — Она одна здесь, бабка Марфа.

— Ведьма, что ли? — усмехнулась Ольга.

— Баба Яга. Я с утра ее засекла, Наташку. Смотрю, мокроступы с собой тащит. А кто ж сейчас на болота без надобности пойдет? Лето ведь! Только ведьмина племянница.

— Наташка тоже ведьма? — не выдержав, засмеялась Ольга.

— Племянница, — сердито оборвала ее баба Маня. — Была бы ведьмой, ты б уже не улыбалась.

Не верила во всю эту чертовщину московская адвокатесса с университетским образованием. Но улыбаться и в самом деле почему-то расхотелось.

— Хорошо, — кивнула она. — И что мне дальше делать?

— Уезжать, — убежденно проговорила старуха. — Пока она из своего болота не вылезла.

— Спасибо большое, баба Маня. Завтра обязательно уедем. А сегодня у меня другие планы.

Бабка пошамкала выцветшими губами и, ничего не говоря, пошла прочь.

«Обиделась», — с сожалением подумала Ольга. Ей вовсе не хотелось обижать старуху, но если сейчас начать воевать с призраками, то на реальных судью и прокурора не останется ни времени, ни сил.

В плане у нее было навестить еще бывшую учительницу Зареченской начальной школы Надежду Неустроеву. Ей уже успели донести, что милиционер, еще будучи живее всех живых, оттяпал у одинокой женщины квартиру в Архангельске. Сделка с учительницей-пенсионеркой получалась

какая-то мутная, и это следовало раскопать как можно быстрее и глубже. Ведь одно дело — убийство принципиального милиционера при исполнении, и совсем другое — наглого жулика и рэкетира в погонах. Оно все равно остается убийством, но наказания могут разниться существенно.

Надежда Георгиевна оказалась типичной сельской интеллигенткой, законсервированной в своей эпохе минимум тридцатилетней давности.

— Здравствуйте, Надежда Георгиевна! — поздоровалась Ольга со старой учительницей.

— Здравствуй, милая, — спокойно ответила хозяйка маленького дома.

— Хотелось бы с вами побеседовать.

— Да мы уж и так беседуем, — улыбнулась та.

— Хочу от вас услышать про ребят.

— Каких? — уточнила Неустроева.

— Про Лешу Куницына.

— Какого из них? — усмехнулась Надежда Георгиевна. — У нас их много.

— Про того, кто в тюрьме, — ответила Ольга. — Да и про Алексея Васильевича интересно послушать, какой он был маленький.

— Такой же, как и большой, — невесело улыбнулась Неустроева. — На него всегда можно было положиться. А он в ответ требовал подчинения. Он все делал с позиции силы. У него другой жизненной позиции и не было никогда. Я ведь до сих пор виню себя, — вздохнула она.

— А вы-то в чем виноваты? — не поняла Ольга.

— А кто же виноват? — вопросом на вопрос ответила учительница. — Когда с Лешкой все началось, я не стала вмешиваться. Это главный мой грех.

— А что вы могли сделать? Майор и родителей ни в грош не ставил. Мать вон как любил, но советов на дух не выносил.

— Надо было мне на колени перед ним встать, — сокрушалась Неустроева. — Сказать: не бери грех на душу. Всю семью погубишь. И себя тоже. Христом-богом молю!

— Не послушал бы. — Ольга буквально ощущала тяжесть давящего на старую женщину греха и очень хотела освободить ее от этих мыслей. — Не послушал бы, — повторила она, — и вы сами это понимаете. Хватило же у него совести отобрать вашу архангельскую квартиру.

— Быстро ты работаешь, девочка, — улыбнулась Надежда Георгиевна.

— Мне медленно нельзя. В среду процесс начинается. Не успею разобраться — сидеть Лешке вечно.

— Не отбирал Алеша у меня квартиру, — вздохнула учительница. — Это неправда.

— А что правда?

— Я сама ему отдала. Взамен на этот домик, он же колхозу раньше принадлежал. Леша посодействовал о приватизации. Сам за меня и оплатил. А мне здесь стариться комфортней, чем в городе.

— Неравноценный обмен, — холодно заметила Ольга. — Он, что, бедствовал?

— Нет, конечно. Но я одна. Детей Бог не дал. Все равно пропала бы квартира.

— Это разные вещи. Что после нас будет, нам неведомо. А вот если бы вы свою квартиру продали, то сейчас имели бы кроме домика утроенную пенсию. Или упятеренную.

— И у меня бы было втрое больше счастья? — усмехнулась старая женщина. — А он мне с дровами каждый год помогал. Забор отремонтировал. На Новый год два раза гостинцы приносил. Или даже три раза.

— В общем, не убедили вы меня, Надежда Георгиевна, — покачала головой Ольга. — И я не уверена, что при совершении сделки он вам ничем не угрожал.

— Он указал на проблемы, которые могли возникнуть без его поддержки, — объяснила учительница. Ей почему-то очень хотелось думать об Алексее Васильевиче как о приличном человеке.

— Это и называется вымогательством, — деловито отметила адвокатеса. И тут же приступила к главному: — Знаете, спасти Лешку — шансов мало. Но есть. Для этого нужно раскатать и развалить всю их стройную систему обвинений. И что мальчишка — жестокий убийца, преступник с детских лет и чуть ли не повстанец, ненавидящий власть. И что замысел задолго до преступления имел, холодный и расчетливый. Я ищу зацепки по каждому пункту. Вот оказался майор корыстным и незаконным — уже не во власть стреляли, а в такого же преступника. Поймите, мне не испачкать покойного требуется, мне надо спасти живого.

— Я все понимаю, — ответила Неустроева. — Но показаний в суде против своего ученика не дам. Вы ведь на это рассчитывали?

— На это, — вынуждена была согласиться Ольга. — А по поводу Лешки тоже промолчите? Здесь показания будут не против вашего ученика, а за него. Он же убийцей стал не случайно.

— А чем я могу помочь Леше? — глухо спросила та. — Анечка с Витей — тоже мои ученики.

— Очень даже можете помочь! Например, рассказать, что Лешка не был злым парнем и не имел криминальных наклонностей. Что все его «уголовное прошлое» — дело злонамеренных рук. Не говорите про майора, говорите про мальчишку.

— Хорошо, — после паузы выдохнула Надежда Георгиевна. — Хотите, расскажу, с чего все началось?

— Конечно!

— Про ружья слышали, наверное.

— Ну да. Спецучет с них начался.

— Так вот, Лешка там был ведомым. Заводилой был Мотенька Рыбаков, острый, веселый мальчишка. Сейчас в МГИМО учится, на бесплатный без блата поступил. А забрал ружья Вадик Глызин.

— Тоже в МГИМО? — пошутила Ольга. Как выяснилось — неудачно.

— К несчастью, нет. Вадик был очень добрым мальчиком с золотыми руками, никому ни в чем не мог отказать. Спился к восемнадцати годам и прошлым летом утонул.

«Значит, два возможных свидетеля, — отметила про себя Шеметова. — Будущий дипломат Мотенька и сама учительница».

— Спасибо вам, Надежда Георгиевна! — заканчивая беседу, поблагодарила учительницу Ольга. В ее большом блокноте появилось много ценнейшей информации. И уже совсем напоследок задала странный вопрос: — А почему Наталью Куницыну, вдову, называют ведьминой племянницей?

— Откуда вы это взяли? — удивленно спросила Неустроева.

— Баба Маня сказала. Говорит, что та ходила на болото к своей тете, чтоб меня заморить, и советовала поскорее уехать.

— Я учила Наташу. Девочка она недобрая. И дочери ее тоже. Нехорошо так про детей говорить, но уж такими родились.

— А что насчет ведьм и чертей?

— Насчет чертей — не знаю, а вот ведьмы здесь бывают. Вы не думайте, я ведь тоже раньше в городе жила. Не таком большом, как Москва, но все-таки. Вот там в ведьм не верится. А здесь, среди болот, да в долгие холодные ночи — во что хочешь поверишь. Думаю, вам действительно стоит уехать, — задумчиво проговорила Надежда Георгиевна. — Чем дальше от бабки Марфы, тем лучше.

В общем, домой Ольга возвращалась в несколько смятенных чувствах. С одной стороны, она была исключительно довольна достигнутыми результатами и даже немножечко горда собой. А с другой — ей уже по-настоящему хотелось бросить все и уехать. От всех этих разговоров про ведьм ей было не по себе, и она даже, незаметно для себя, ускорила шаг.

И тут же спиной почувствовала чей-то пронзительный взгляд.

Она резко обернулась — на тропинке стояла какая-то старуха в черном одеянии. Все как в сказках, с клюкой, двумя желтыми зубами во рту и горящими глазами на высохшем, тоже желтом лице.

Вот теперь стало действительно страшно.

Ольга чуть не закричала в голос, но сумела взять себя в руки, глазами выискивая вокруг палку покрепче.

— Што, драться со мной хочешь? — засмеялась бабка Марфа. — Бесполезно.

— Ну, тогда я пойду, — попыталась обойти старуху Ольга, но та, вытянув клюку, перегородила ей дорогу и прошелестела:

— В суд не входи!

— Не поняла, — дрожащим голосом произнесла Ольга.

— Все ты поняла. — Ведьма опустила клюку, давая проход.

Шеметова рванула вперед, не чуя под собой ног. Через мгновение снова обернулась — может, чертова старуха метнет ей клюку в спину? Но сзади уже никого не было.

Ольга добежала до дома Куницыных, влетела в комнату и схватила Олега, сидящего за компьютером, за руку:

— Меня тут чуть черти не съели, пока ты в Интернете сидишь!

— Не съели же, — разумно отреагировал Багров.

— Что еще за черти? — спросила из кухни Анна Ивановна, услышав краем уха Ольгины слова.

— Бабка Марфа, вроде, — ответила теперь уже ни в чем не уверенная Шеметова.

— Где ты ее видела?

— В леске, когда от Неустроевой домой шла. Очень неприятная женщина.

— Привет парням и девчонкам! — зашел в комнату Виктор, держа в обеих руках удочки — целых семь штук. — Пора собираться, рыбка ждать не будет.

— На рыбалку не едем, — спокойно сообщила ему Анна Ивановна. И, в ответ на его немое удивление, так же спокойно добавила: — Теперь у нас всех другие планы.

12

Семейный колдун

Совещание, случившееся в доме Куницыных вместо отъезда на рыбалку, больше походило на военный совет. Собравшиеся были перед лицом опасности максимально мобилизованы и серьезны. Куницыны — потому что здесь выросли, Ольга — потому что менее часа назад смотрела на желтые зубы и в желтые глаза бабки Марфы.

Багров же развлекался по полной. Вспомнил все: святую воду, серебряные пули, осиновые колы. Срочно эвакуироваться в Любино, в местную гостиничку (бывший «Дом колхозника») категорически отказался. Объяснил, что весь в работе, она целиком связана с Интернетом, а будет ли налажена сеть в райцентре, не знал никто, даже головастый и рукастый Виктор.

Наткнувшись на сопротивление рационального, не верящего во враждебную нечистую силу юриста, Куницыны решили привлечь дружественную силу, причем тоже не вполне чистую. Здесь, похоже, каждый семейный клан имел своего колдуна, поняла из неохотных объяснений Ольга.

До дядьки Самсона дозвонились по мобильному, косноязычно объяснив ситуацию. Не прошло и полчаса, как он прибыл на мотоцикле с коляской, старом-престаром темно-зеленом «Днепре», который, как оказалось, был еще жив только благодаря постоянному присмотру Виктора.

На колдуна дед Самсон похож не был, скорее на зоотехника или бухгалтера райпотребсоюза.

Его пытались накормить, но он категорически отказался.

Вместо этого зажег на дощатом обеденном столе длинную тонкую свечу и минут пять недвижным взглядом следил за пламенем. Потом что-то пробормотал и, погасив свечу, сказал:

— В общем, так, ребятки. Старуха штой-то совсем взбеленилась.

— И что будем делать? — осторожно спросил Виктор.

— Обороняться, — кратко проговорил «семейный колдун». — На атаку у нас сейчас сил нет.

— А молитвы не помогут? — не в силах скрыть веселые искорки в глазах, поинтересовался Олег Всеволодович.

— Это из другой сказки, молодой человек, — ответил Самсон. — А ты, Анька, принеси мне душицы сушеной, чистой воды два ведра и растопи печку.

— Сильно?

— Не важно. Главное, чтоб огонь был.

— А что потом?

— Потом все спать идите. А я внизу останусь.

— А можно я тоже? — спросил Олег Всеволодович. — У вас свои бесы, у меня — свои. Я не буду мешать.

— Оставайся, — ухмыльнулся дед Самсон. — Только потом не пожалей, если у меня не получится.

Ольга тоже решила посидеть внизу, рядом с Олегом, горячей печкой и внушавшим ей доверие дедом Самсоном, спать ей совсем не хотелось.

Пока не происходило ничего существенного.

Дед Самсон что-то тихо бормотал себе под нос, время от времени кидая в широкую пасть печи пучочки сухой травы. Она мгновенно вспыхи-

вала, отбрасывая блики и тени по стенам, чтобы уже через несколько мгновений прогореть бесследно. После процедуры дед обмакивал кончики пальцев в холодной колодезной воде, и действие продолжалось по прежнему сценарию.

Все двери в дом плотно закрыли — колдун лично проверил, подергал каждую. Обитателям запретили выходить на улицу. Багров запротестовал: а как же покурить? Анна Ивановна разрешила ему курить прямо в комнате в виде исключения. Олег тут же забыл и про запреты, и про разрешение, сосредоточившись над ярким экраном компьютера, — видимо, обнаружил что-то важное.

Ольга вздохнула, посидела еще немного и все-таки отправилась спать.

Когда проснулась — выспавшаяся и бодрая, — комнату заливал веселый солнечный свет. Она быстро умылась, оделась, даже немного подкрасилась и спустилась вниз. Анна Ивановна уже вовсю хлопотала над завтраком. По распахнутой входной двери и окнам Ольга поняла, что дед Самсон дал отбой ведьминской тревоге. Сам он спал здесь же, в огромном деревянном кресле.

Анна Ивановна разбудила мужчин и позвала всех завтракать.

— Ну, что, получилось? — уже сидя за столом, спросила Ольга.

— А что должно было получиться? — хитро посмотрел на нее колдун.

— Ну, не знаю, — сбилась она.

— Победа над темными силами, — съязвил Багров.

— Это — в последней серии, — не менее ехидно ответил дед Самсон.

— Ну что, нам можно ехать? — повернувшись к деду, поинтересовался Виктор.

— Можно, — коротко ответил тот.

Все загрузились в машину. Виктор с вечера лично проверил ее, подкачал колеса, заправил топливом и долил масло.

— Ну, с богом! — сказала Анна Ивановна. Она оставалась в Заречье, собираясь в Любино к самому процессу. Судейские кому-то сказали, что конвой с заключенными прибудет за день, и сидеть парни будут в маленьких «дежурных» камерах любинского отделения полиции.

«УАЗ» выехал на шоссе и помчал в сторону райцентра.

Москвичи с интересом смотрели по сторонам.

На въезде Любино не сильно отличалось от деревни, но ближе к центру пошли одно- и двухэтажные каменные дома. В самом сердце поселка было даже трехэтажное жилое здание с магазинами, сбербанком и почтой внизу. Напротив него стояло небольшое белое строение для властных структур — перед ним на длинных флагштоках развевались флаги. И, наконец, чуть поодаль высилось самое крупное сооружение поселка — Дворец культуры лесников с колоннами и, конечно, тоже с флагами.

— Вот здесь все и будет, — мрачно сказал Виктор. — Скорей бы уж.

Он подвез адвокатов к гостинице — двухэтажному маленькому дому, первый этаж которого был каменным, а второй сложен из толстых бревен, и уехал по своим делам.

13

Райцентр Любино.

Последний день перед началом процесса

До открытия процесса оставался всего один день.

Весь райцентр только об этом и говорил. Говорили на почте, куда москвичи зашли за Интернетом (ни о каком вайфае в гостиничке и мечтать не приходилось). Обсуждали в магазине, где покупали воду и пирожки — между прочим, вкуснейшие.

Даже на улицах, гулять по которым особо пока не довелось из-за обилия срочных дел, то и дело слышались упоминания о предстоящем суде: он притягивал внимание большинства любичан. Кстати, они именно так себя именовали, не любинцы, а любичане.

Из случайно подслушанных разговоров следовало, что публика жаждет крови безжалостных убийц. Неприятно, но ничего другого Багров с Шеметовой и не ждали. Газеты, радио, телевидение, рассказывая о страшном преступлении, давно подготовили граждан. Будет ли у адвокатов шанс поколебать это общее мнение? Неизвестно.

Но сдаваться без боя они точно не собирались.

Плохо было и то, что адвокаты еще ни разу не встречались со своими подзащитными — времени на поездки в Архангельск не имелось. С Василием это было терпимо, его роль была и будет пассивной. А вот от поведения Леши зависело очень многое. Правда, Анна Ивановна гарантировала адвокатессе, что, как та велит, так ее мальчик и будет себя вести. Он очень послушный.

Адвокаты сходили посмотреть на место будущего действия. Там уже расставили дополнительные скамейки для зрителей — народу ожидалась тьма. Познакомились и с начальником конвойной команды, немолодым прапорщиком Григоренко.

А еще Ольга впервые встретилась со своим подзащитным.

Поначалу, в приватной, так сказать, беседе, Григоренко ей отказал — мол, это не его вопрос, да и нет специализированных помещений. Но потом, по указанию начальства — здесь уже подсуетился Багров. — не только разрешил, но сам завел парня в крошечный кабинетик, остался при арестованном, а вслед за ними зашла туда и Шеметова.

— Как себя чувствуешь? — обратилась она к Лешке.

— Нормально, — коротко ответил он.

— Нашу задачу понимаешь?

— Я свою задачу выполнил, — зло ухмыльнулся парень.

— Ты только судье так не скажи, — нахмурилась Ольга.

— Почему? — похоже, Леша именно так и собирался объяснить свой страшный поступок.

— Потому что сидеть тебе тогда всю жизнь, — объяснила она.

— Мне и так сидеть всю жизнь, — безнадежно отмахнулся Лешка.

— Не факт. Если сумеем объяснить суду, что происходило все эти десять последних лет, — может, будет облегчение.

— Будет — не будет, — вздохнул Лешка. — Вы хоть Ваську отмажьте, он-то вообще ни при чем. Дурачок же.

— Васей занимается мой коллега, Олег Всеволодович Багров, — объяснила Ольга, — а я — твой адвокат. Пожалуйста, делай все так, как я говорю.

— Сделаю, — тихо сказал парнишка. — Я маме обещал.

— Вот и хорошо, — подвела черту Шеметова. — Что ты ответишь на вопрос, сожалеешь ли о случившемся?

— Что нахожусь в тюрьме — сожалею. Что стрельнул — нет.

— Ответ неправильный, — мягко сказала Ольга. — Да и нечестный.

— Почему ж нечестный? — взвился Лешка.

— Потому что, раз сожалеешь о тюрьме, то должен и о выстреле сожалеть. Они же неразделимы.

— Ладно, сожалею, раз в тюрьме. Но больше никто не будет позорить ни меня, ни мать с отцом, — решительно проговорил он, на что Ольга укоризненно покачала головой:

— Было много способов избавить семью от, как ты говоришь, позора. Ты выбрал наихудший.

— Почему это? — волчком посмотрел на адвокатессу Лешка.

— Все потому же. Ты в тюрьме. Мать в слезах. И если не будешь меня слушать — это может быть навсегда.

— Я вас буду слушать, — тихо сказал он.

— Вот и слушай. Алексей Васильевич сделал плохое дело. Он свою любовь перевел в ненависть. Любовь к твоей маме — в ненависть к тебе. Он испортил тебе детство и юность. А твоих родителей держал в страхе за тебя. Но было много разных вариантов избавиться от кошмара.

— Не было, — возразил парнишка. — Мы все старались.

— Было, — жестко сказала Шеметова. — Убийство — всегда худший вариант. Было, Леша. Просто ты, по молодости, по глупости, по горячности, этих вариантов не нашел.

— Ладно, пусть так, — смирился он.

— Вот как ты должен отвечать. И думать должен так же. Потому что это — правда. В общем, наша линия защиты простая. Мы во всем будем придерживаться правды. Рассказывай все как есть, без выводов и домыслов. Просто как все было. Если я покажу тебе так, — Ольга растопырила свою пятерню, — требуй возможности посоветоваться с адвокатом. Или не отвечай на вопрос. Скажи — не помню. Забыл. Но это тактика. Стратегия же простая — мы будем говорить правду. И ее должно быть много. Мне нужно, чтобы все поняли: нормальный парнишка не будет, ни с того ни с сего, стрелять в людей. Ты понял?

— Да, — теперь уже не пряча глаза, ответил Лешка.

И все же Ольга вышла со встречи неудовлетворенная. Парень настроен неправильно. Это может сильно им помешать. Ну, ничего, на процессе тоже можно общаться.

Встретившись, адвокаты сходили пообедать в разведанную Багровым столовку, после чего отправились в гостиницу, привести в порядок разбросанные мысли. В крошечном фойе они увидели «противную сторону» — адвоката потерпевших, Николая Николаевича Николаева, лысого круглого человека лет пятидесяти, с носом весьма характерного цвета. Впрочем, проблеме Николая Николаевича можно было определить и без колориметра — по выдоху. Для столь непозднего часа выдох был слишком насыщенным.

Он по-приятельски поздоровался с Багровым, оказывается, они еще со вчерашнего вечера знакомы. Вообще, умение Олега Всеволодовича везде и при любых обстоятельствах обзаводиться друзьями всегда восхищало и поражало Шеметову.

Зайдя в номер Багрова, защитники общались еще долго. Шуршали бумагами, обменивались мнениями, распечатывали с ноутбука файлы — маленький принтер Олег привез с собой.

Закончили глубокой ночью. Могли бы и еще поработать, но, во-первых, в поселке выключилось электричество, а, во-вторых, завтра им надо было быть в полной боевой готовности.

Ольга пожелала Олегу спокойной ночи и отправилась к себе в номер, чтобы хоть немного поспать перед предстоящим и очень важным днем.

14

Райцентр Любино. Встать, суд идет!

Несмотря на то, что суды, по опыту Шеметовой и Багрова, никогда не начинались вовремя, адвокаты пришли во Дворец культуры за сорок минут до назначенного времени.

И правильно сделали. Успели выбрать себе более удобные кресла, оставив припозднившимся коллегам жесткие стулья. Переговорили с Анной Ивановной и уже привезенными парнями. С Василием Олег Всеволодович еще вчера пообщался, а вот мама его так и не удосужилась приехать на открытие процесса.

Заседание началось минута в минуту, как и было обещано, — в 10.00 ровно.

Встать, суд идет!

Все поднялись со своих мест, отдавая дань уважения суду.

Диспозиция уже определилась, как обычная, так и не очень.

Обычным образом были представлены «состязательные» стороны процесса. В зале сидели все три защитника, причем, адвокат потерпевших был трезв, как стеклышко, Олег даже удивился.

Прокурор из области, Вадим Донатович Мушин, был строг и неприступен. По выражению его лица было видно, что именно он будет просить у высокого суда в качестве наказания жестокому убийце.

Судья, Марат Сергеевич Денисов, восседал в центре, в мантии, которая делала его похожим на настоящего вершителя судеб. Собственно, таковым он и являлся.

В клетке сидели ребята. Лешка — низко опустив коротко стриженную голову, Вася, наоборот, задрал ее и напряженно что-то выискивал в зале.

«Маму ищет!» — вдруг интуитивно поняла Шеметова. Этот восемнадцатилетний юноша нуждался в маме гораздо больше, чем она — в сыне.

Рядом с клеткой находился Григоренко при оружии, причем прапорщик зачем-то расстегнул кобуру. Ассистировали ему два бойца-срочника, тоже вооруженные, сидевшие на скамеечке чуть поодаль, сбоку от клетки.

Зал, несмотря на рабочее время, был полон. Пришли не только любичане, но и жители окрестных сел и деревень.

Прямо напротив судьи, в первом ряду, сидела «обезглавленная» семья Куницыных в полном составе: бабушка, Наталья и две похожие на нее остроносые дочери. Все — в черных платках, нахохлившись — ни дать ни взять, воронья семейка. Рядом с ними сели сподвижники, не близкие родственники, но все равно связанные клановыми представлениями или старыми деловыми отношениями. Всего клан покойного майора на суде насчитывал не менее тридцати человек. Несмотря на то, что они расселись кучно, одно место — между бабушкой и вдовой майора Натальей — пустовало, и его не занимали.

Время от времени представители потерпевшего семейства бросали взгляды на московских адвокатов. Бабушка — настороженные, сестры — опасливые, Наталья — откровенно враждебные.

Анна Ивановна пристроилась сбоку, поближе к сыну и адвокатам, в которых сконцентрировалась вся ее оставшаяся надежда.

Она заставляла себя не смотреть на Лешку, чтобы не причинять ему боль, но ничего не могла с собой поделать и смотрела, смотрела на его худые руки, на впалые щеки, на совсем еще мальчишеское лицо сыночка, который, несмотря на возраст, успел сотворить такое, что теперь не отменить, не переделать.

Лешка чувствовал ее взгляды, отворачивался, морщил нос, чтобы на глаза не натекли предательские слезы. Он так любил мать, он все сделал ради нее, а получалось — что принес сплошное горе.

Виктор прийти в первый день не смог. Накопилось много работы в мастерских. Да и удобнее было так: когда не получится присутствовать у матери, вахту подхватит отец. Лешкину бабушку, Марию Петровну, на суд не взяли. Сердце у нее и без того пошаливало, а, случись что на процессе, — плохо будет всем. Вот она и не спорила, осталась дома. Тем более что нужно было проследить за младшими отпрысками Куницыных.

А судопроизводство тем временем шло своим чередом, в строгом соответствии с уголовно-процессуальным кодексом.

Председательствующий, Марат Сергеевич Денисов, открыл судебное заседание и — как будто все попали сюда случайно — подробно объявил дело, которое будет сегодня рассматриваться.

Затем вступила Марина Сергеевна, секретарь суда, перечислила всех вызванных и явившихся на процесс. Их было много.

Вызванных, но не явившихся, не было ни одного.

Длинное перечисление заняло время.

Потом из зала удалили сегодняшних свидетелей. Непреложное правило — свидетель не должен слышать происходящее в суде. И категорически не должен встречаться с уже допрошенными — их разъединял судебный пристав, благо, свободных помещений во Дворце культуры имелось достаточно.

Тем временем председательствующий начал устанавливать личность подсудимых.

— Подсудимый, назовите вашу фамилию, имя и отчество, — начал он с Куницына.

— Куницын, Алексей Викторович, — запинаясь, ответил вставший со своего места Лешка.

— Дата рождения?

— Тысяча девятьсот девяностый год, двадцать третьего августа.

— Место рождения?

— Здесь.

— Где здесь? — не понял Марат Сергеевич.

— Здесь, в Любино, — пожал плечами парнишка.

Далее у него выяснили род занятий, образование, семейное положение — все это нужная вещь и обязательная, но — не быстрая.

После Лешки Куницына председательствующий выяснял те же вопросы, но теперь с Васькой. Тот, в радостной полуулыбке приоткрыв рот, смотрел на судью, и было ему почему-то весело. Может, потому, что чуть ли не впервые в жизни внимание серьезного человека было обращено только на него?

Денисов скороговоркой закончил невыносимо скучный «ритуал», установив у Васьки, что тот своевременно получил обвинительное заключение.

Пока все шло довольно монотонно, зрители начали позевывать. Впрочем, вся работа в судебном процессе жестко регламентирована уголовно-процессуальным кодексом. Теперь, согласно определенному им распорядку, Марат Сергеевич начал объявлять состав суда. Впереди еще были его разъяснения подсудимым об их правах, в том числе — праве просить отвода данного состава суда.

Короче, первая половина дня кончалась — судебное следствие так и не началось. Что ж, терпение — тоже часть профессии человека, ежедневно бьющегося за правду в стенах судов.

Вскоре судья объявил перерыв на обед.

— Похоже, он утром не позавтракал, — шепнул на ухо Ольге Багров.

Обедать пошли в ставшую чуть ли не родной столовку. Там им даже выделили крошечную светлую комнатенку с одним столиком. Главная ценность отдельного кабинета заключалась в окне. Оно выходило на задворки поселка, которые, вообще-то, начинались немедленно, так что можно было наслаждаться вкусным свежим воздухом и озирать зеленые таежные дали. В комплекте с первоклассной домашней едой это было великолепно.

Во второй половине дня предстояло уже судебное следствие. Клан пострадавших расселся аналогично утреннему заседанию. Их взоры, как приклеенные, остановились на Вадиме Донатовиче Мушине, прокуроре.

Денисов, точно следуя букве закона, передал ему слово, и теперь государственный обвинитель, медленно и четко, как гвозди вбивая в Лешкин пожизненный гроб, рассказывал залу о его страшном преступлении. Точнее, зачитывал с листа, буква в букву, обвинительное заключение. Еще точнее — с листов. И листов этих было достаточно. И все они содержали длинный перечень Лешкиных грехов.

Преступный замысел...

Изготовление и снаряжение смертоносного оружия...

Привлечение соисполнителя, хорошо знавшего лес...

Выслеживание жертвы во время исполнения им обязанностей по охране общественного порядка...

Жестокий выстрел в упор...

Хитрое поведение после убийства...

Ничего хорошего про Куницына-младшего в обвинительном заключении не могло быть по определению.

Защитники шестым своим чувством чуяли, как в зале снова сгущается ненависть к несчастному пареньку. Худенький, тощенький — а сумел украсть у девчонок отца, у Натальи — мужа, у бабушки Анастасии — любимого и единственного сына. К тому же, кажется, и не очень раскаивался. Выродок, одним словом.

Когда закончил Мушин, в дело снова вступил Марат Сергеевич.

— Подсудимый, вам понятно предъявленное обвинение?

— Да, — односложно ответил тот.

— Хотите ли вы что-то сказать по этому поводу?

— Нет. — Лешке хотелось только одного: чтобы этот спектакль поскорее закончился. Чтобы мать не плакала, и чтоб уехать на зону. Все равно жизнь кончена. Слава богу, у матери с отцом остались еще девять, более счастливых, чем он, детей.

— Я бы хотела сделать заявление, Ваша честь, — обратилась к председательствующему Шеметова. Она чертовски волновалась. И в то же время, предложи ей кто-нибудь сейчас выйти из боя, не согласилась бы ни за что.

— Пожалуйста, — неохотно кивнул судья. Хотя УПК позволяет выступление адвоката в начале процесса, но это скорее исключение, чем правило.

И в этот момент что-то произошло.

По залу пробежал ропот.

Шеметова подняла голову от бумажек и... увидела бездонное желтое болото глаз бабки Марфы.

Та сидела на оставленном ей стуле и сверлила взглядом бедную Ольгу. Шеметова пыталась собрать все свое мужество, даже при всех схватилась за плечо Багрова, но зал плыл перед глазами. А еще, как страшное видение, маячила перед ней оскаленная усмешка старой ведьмы.

— Так вы будете выступать? — поторопил судья.

— Да, Ваша честь. Глоток воды только.

— Глотайте скорее, — проворчал он.

Багров смотрел на Ольгу и не понимал, что происходит: он-то в привидения никогда не верил.

— Может, отказаться сейчас? — встревожено спросил он, видя, что спланированные им действия неожиданно наткнулись на преграду. — Я в своей части постараюсь сказать.

— Нет, — выдохнула Ольга. Она почти пришла в себя, главное — не встречаться глазами с желтым, удушающим облаком ненависти. Да как не встретиться, если гадкая ухмылка ведьмы заполнила собой все пространство? Приникла к поданному Олегом стакану и выпила его до дна.

Надо собраться! Надо собраться!

Пока это была единственная мысль в ее голове.

Она бросила осторожный взгляд на чертову ведьму — стул оказался пустой, а сгорбленная черная спина мелькнула в одном из выходов.

Ее сразу отпустило.

— Так вы будете делать заявление или нет? — Марат Сергеевич начал раздражаться. Что за столичные штучки?

— Извините, Ваша честь. Я готова, — кивнула Ольга и начала: — Сторона защиты не отрицает ни одного из перечисленных государственным обвинителем фактов. — Зал замер в недоумении. Не этого ожидали от ловких москвичей. Даже подстава какая-то почудилась. — Но мы совершенно не согласны с трактовкой причин поведения моего подзащитного, — добавила она.

Зал снова замер в недоумении, теперь уже по совершенно другой причине. Ерунда какая-то: что молодой Куницын подготовился, выследил и убил — полностью согласны. А с чем тогда не согласны?

— Юноша обвиняется по статье сто пять, часть вторая. Умышленное убийство с целым рядом отягчающих обстоятельств. Защите же видится совсем иное.

— Что же видится защите? — улыбнулся судья. Он симпатизировал отчаянным стараниям молодой адвокатессы, но шансов у той было, конечно, немного. Все в деле ясно, в три дня можно уложиться — и уедет молодой убийца на край света, с билетом в одну сторону...

— Защите видится совсем иное, — упрямо гнула свое Шеметова. — Убийство имело место, но, несомненно, в состоянии аффекта.

— Вы это всерьез? — даже расстроился Денисов. Как она зачеты-то сдавала, да еще красный диплом получила? (Федеральный судья тоже предпочел заранее навести справки об основных участниках процесса.)

Публика взорвалась приглушенным возмущенным гулом.

— Соблюдать тишину в зале! — рявкнул судебный пристав.

Все смолкли.

— Абсолютно всерьез, — подтвердила Шеметова, чем еще более накалила интерес зрителей и действующих лиц — куда ж она так ретиво прет? — Речь не идет об аффекте, как о состоянии внезапно возникшего

сильного душевного волнения после, скажем, жестокого оскорбления. Частного случая, возможно, в тот страшный день и не было. Зато явно было другое, и в ходе процесса мы постараемся это неопровержимо доказать.

— Что именно? — Теперь Денисову стало даже интересно.

— То, что законодатель в сто седьмой статье УК РФ сформулировал следующим образом... — Шеметова взяла листок и прочитала так же четко и медленно, как до этого Мушин читал обвинительное заключение: — «Длительная психотравмирующая ситуация, возникшая в связи с систематическим противоправным или аморальным поведением потерпевшего».

— То есть, вы хотите сказать, что погибший сам виновен в собственной смерти? — еще раз неприятно удивился председательствующий.

— Да, Ваша честь, — невозмутимо ответила Ольга, снова вызвав взрыв возмущения в зале. — Именно это я и хочу сказать.

Ошеломленный зал молчал. Наталья Куницына уже рот раскрыла, чтобы что-то выкрикнуть, но, встретившись глазами с судьей, тоже смолчала.

А защитница тем временем продолжала:

— В ходе процесса мы собираемся неопровержимо доказать, что на протяжении целых десяти лет старший лейтенант, потом капитан, потом майор Куницын третировал, кошмарил, психологически пытал и мучил беззащитного ребенка. И делал это до тех пор, пока ребенок не вырос и не выстрелил в своего мучителя. Свидетелей — множество, майор не скрывал своих действий. Почему милиционер Куницын мучил именно этого мальчишку — мы тоже знаем. Да и вся деревня знает, никакая это не тайна.

В зале стояла полнейшая тишина.

Клан убитого майора сидел с перекошенными лицами, немногочисленный клан Анны Ивановны — со встревоженными. Впрочем, они понимали, что хуже все равно не будет.

— Я заявляю ходатайство, Ваша честь! — взвился Николаев. — Отклонить домыслы! Это уже слишком! Это уже какой-то роман фантастический! А мы убийство разбираем!

Ольга никак не отреагировала на его слова, обращаясь исключительно к судье:

— Все, что я сейчас сказала, Ваша честь, защита подкрепит множеством неопровержимых свидетельств. Спасибо, Ваша честь. Я закончила.

Денисов впервые за многолетнюю практику не знал, что ответить.

Решил ничего не отвечать. Но некую зарубку в памяти оставил — все же, несмотря на молчание Лешки на следствии, в итоговые документы кое-что о предыстории их отношений с майором просочилось. Пусть москвичка предоставляет свои неопровержимые доказательства. Малове-

роятно, что они будут. Однако если будут — федеральный судья Денисов привык рассматривать дела по закону и совести. Собственно, именно так, как это ему предписывается кодексом.

15

Суд. А также — контратака деда Самсона

Вечером никуда не пошли, решили просто посидеть в уютном скверике рядом с гостиницей. К ним попытался присоединиться Николай Николаевич, однако Багров чрезвычайно вежливо его отшил — им надо было кое-что обсудить с Ольгой наедине.

Пока все шло по плану Олега Всеволодовича.

Воткнули судье в мозг занозу с особыми отношениями между Лешкой и убитым им майором.

Подвергли «первичному», так сказать, сомнению соучастие в преступлении Василия Максимова, Васьки-дурачка. Тут выступал сам Багров, попросив, в частности, рассказать Васю поподробнее о своем образовании. Бедняга честно старался, но связать простые фразы в внятный рассказ так и не сумел. Какое уж тут умышленное преступление.

Для начала Олег Всеволодович счел достаточным.

Да, вроде, неплохо.

Но завтра начинается основная драка.

И сегодняшняя заминка партнерши могла многое расстроить, повторись она на следующих судебных заседаниях.

— Такая большая, а в сказки веришь, — укорил Ольгу Багров.

— Не знаю, что со мной было, — мрачно ответила она. — Как будто гипноз какой. Все поплыло перед глазами, слова сказать не могла.

— И что делать будем? — невесело спросил Олег. — Ведь старуха может вернуться в зал заседаний в любой момент.

Ответа на этот вопрос Ольга не имела. Они сейчас ждали «своих» Куницыных, чтобы обсудить неожиданное препятствие.

И те пришли. Точнее — пришел Виктор. Анна Ивановна в Заречье готовилась к завтрашнему дню.

Да не один пришел, а с союзником-колдуном, дедом Самсоном.

Тот, как всегда, был весел.

— Ну, что, пугнула тебя старая? — хохотнул он.

— Пугнула, — согласилась Ольга. — Если опять придет, выступать придется только Олегу Всеволодовичу. А это неудобно. И неэффективно.

— Может, бабка и не придет больше, — расслабленно произнес «дружественный колдун». — Чегой-то пивка хочется, — обратился он к Виктору, и тот резво побежал в еще работающий магазин.

— Почему не придет? — заинтересовался Багров.

— У нас с ней встреча была, — односложно ответил дед Самсон.

— Вы ее победили?! — восхитилась Ольга.

— Победишь ее, как же! — буркнул старик. — Она лет на сто старше. И вся семья у них ведьмацкая. Я-то во втором поколении только.

Разговор опять стал напоминать сценарий низкопробного триллера. Можно было бы и не вникать во все дурацкие подробности, но Шеметова прекрасно помнила, что она испытала, когда старуха была в зале. Порчу, что ли, навела? Или как там у них называется?..

— И что же мы будем делать? — разочарованно спросила Ольга. Неужели у всего клана «своих» Куницыных не найдется собственного достойного колдуна?

— «Шить сарафаны и белые платья из ситца», — цитатой из оптимистической песни ответил дед Самсон.

Повисло тяжелое молчание.

— А если эта ведьма опять меня сглазит? — Ольга не была уверена, что сможет самостоятельно избавиться от наваждения.

— Не сглазит, — спокойно ответил старик и приложился к пивку, принесенному быстроногим Виктором.

— Почему вы так уверены?

— Ну, сегодня ж она ушла, — уклончиво проговорил дед.

— Так, значит, вы ее все-таки победили?

— Да не победишь ее, я ж сказал. Даже и пытаться нечего. Сильна старуха очень.

— Теперь уже вообще ничего не понимаю, — сдалась Ольга. Багров напряженно вслушивался в их разговор и, похоже, тоже понимал мало.

— Ну, короче, кагор она обожает. — Речь деда Самсона была полна загадок.

— И?

— И отсталая она очень. Излучения боится.

— Чего-о? — тут даже терпеливый Олег Всеволодович не выдержал.

— Излучения всякого. Я ведь ее уважаю, за старость, за талант, телевизор вот ей починил. Теперь радиоприемник дала чинить. Она мне его утром перед заседанием приволокла. Неисправный. А я ее кагором поил — очень уж она к нему привержена. И про излучение рассказывал.

— Какое? — Багров, непонятно почему, оживился.

— С прибора, который вы из Москвы привезли.

Олег Всеволодович откровенно обрадовался, что-то, видимо, поняв, а Ольга по-прежнему пребывала в недоумении. Какой прибор? Что именно они привезли из Москвы?

— Я ей сказал, чтоб в клуб не ходила. Больно сильное у москвичей излучение. Поносу на неделю будет, на кого направят. Бабка здорово испугалась.

— Но ведь пришла все-таки!

— Значит, до конца не поверила, — согласился дед Самсон. — А зря. Теперь ей точно неделю на улицу не выйти.

— Кагор? — уже догадался Багров.

— Он самый, — ответил довольный дед. Достал из холщовой сумки поллитровую бутылку с темно-бордовой жидкостью, наполовину початую. — Вот, травок настоял лечебных. И запор уберет, и кишочки старухе почистит.

— Что за травки? — поинтересовался Виктор.

— Разные, сынок. — Колдун-фармацевт, загибая пальцы, перечислил известные москвичам крушину, бузину, ежевику, паслен, инжир и клевер. После чего последовали неведомые просвирник, лен слабительный, пазник и лук мыльнянка — дедовых пальцев хватило в обрез.

— Хорошо действует, хочешь попробовать? — по-доброму предложил он Ольге.

— Нет уж, увольте, — поежилась она. — А что, такие сильные травы у вас, раз на неделю помогают?

— Сильные, сильные, — покивал головой дед. — Особенно с фенолфталеином.

— А это что такое? — не понял Виктор.

— Пурген, — объяснил Багров. Он еле сдерживался, чтобы не заржать.

— Там две пачки, — звонко постучал большим нестриженным ногтем по стеклу бутылки дед Самсон.

— А не помрет? — ужаснулась Ольга. Только этого им не хватало в их адвокатской практике.

— Я что — фельдшер? — обиделся дед. — Запоры — страшная штука. Я сколько лет людей лечу. Ни один не помер.

«Господи, что творится на белом свете, — никак не могла прийти в себя Шеметова. — Наш союзник — колдун-отравитель».

Багров же воспринял новости спокойно.

Это ведь не их идея. Просто течение жизни. Причем — в желаемом направлении.

На следующий день, в продолжение судебного следствия и в соответствии со статьей двести семьдесят четвертой, пункт второй, свои доказательства вины подсудимого начала представлять сторона обвинения.

Для защиты это было не лучшее время, улики в распоряжении процессуального противника имелось немало, и почти все они были неоспоримые.

Суду представили орудие преступления — совсем маленький, словно игрушка, обрез. Практически без ствола и без большей части приклада. Однако именно с его помощью оборвалась жизнь могучего, в расцвете сил, мужчины.

Прочитали экспертное заключение, которое накрепко связало обрез и смерть майора.

Продemonстрировали и зачитали акт обыска мастерской. Нашли даже напильники, которые использовал преступник, и стальные опилки.

Показали фотографии места преступления, найденного тела майора, продемонстрировали его личное оружие, первоначально изъятое преступниками из кобуры убитого.

Выслушали показания трех свидетелей, видевших, как Лешка Куницын и Васька Максимов пошли по первому снегу в сторону дальнего съезда с трассы. В деревне глаза внимательные, особенно зимой, когда нет полевых и огородных дел.

Выслушали и свидетелей, видевших Васькину истерику, в итоге и позволившую раскрыть это преступление.

Короче, много было у обвинения железобетонных улик, с громадным запасом, на три с лишним дня хватило.

Во многих случаях защитникам сказать было почти нечего.

Да, «противная сторона» подготовилась неплохо.

Они уже поняли стратегию москвичей — когда дойдет очередь до стороны защиты, продемонстрировать суду десять лет мучений будущего убийцы, поэтому в меру сил старались показать, какого замечательного профессионала и человека убил младший Куницын.

Всплыл давний уже эпизод с заходом в деревню бешеной лисы. Геройски поступил майор, защищая деревню. Мог бы за забором ждать, пока та не уйдет или не попадет под выстрел. Но он, прикрыв собой остальных жителей Заречья, вышел на улицу. И смертельно опасного для людей зверя убил.

Подвиг имел место — правда, с добавлением неких необычных деталей, раскопанных неугомонной Шеметовой. Майор потом лично перестрелял на улице несколько деревенских собак, кто без привязи. Типа — риск. Не привитые. Мало ли что унюхают. Своих оставил, поскольку на цепи и со двора не уходят. Так что как-то кривовато выходило у защитника потерпевших. Он уже пожалел, что выставил свидетелей по этой истории, однако дело было сделано.

Впрочем, Николаев не остановился в своих усилиях по укреплению положительного имиджа покойного милиционера. Следующая история казалась ему безукоризненной.

— Вот, например, за неделю до гибели Алексей Васильевич лично пресек злостное хулиганство, — заявил он своего очередного свидетеля.

Шеметова могла бы попробовать отвести его, поскольку эпизод не касался непосредственно расследуемого дела. Но она точно не зря бегала днями и вечерами по Заречью. И упомянутый эпизод впоследствии подняла уже по своей инициативе. Но теперь зверь сам шел в подготовленную ловушку.

Дело было достаточно обычным.

Игорь Рыбаков с приятелем, Виктором Лаптевым, напились, пошли к сельсовету, где в хорошую погоду иногда устраивались танцы, а зимой просто тусовались, и начали искать повод для драки. Будучи крепкими бугаями, ударили одного парня помельче. Оскорбили его девушку.

Тут-то и возник блюститель закона.

Мгновенно пресек бардак во вверенном ему хозяйстве.

Публика в зале, выслушав показания, даже заплотировала покойному майору: она-то не понаслышке знала, как могут отравить жизнь парочка пьяных хулиганов.

— Разрешите вопрос к свидетелю, Ваша честь, — попросила Ольга.

— Спрашивайте, — разрешил тот.

Свидетель, зареченский агротехник, с недоумением уставился на москвичку — что, мол, тут спрашивать.

— Как именно майор Куницын пресек преступные действия Рыбакова и Лаптева?

— Ну... — сразу замялся тот.

— Он попросил их прекратить безобразие? — подсказала Ольга.

— Да, — ухватился за подсказку агротехник. Николаев, разумеется, протестовать не стал.

— А как? Словами?

Свидетель замолчал, почувствовав подвох.

— Отвечайте на вопрос, — строго сказал судья Денисов.

— Он врезал Рыбакову, — неохотно ответил тот. В зале кто-то одобрительно захлопал.

— Чем? — уточнила Шеметова.

— Кулаком. Раза два.

— А когда тот упал? — Ольга была безжалостна, имевшаяся информация позволяла извлечь из ситуации максимум.

— Ногами побил чуток, — выдавил свидетель.

— Что было с Лаптевым? — как клещ вцепилась в свидетеля Шеметова.

— То же...

— Что — то же? — недовольно спросил судья. — Отвечайте на поставленный вопрос.

И агротехника прорвало.

Ошеломленный натиском Ольги и напуганный судьей, он рассказал все в деталях.

Майор пришел на танцы, услышав шум. Не особо разбираясь, сразу врезал Рыбакову, жестоко, до крови, избив лежачего сапогами. Заодно, не разобравшись или не желая разбираться, разок ударил потерпевшего парня. Тот, впрочем, был без обид — не пояись Куницын, все для него могло кончиться много печальней.

А после — самое интересное.

От души вмазав Лаптеву, майор вынул пистолет и заставил обоих хулиганов на коленях ползти к нему. После чего — целовать его выставленный вперед сапог.

Все это выглядело уже не столь благородно, как в первоначальном изложении.

Николай Николаевич ежился, морщился, но остановить допрос своего же свидетеля не мог.

— Майор был сильно пьян? — прямо спросила Шеметова.

— Ходатайствую о снятии вопроса! — выскочил Николаев. — Это наводящий вопрос.

— Вопрос снят, — согласился Денисов. — Переформулируйте, пожалуйста.

— Хорошо, — легко согласилась Ольга. — Майор в тот вечер был трезв или пьян?

— Пьян, — вздохнул агротехник.

— Да он всегда был пьян! — выкрикнул из зала кто-то из зареченских. — Не так посмотришь — кулаком в морду!

Публика больше не аплодировала.

— Майор Куницын не правопорядок охранял, — подвела итог Шеметова. — Он свое феодальное ханство оберегал. И свои феодальные законы применял.

— Протестую, Ваша честь! — заявил Николаев. Несмотря на пристрастие к спиртному, юрист в нем остался в приличной мере, хотя в данном случае защитник потерпевших тоже нарушил норму судебного общения. — Давление на свидетеля, Ваша честь. Навязывание мнения.

— Ходатайство удовлетворено, — согласился Денисов.

Эпизод прошел неотмеченным в протоколе. Но несомненно отметился в памяти судьи.

Впрочем, вряд ли каждый из рассмотренных эпизодов был в состоянии повлиять на приговор. Но, как говорится, вода камень точит. И осадок, с точки зрения адвокатов подсудимых, пока оставался — правильный.

И все же пока верховодила прокурорская сторона.

Особенно было плохо, когда стали допрашивать Лешку.

Он спокойно и монотонно, не отворачиваясь и не опуская лица, подтвердил все.

Как замыслил.

Как обрез готовил.

Как картечь рубил.

И даже как нажал на курок, почти в упор.

— Вы приняли решение убить майора Куницына внезапно? — спросил Лешку Денисов.

— Нет. Я давно об этом думал, — спокойно ответил тот. У Шеметовой аж внутри заглодело. Она выставила пятерню, как договаривались, чтоб Лешка немедленно замолк. Однако тот оставался спокойным и безучастным.

— Но ты же терпел издевательства десять лет! — попыталась перевести обсуждение в более выгодную сторону защитница.

— Я маме обещал, — ответил подзащитный раньше, чем Мушин заявил протест.

— Обманули все-таки маму? — уязвил его прокурор.

— Нет. Я терпел, пока дело касалось меня, матери и отца. Как и обещал. А когда он влез в Зойкину жизнь... Ей я ничего не обещал.

— Значит, вы за честь дамы вступились? — включился Николаев. Темка была для них очень выигрышная, а Лешка не обращал никакого внимания на выставленную Шеметовой запрещающую пятерню.

— Терпение кончилось, — согласился он. — Я его предупредил возле общежития. Видать, не поверил.

— Хороший повод сразу выстрелить в человека, — гнул свое Мушин.

— Я не сразу выстрелил, — сказал Леша. — У него было время.

— Ваша честь, прошу пять минут для разговора с подзащитным! — не выдержала Ольга.

Денисов неохотно согласился.

Шеметова жестко попросила Лешку умолкать, когда она подает ему знаки. Впрочем, парень и так уже столько всего наговорил...

Снова мнение зала качнулось в сторону ненависти. Если б не конвойная команда — Петр Никитич так и сидел с наганом в открытой кобуре, — могли бы и самосуд устроить.

Мальчишка вроде совсем, а человека убил, как комара прихлопнул.

Анна Ивановна плакала, уже не скрывая слез.

Зачем она научила сыночка никогда не врать?

Защитники сидели молча. Против лома нет приема.

И ждали своего часа.

Да, тяжело пришлось адвокатам, пока свидетелей представляла сторона обвинения.

Один лишь раз сумела сказать свое слово Шеметова.

Зато как сказала — даже Багров, значительную часть всего этого и придумавший, потом тайком показал ей оттопыренный большой палец.

А дело было так.

Прокурор допрашивал потерпевшую.

Та охотно рассказывала, каким сильным и любящим человеком был ее муж. Не забывая попутно уколоть подонков, которые любят поплясать на похоронах, и трусов, обожающих попинать умерших львов.

Короче, ничего особенного.

Когда сторона обвинения закончила допрос потерпевшей, такое же право предоставили стороне защиты.

— У адвокатов подсудимых есть вопросы к потерпевшей? — безучастно спросил Марат Сергеевич.

— Да, Ваша честь! — откликнулась Шеметова. Она встала, легким движением поправила волосы и задала свой вопрос вдове: — Скажите, а ваш муж часто вас бил?

Зал замер.

Ольга ожидала протеста со стороны Николаева, однако его не последовало — возможно, сказывалось очередное обильное возлияние, сильно сократившее интеллектуальный ресурс бывшего прокурора. Он лишь встрепенулся, поняв, что что-то пошло не так.

Наталья в недоумении, будто ища поддержки, закрутила остроносой головкой по сторонам.

— Не часто, — наконец выдавила она. И тут же поправилась: — Вообще не бил. Он любил меня и детей.

— А у меня вот есть свидетельства, что он вас жестоко избивал, — Ольга приподняла, чтоб всем было видно, довольно приличную пачку листов. — Вот, например, ваша односельчанка Казоева Вера Александровна, фельдшер медпункта, дала нотариально заверенные показания. — И Шеметова торопливо, пока ее не перебил судья, зачитала несколько фраз: — «Наташку Куницыну пользовала постоянно. Сводила настоями синяки, ставила компрессы. Раз отправила в райбольницу в Любино, по сломанному ребру, слева, пятое сверху. Она сказала — Алешка врезал». Ну, и так далее. Это правда, что муж ломал вам ребра?

— Старая ведьма! — вызверилась Наталья. — Это мои ребра, ее не касаются! Да у нее в голове давно тараканы!

— Я бы так не сказала, — не согласилась Ольга. — Вера Александровна действительно ветеран труда, однако до сих пор у нее многие лечатся. И не только из Заречья. Ходатайствую, Ваша честь, о вызове Казоевой в качестве свидетельницы.

Денисов согласно кивнул.

— Есть у меня также показания Моховой Людмилы Александровны, врача-травматолога Любинской райбольницы, — быстро продолжила Ольга. — В них говорится, что Наталья Александровна Куницына трижды обращалась в больницу с травмами: с переломом пятого ребра слева, с переломом мизинца правой руки...

Денисов внимательно слушал, не перебивая, хотя имел на это право. И пусть показания к делу «не пришьешь», но это его внимание дорогого стоило.

— Палец я сама сломала! — выкрикнула Наталья.

— ... и с ожогом правого предплечья. По поводу последнего пациентка в слезах объяснила врачу, что муж плеснул в нее кипятком из чайника, и если б не бабушка — убил бы. Скажите, гражданка Куницына, это правда?

— В семье все бывает! Я на мужа не в обиде! — расплакалась вдова. — Что ж вы убитого позорите! Убийце свои вопросы задавайте!

— Причем Людмила Александровна Мохова утверждает, — невозмутимо продолжила Шеметова, — что, следуя инструкции, отправляла каждый раз докладную записку в Любинское РОВД. Где она, по-видимому, попала в руки самого майора Куницына, судя по тому, что никаких преследований хулигана не производилось.

Тут, наконец, «проснулся» Николай Николаевич.

— Прошу, Ваша честь, сделать замечание адвокату, — вяловато сказал он судье. — Человека сначала убили, а теперь грязью поливают.

— Не согласна, Ваша честь, — обращаясь к Марату Сергеевичу, горячо произнесла Ольга. — Мы ведь и пришли сюда, чтобы разобраться в причинах трагедии. Оказывается, майор был ко многим жесток, не только к моему подзащитному. И часто без видимой причины. Хотя скрытая была всегда — он был жесток с теми, кого почему-то невзлюбил. При этом он неоднократно преступал закон, в том числе — уголовное законодательство.

— Он меня любил! — выкрикнула в зал Наталья. — Люди, что ж это делается? Сначала убили, а теперь позорят!

Зал ответил недружным ропотом.

Кто-то разгневался за обиженную Наталью. Но больше было тех, кто начинал менять свое сложившееся до суда представление о степени вины жестокого убийцы.

Судья же, подумав, принял решение вызвать в суд указанных Шеметовой лиц. Было видно, что делал он это без особого энтузиазма. Но и не принимать во внимание подобные свидетельства — значило самому подставляться под проблему. Эти московские адвокаты явно знали свое дело и не собирались останавливаться ни перед чем.

Наконец свидетели обвинения кончились.

Теперь своих свидетелей и свои доказательства должны были представить суду защитники.

Обстановка, несмотря на эпизод со вдовой, по-прежнему была неприятной.

Большинство людей видели перед собой внешне спокойного злодея, причем, совершенно не злодейского вида, и это еще больше поражало воображение.

Кстати, интерес публики к процессу не уменьшился ни на йоту. Она все время менялась, зрители тасовались, как карты в колоде, однако зал был постоянно полон, свободных мест не имелось.

Впрочем, кроме «транзитных» зрителей и участников судебного производства, Ольга уже отметила постоянных обитателей. Это были активные, в основном не старые женщины, явно из тех, что создают настроения и мнения вокруг себя.

Именно на них собиралась ориентироваться в своих выступлениях Ольга. И вот настал ее час.

Технология, придуманная Багровым и продуманная обоими адвокатами, была простой, но эффективной.

Они собирались показать суду всю историю любви и ненависти Алексея Васильевича Куницына. Не торопясь и ничего не упуская.

Федеральный судья Денисов и так уже понял, что быстро он в родной Архангельск не вернется. Но будучи человеком закона, преданным своей профессии, сам с интересом следил за развитием любовно-криминального сюжета, по ходу дела классифицируя и уточняя все, сказанное адвокатами и свидетелями.

Человек пять, если не больше, под присягой подтвердили, что Алешка по уши был влюблен в Аньку. С ранней юности и до самой смерти.

А еще — что молодой Куницын был поражен прямо в сердце, когда местная звезда, отказав ему, такой же местной звезде, выбрала в качестве супруга ничем не выделявшегося парня.

Он был не просто поражен, он был шокирован, уязвлен! И долгое время просто не мог поверить в случившееся.

Об этом говорили несколько свидетелей, включая и тех, кто не сильно симпатизировал убийце.

Москвичи могли бы выставить и больше, но почувствовали, что факт оприходован и принят во внимание, а, значит, можно перейти к следующим этапам плана Багова.

Вдову, кстати, больше трогать не собирались.

Во время обсуждений на Наталью и так было больно смотреть. Даже Шеметова ей, как женщина, сочувствовала.

А кроме боли Наталья теперь явственно излучала ненависть. Похоже, она ненавидела всех — и кто говорил, и кто слушал. Это ведь и был, в ее понимании, большой позор. Но похожая на стаю ворон семейка не пропустила ни минуты в судебных слушаниях. Как будто аккумулировала в себе злобу и ярость.

Глядя в ее бешеные глаза, Ольга всерьез опасалась какого-нибудь очередного сверхъестественного безобразия. Слава богу, хоть желтоглазая бабка больше не появлялась после чудо-кагора деда Самсона. А, может, боялась шеметовского «диарейного прибора».

— Давай бабу Маню? — спросил ее Багров.

— Пора, — кивнула она. Начинался главный акт их спектакля. И плохо играть на этой сцене нельзя: на кону — Лешкина жизнь.

Баба Маня быстро согласилась дать показания, еще тогда, в деревне, хоть и отговаривал ее всячески дед Андрей, чувший некую стычку с интересами сильных мира сего.

Спокойно встала перед судьей, ответила на все предварительные стандартные вопросы судьи, предписанные статьей двести семьдесят восьмой все того же УПК РФ.

Первой опрашивать своего свидетеля должна сторона, его вызвавшая.

— Мария Сергеевна, — начала Шеметова. — Расскажите, пожалуйста, про взаимоотношения Алексея Васильевича Куницына и моего подзащитного, Алексея Викторовича Куницына.

— Плохие отношения, — подумав, сказала бабуля и вытерла уголком платка слезящиеся глаза.

— Поясните, пожалуйста, что значит — плохие отношения?

— Ну, Алешка-то Лешку всю жизнь гнобил. Нехорошо называл при всех. А как напьется, грозился Аньку... — Тут баба Маня остановилась, глядя на судью.

— Убить, избить, изнасиловать, женить на себе, какое-то иное действие, — спокойно разложила перед ней пасьянс возможностей Шеметова.

— Изнасиловать, — вздохнув, выбрала бабка подходящий вариант. — Только словом другим. Нехорошим. Много раз, — добавила она.

— Что — много раз? — не понял судья.

— Грозил много раз, — пояснила баба Маня. — Когда молодой был — сдерживался. А как пить начал — быстро с катушек слетал. Если б его народ не боялся, давно бы уму-разуму научили. Но он же всю деревню к рукам прибрал.

— Ходатайствую об исключении протокола допроса из числа доказательств, — поднял руку Николай Николаевич. — Мало ли кто где пил? Это к делу не относится.

— Разрешите, Ваша честь? — возмутилась Ольга. Судья кивнул, и она произнесла: — Отношение убитого к подсудимому и его матери имеет непосредственное отношение к разбираемому судом преступлению!

— Продолжайте, Мария Сергеевна, — сказал судья, приняв в данном эпизоде сторону защиты.

— Что продолжать, — вздохнула та. — Парню девка не дала, так он свое зло на ее дитенке сорвал.

— Возражаю! — не по форме выкрикнул Николаев. — Не майор убил дитенка. Все наоборот было.

— Пожалуйста, не перебивайте моего свидетеля, — попросила Шеметова, поскольку председательствующий не вмешался. — Потом зададите любые вопросы. — Сама же спросила бабу Маню: — Мария Сергеевна, вы в курсе истории, как мой подзащитный, Алексей Викторович Куницын, был поставлен на спецучет милиции?

— С ружьями, что ли? — переспросила бабка.

— С духовыми ружьями, — добавила Ольга.

— Так вся деревня знает. Мотья Рыбаков придумал. А Куницын на малого Анькиного свалил. Да он его по деревне постоянно таскал, руки за спину, как каторжного.

— За дело таскал! — подала голос со своего места Наталья. — В деревне зато порядок был! Не дрались, не воровали.

— Не воровали — это точно, — захихикала бабуля. — Майор сам все украл.

— Старая стерва! — выкрикнула вдова. — Будь Алешка жив, ты б даже не заикнулась!

— Это действительно так. — Шеметова успела вставить реплику раньше, чем судья сделал замечание потерпевшей и ей самой. — Пока майор был жив, в деревне Заречье не происходило ничего без его ведома и согласия. В том числе — преступления. Мы еще не раз покажем на фактах.

Страсти быстро накалялись. Ольга никак против подобных саморазоблачений не возражала, но пыталась придерживаться разработанной совместно с Багровым системы аргументов.

— Мария Сергеевна, откуда у вас информация, что духовые ружья из школы украл не подсудимый? — уточнил судья.

— Мне Дашка сказала. А ей учителька наша, Неустроева.

— Одна баба на деревне, короче, — бросил реплику Николаев.

— К Марии Сергеевне у меня больше вопросов нет, спасибо, — закончила Шеметова.

— Есть ли вопросы у стороны обвинения? — спросил Денисов.

Те предпочли не копаться в неприятных подробностях и тоже отпустили разговорчивую бабу Маню домой.

Ольга же сделала следующий шаг:

— Ваша честь, если позволите, в выступлении одного из следующих свидетелей мы вернемся к теме кражи духовых ружей.

— Зачем время терять? — запротестовал Николаев. — Мелочное преступление, срок давности давно вышел, кого оно волнует?

— Это мелочное преступление стоило в итоге жизни майору Куницыну, — ответила Шеметова. — И может стоить жизни моему подзащитному. Поэтому я бы хотела к нему вернуться. Но чуть позже. Сейчас же, Ваша честь, позвольте продемонстрировать суду копию личного дела моего юного подзащитного. Я получила его по официальному запросу из Любинского РОВД. — И Ольга жестом фокусника эффектно достала из-под стола туго набитую папку личного дела подростка, поставленного на спецучет. — Вот оно! — показала она председательствующему, суду и залу. — Все содержимое написано рукой покойного майора. Это не про чикагского гангстера! И не про ма-ньяка какого-нибудь! Все это — протоколы на мальчишку из маленькой деревни Заречье, которую он ни разу до убийства не покидал! Двести шестьдесят страниц за десять лет! Ни одного реального преступления, кроме кражи ружей, и то, совершенной другим человеком.

— Это не доказано! — Терпение Николая Николаевича явно подходило к концу. — Ваша честь, прошу сделать замечание адвокату.

Денисов промолчал, напряженно что-то обдумывая.

— Если позволите, на вашу реплику скоро ответит один из наших свидетелей, — вежливо парировала Ольга. — Кстати, папка начала пухнуть именно с той достопамятной кражи. И именно поэтому не важно, прошел по ней срок давности или нет.

— Доказывать такие мелочи — только время у суда красть, — буркнул защитник потерпевших.

— Не мелочи! — возмутилась Шеметова. — Это совсем не мелочи! Мы начали доказывать суду главное! А именно — майор Куницын, пользуясь служебным положением, организовал преследование беззащитного и невиновного мальчишки! Из-за несчастной любви к маме незаконно преследовал ее сына. — Воспользовавшись молчанием сторон, она вновь потрянула толстенной папкой над головой: — Двести шестьдесят страниц издевательств над здравым смыслом! Многолетняя работа по превращению обычного ребенка в преступника.

— Я протестую! — парировал Николаев. — Нормально, что участковый пристально следил за спецучетным подростком!

Судья лишь отмахнулся — правду ни в мешке, ни в папке не утаишь.

Зал молчал.

Все опять поворачивалось на сто восемьдесят градусов. Нет, убийство по-любому не оправдывалось. Но отчетливо выявлялся некий, столь раздражающий нормальных людей, беспредел.

Потом было еще много свидетелей — на две недели работы суда. Людям, знавшим подробности, то ли бояться надоело, то ли действовал талант убеждения Ольги и Багрова.

Ольга сумела уговорить даже Неустроеву.

— Вы ведь говорили — на вас грех. Так снимите его! — съездив как-то вечером в Заречье, убеждала она женщину.

И вот та в суде.

Председательствующий выяснил ее личность, объяснил права и ответственность за дачу ложных показаний.

Дома женщина очень волновалась, прямо пятнами шла. А здесь вдруг успокоилась.

— Надежда Георгиевна, — мягко спросила ее Ольга. — Кого вы знаете из участников прошлогодней драмы и из сидящих в этом зале?

— Да многих знаю, — ответила та. — Покойный Алексей Васильевич — мой ученик. Наташа, его жена... вдова, — поправилась она, — тоже моя ученица. И ее девочки. И ваш подзащитный, и его родители. Я больше чем полвека преподавала, — улыбнулась Неустроева. — Это не шутка.

— Да уж, это не шутка, — согласилась Шеметова, для которой сроки типа полвека были абсолютно непредставимы. — Я хотела бы услышать от вас, каким образом ваша квартира в Архангельске стала принадлежать вашему бывшему ученику, Алексею Васильевичу Куницыну.

Сказала это и физически почувствовала окатившую ее волну ненависти. Даже испугалась, что в зал вернулась ведьма Марфа. Стало слегка легче, когда поймала на себе бешеный взгляд Натальи.

Но только слегка — те же желтые глаза.

А Надежда Георгиевна молчала.

— Вы не хотите об этом говорить? — спросила Ольга.

— Не хочу, — подтвердила старая учительница. — Мой грех больше.

— Что вы называете своим грехом? В чем вы считаете себя виноватой перед майором Куницыным?

— Я многим виновата перед Алешей, и не только перед ним. Если б пере-
силила себя — он был бы жив, а мальчики, — показала она рукой на Лешку с Васькой, — не сидели бы в клетке.

— А что вы могли сделать и не сделали? — удивился судья.

— Я Алешу Куницына с первого класса знала. Упорный, ответственный мальчик. И очень смелый. Я старалась поощрять в нем эти качества. Но, видно, забыла про другие. Мне казалось, что он будет с Аней, они дружили. Я даже любовь Ани и Вити проглядела за своими школьными делами. Сначала желала Алеше удачи, чтоб вернул он себе Анну. Потом, через полгода, убедилась, что Аня его не любит. А Алеша был готов на все, чтобы ее завоевать. Получается, — вздохнула учительница, — к боям я его подготовила, а к любви и к милосердию — нет. Это и есть мой грех.

— Вряд ли вы в этом виноваты, — тихо сказал Денисов.

— Нет, Ваша честь, — покачала головой Неустроева. — Был момент, когда я могла что-то изменить. Алеша мне верил, ценил меня. Надо было бухнуться ему в ноги и сказать — не губи себя. И не губи других, ведь это одно и то же. Но вот не плюхнулась...

— А про злополучную кражу ружей из школы что-нибудь скажете? — гнула свое Шеметова.

— Да, скажу. Леша Куницын к ней отношения не имеет. Это придумал другой мальчик. А сделал третий. Все мои ученики.

— Вы не могли бы назвать их фамилии? — спросила Ольга.

— Зачем?

— На этих проклятых «духовушках» была выстроена вся система милицейского преследования моего подзащитного, — объяснила адвоката-тесса.

— Нет, не буду никого втягивать. Могу подписать любую бумагу — Леша Куницын духовые ружья не воровал. Этого достаточно?

— Может быть, — согласилась Ольга, отпуская свидетеля.

Кстати, вопрос со злополучными ружьями решился раз и навсегда через три дня.

Багров, еще в Заречье, через Интернет и Волика Томского нашел Мотю Рыбакова, ныне преуспевающего студента МГИМО. И получил от него — опять же через веселого друга-коллегу — факсимильное заявление на имя председательствующего. Фактически — чистосердечное признание.

Кстати, подобные заявления, присланные по факсу, оглашают в день поступления, но в качестве показаний принимают лишь с согласия обеих сторон процесса. Николаев был вынужден не возражать: в противном случае Матвей Рыбаков собирался приехать в суд и выступить лично.

Почему повзрослевший Мотя так поступил?

Видимо, не только учительница чувствовала свой грех, некоторые ученики — тоже. Мотя извинялся перед одноклассником Лешей Куницыным за долгое молчание и восстанавливал историческую справедливость.

Похоже, у Надежды Георгиевны Неустроевой действительно были в основном хорошие ученики. Правда, иногда немножко запуганные.

Шаг за шагом Багров и Шеметова развернули вспять течение процесса. Убийство по-прежнему было неоспоримым.

Но и фактическое подталкивание к нему тоже становилось очевидным в результате множества перекрестных допросов и неоднократной сверки показаний разных людей об одних и тех же событиях.

А еще — все уже хотели домой. Даже любичане посещали процесс с несколько ослабленным рвением — появились немногочисленные пока пустые места.

Процесс мог либо тянуться еще очень долго — свидетелей была вся деревня и треть Любино. Либо закончиться, с соблюдением неких, справедливых во всех смыслах, договоренностей.

17

Любино. Суд. Завершение процесса

В последние дни во Дворце культуры опять наметилось некое оживление.

Наверное, потому, что стороны, предъявив доказательства и допросив свидетелей, вот-вот должны были завершить судебное следствие, и в соответствии со статьей двести девяносто второй Уголовно-процессуального кодекса приступить к прениям сторон. А там и до приговора недалеко.

Косвенным подтверждением этому вновь являлось отсутствие свободных мест в зале, хотя еще неделю назад легко можно было найти кресло или хотя бы местечко на подставленных скамейках.

Дело явно шло к финишу.

Тактика москвичей уже всем была очевидна, однако противная сторона так и не смогла подобрать эффективное противоядие.

Воронья семейка на переднем ряду исходила тихой ненавистью, иногда срываясь на нелитературные реплики. За некоторые из них следовал жесткий ответ судебного пристава и даже председательствующего. Но никаких репрессивных мер к женщинам в черных платках не принимали.

Хоть и поменялось ощущение виноватости, тем не менее, все равно в клетке сидел убийца, а тот, кто, по показаниям множества свидетелей, мальчишку раньше третировал, — уже давно был в сырой земле, искупив мученической смертью свои грехи.

Итак, любой день мог стать последним в судебном следствии. Далее — поочередное выступление сторон, последнее слово подсудимого и — вынесение решения.

Все понимали, что решение будет ценой в жизнь. И не только Лешкину. Каково жить матери с отцом, когда их кровиночка сидит в затхлом сыром мешке — без надежды и без срока — даже представлять не хотелось.

Но сегодня следствие еще продолжалось.

Москвичи теперь расшатывали обвинение в хладнокровном умысле преступников.

Для начала практически сломали версию о злодеях, действующих сложившейся преступной группой по заранее подготовленному сценарию.

И здесь блеснул Олег Всеволодович.

Один за другим — под его чутким управлением — выступили пять свидетелей: учительница из коррекционного интерната, две соседки, продавщица из магазина и мальчик двенадцати лет, единственный, не считая Лешки Куницына, друг Васьки-дурачка, Василия Семеновича Максимова.

Учительница рассказала, что мальчик был у них — по документам — три года. Не обнаружив никаких способностей к занятиям, даже весьма облегченным, Василий проявлял чудеса ловкости, сбегая из интерната домой, — за сто шестьдесят километров, между прочим, — к маме, которую беззаветно и горячо любил.

К сожалению, она взаимностью не отвечала. Когда трезвела, привозила ребенка обратно. Он плакал, мучился и ждал следующего удобного случая для побега.

По существу же учительница показала суду следующее: Васенька — человек абсолютно беззлобный, доверчивый. И полностью несостоятельный в плане продумывания даже собственного ближайшего будущего. Так что планировщик ужасных преступлений из него никакой.

Соседки сказали то же самое, только другими словами и на других примерах.

Трогательно выступил мальчик.

Он, как несовершеннолетний, был под родительским «прикрытием». Может, поэтому чувствовал себя довольно свободно. А, может, потому что жалел своего старшего и такого беспомощного в жизни товарища.

Он рассказал суду, что Вася очень добрый и хороший друг. Если у него попросить, то он с удовольствием отдаст все.

Так, он прошлой зимой отдал дяде Алексею Куницыну четырех белок и двух куниц. Они с Васей возвращались в Заречье, из леса, дядя Алексей попросил, и Вася ему отдал. Мальчик отмел предположение Багрова, что майор забрал зверьков с помощью угроз. Нет, дядя Алексей не угрожал, просто попросил. У Васи часто что-то просили, и он почти всегда отдавал.

А еще Вася дружил с двумя ежиками. Он стучал по пеньку, и они прибежали. Как в цирке.

— А вы вдвоем ходили в лес? — спросил мальчика Багров.

— Васька хоть и дурачок, но с ним дите в безопасности, — ответила вместо мальчика его мама. Судья не стал делать ей замечание.

Мальчик же добавил, что никакой Васька не дурачок. Просто его ум тянется к лесу, а не к учебе. Вася знает каждое дерево в лесу, не говоря уж о каждой тропке.

— Вот и помог убийце выбрать позицию, — громко произнес Николаев.

— Чепуха, — спокойно парировал Багров. — В деревню с трассы всего два съезда. Их знает каждый житель Заречья и даже я. Так что для выбора места такой следопыт, как Василий Максимов, точно не был нужен.

По этому же поводу допрашивался и Леша Куницын.

Он, не колеблясь, подтвердил, что Васька вообще не при делах.

Да, Леша сказал ему, что идет убивать майора (и здесь сын Анны Ивановны не смог заставить себя соврать). Но Васька наверняка не понял сказанного, боясь, что с ним просто не хотят общаться. Парень всегда очень переживал по этому поводу.

— А зачем вы потащили его с собой? — спросил Николаев. — Разве вы не понимали, во что его втягиваете?

— Я виноват, — ответил Лешка. — Я должен был подумать о Ваське, но не подумал. Тогда в голове только одна мысль вертелась.

Зал тихо охнул — все понимали, какая мысль была в голове юноши.

В общем, стало чуть легче.

Защитники обвиняемых подошли к пику своей активности. Активность же обвинительной стороны резко снизилась. А что они могли сделать? Факт убийства, как и личность убийцы, никем не оспаривались. Неадекватное же и противозаконное поведение майора при жизни подтверждало столько людей и на стольких фактах, что препирательства с ними лишь усугубляли положение.

Кстати, само собой исчезло общественное обвинение.

То есть, общественный обвинитель был изначально введен в процесс и сидел на всех заседаниях. Но, почувствовав, куда ветер дует, предпочитал сидеть молча.

— Таким образом, — подвел итог допроса свидетелей Багров, — участие моего подзащитного в планировании и подготовке преступления фактически исключено. В силу его личностных качеств это не может всерьез обсуждаться.

Никто не стал протестовать против очевидного.

Тем временем подошел обеденный перерыв.

В столовую пошли вместе с судьей Денисовым.

Взяли очередной вкусный обед, заняли столик и, принявшись за еду, завели ничего не значащий разговор.

- В Москву хочется, — вдруг сказал Багров.
- А мне — в Архангельск, — вырвалось у Марата Сергеевича.
- А впереди еще — о-го-го! — вздохнул Олег Всеволодович.
- Это вы о чем? — осторожно спросил судья.

Тема общения судьи с адвокатом — в любом случае деликатная. Но не противозаконная, если не нарушаются писанные нормы. Компромисс же во все века был лучшим решением проблем.

— Васька точно ни в чем не виноват, — пояснил Багров. — Дурачок оказался не в то время не в том месте. Вот и вся его вина. Я вообще-то хочу об экспертизе ходатайствовать.

— Какой? — как бы между делом поинтересовался Денисов.

— Ваське же восемнадцать исполнилось за две недели до убийства. Он, конечно, вменяем, экспертное заключение озвучено. Но его возраст, с точки зрения интеллектуального развития, дай бог, если на десять лет тянет. Такие экспертизы тоже существуют.

Денисов и сам прекрасно знал, что такие экспертизы существуют и длятся долго.

Отказать в ходатайстве — глупо и опасно, вопрос довольно очевидный. Согласиться — значит, обречь себя на ожидание результатов. А федеральный судья — тоже человек. Ему тоже чертовски хочется домой, к жене и детям.

Багров давно уже понял, что имеет дело с нормальным, уважающим закон юристом. Он не собирался использовать в «игре» с ним ничего противозаконного. Однако все остальное — годилось.

— Что вы хотите? — вдруг в лоб спросил Денисов.

— Ваське — свободу. Он невиновен ни в чем, кроме своей врожденной умственной ограниченности. Да и в той не его вина, — сразу ответил Багров.

— А для Куницына? — задал главный вопрос судья.

— Хотелось бы по сто седьмой пройти. Убитый полжизни над ним издевался.

— Нет, — покачал головой Денисов. — Майор, конечно, не ангел, но и не самоубийца.

— Мы сегодня с Олей как раз обсудим эту тему, — улыбнулся Багров. — Но если нет, то что взамен?

— Сто пятая, без отягчающих. Я не хочу превращать процесс по убийству в процесс по обвинению убитого.

— Ниже низшего предела можно? — мягко спросил Олег Всеволодович. — Какой он убийца? Не трави его майор, и сейчас бы работал в колхозе вместе с отцом.

— Он — убийца, — не согласился судья. — Обижают многих, убивают обидчиков единицы. И становятся убийцами.

Что ж, логика в словах председательствующего была.

— Хорошо, — кивнул Багров. — Семь лет, со смягчающими. И мы не подаем кассацию.

— Я подумаю, — пообещал Денисов, вставая из-за стола.

Внутри Шеметовой все ликовало и пело.

Ай, да Багров! Ай да она сама, адвокат Ольга Шеметова.

Но Олег быстро охладил ее пыл.

— Обещать — не значит жениться, — сказал он. — Но в целом — прогноз благоприятный. Надо отработать последнее, чтоб в случае апелляций было побольше материала.

Багров, как всегда, был прав.

Они-то откажутся от кассации, если приговор их устроит. Противная же сторона может и кассационную жалобу подать, и потом апеллировать в вышестоящие суды. Так что борьба, даже в случае мягкого приговора, отнюдь на нем не закончится.

Кстати, это был не первый их компромисс на процессе.

Первый они обсудили наедине с Мушиным. Точнее, Вадим Донатович обсудил с ними. До него дошли слухи, что адвокаты раскопали неприятные факты, связанные с РОВД. Оказалось, что там иногда пьют водку. Особенно в день рождения начальника.

Майор Куницын, возвращаясь в последний день своей жизни, ехал именно с этого праздника. И все намеренные врачами в его безжизненном теле промилле были связаны с днем рождения подполковника Михайлова. Между прочим, близким родственником другого Михайлова, с гораздо более высоким званием. Так что разбор в принципе малозначащей ситуации обещал быть неприятным и обоюдоострым.

Начальник РОВД переговаривал с друзьями из области, те — с областной прокуратурой. В итоге Мушина попросили замять этот инцидент.

Вадим Донатович намекнул Багрову, что готов не выдвигать против его подзащитного обвинение по сто пятой статье, часть два, пункт б. Она, как известно, касается убийства «лица или его близких в связи с осуществлением данным лицом служебной деятельности или выполнением общественного долга». Это полностью устраивало Олега Всеволодовича, так как пункт был крайне неприятный. Теперь же речь шла об убийстве не борца за охрану порядка, а просто гражданина. В обмен Багров не будет поднимать вопрос о степени трезвости убитого на момент преступления.

Стороны договорились и разошлись.

Олег не думал, что Мушин его обманет. Но на всякий случай все документы сохранил, чтобы, в случае чего, можно было запустить дело заново по вновь открывшимся обстоятельствам.

После обеда напряжение в зале достигло пика.

Все ждали, что еще придумают москвичи — настроение публики теперь почти безоговорочно было на стороне защиты.

А москвичи продолжили расшатывать обвинительную идею про умысел.

Например, по их просьбе, было еще раз полностью зачитано экспертное заключение по оружию убийства. Теперь — с вызовом в суд самого эксперта, приехавшего из Архангельска. Он сам и прочитал.

Шеметова сделала акцент на двух моментах.

Лешка состряпал обрез из рук вон плохо. Он же никогда к оружию не тянулся.

На прямой вопрос эксперт ответил, что обрез вообще малопригоден для стрельбы, как и снаряженные боеприпасы. Будь расстояние чуть больше — беды бы, скорее всего, не произошло.

— А с двадцати метров он бы попал? — в лоб спросила Шеметова.

— Не факт, — подумав, ответил тот. — Парень обрезал стволы по самое некуда. Практически он сделал бесствольный пистолет.

— А по движущейся мишени можно попасть? — упрямо гнула свое Ольга.

— Нереально, — ответил эксперт. — Если только случайно.

— Спасибо, — поблагодарила она.

Процессуальные противники вопросов не задавали, не понимая пока, к чему ведет адвокат.

А Ольга уже перешла к следующему моменту, остановив внимание суда на безрассудной храбрости покойного майора.

Очень многое из того, что тот делал, подходило под это определение. Про его смелость и отвагу упоминали чуть ли не каждый второй. Однако теперь она акцентировала безрассудность многих из описанных поступков.

— Вы к чему это все? — спросил судья. Ему казалось, что компромисс достигнут, и можно более не копаться в психологических мелочах.

— Я хочу сказать, Ваша честь, что в отваге покойного майора были элементы неадекватности.

— Психом теперь мужа сделаем?! — взвизгнула вдова.

— У меня в руках два медицинских заключения и одна справка, — показала большие желтые конверты Ольга. — Разрешите, Ваша честь?

— Зачитывайте, — согласно кивнул Денисов.

Это была последняя их домашняя заготовка. Сначала помог, как ни странно, Гескин. Ольга пару раз звонила ему по телефону, и посоветоваться,

и просто поболтать. Рассказывая про бравого майора, услышала неожиданное.

— А он суицидом не баловался? — спросил старый адвокат.

— С чего бы? — удивилась она.

— Уж очень он жизнь не любит, — заметил Гескин.

Чутье старика не подвело.

Бумаги дались большой ценой — во всех смыслах. За справку пришлось заплатить конкретные деньги, чтобы ее обладатель рискнул «засветить» документ. Медицинские же заключения были получены бесплатно, но с боем и использованием всех имеющихся связей, в том числе — все тех же Волика и Багрова.

Первое заключение психолога гласило о невозможности дальнейшего прохождения службы майора Куницына в теперь уже полиции. Психолог подробно писал — почему. Здесь было и про жестокость, и про склонность к неоправданному риску, и даже про особо заточенные нравственные принципы, не общего, образно говоря, типа. Так прямо и было написано: «Моральные нормы либо не усвоены, либо сугубо личные или корпоративные». Клиническая интерпретация тоже была прописана и тоже — нехорошо: «Невротизация по «NT» типу. Психопатизация по «CI» типу».

Впрочем, про психопатизацию Ольга зачитывать не стала, оставила про запас, если не удастся компромисс в суде.

Второе заключение, теперь уже клинического психолога, добыл Волик. Точнее — сначала идею нащупал засевавший в Интернете Багров. Он услышал от соседей Куницыных, что майор решил строить в Заречье собственную охотничью базу на ни кем не мерянных гектарах окружающих лесов и озер.

Олег в поисках компромата начал копать дальше и выяснил, что планы предусматривали даже взлетно-посадочную полосу вблизи Клад-озера, километрах в трех от деревни. А также узнал, что майор пытался получить летные права в Архангельске. Однако, несмотря на все свои возможности, не получил.

Остальное было делом техники, точной и филигранно выверенной.

Майор пилотом не стал, потому что опять споткнулся на психологе — проверка для будущих пилотов была очень строгой.

Среди прочих, позитивных и негативных выводов, был один, обрубающий дальнейшие разговоры. Медик считал, что его собеседник, прошедший на тестах и в беседах в общей сложности шесть (!) часов, — обычно уходил один час, — бессознательно склонен к риску и даже к суициду!

Денисов вынужден был и этот документ принять, в противном случае последует ходатайство о вызове новых свидетелей.

И, наконец, Шеметова доложила о справке.

Маленькая, на одной страничке всего.

Чтобы она нигде не «светилась», покойный майор заплатил фельдшеру «скорой помощи» тысячу американских долларов.

Столько же заплатил и Багров — теперь уже бывший фельдшер счел, что ему ничего не угрожает, а деньги и сейчас приличные.

В бумаге было описано, как экипаж архангелогородской «скорой» прибыл на вызов по самоудушению. Пьяного пациента вовремя вынули из веревки сотрудники гостиницы. Они же вызвали медиков.

В таких случаях полагается везти несчастного в психиатрическую больницу. Однако уже оправившийся Куницын за тысячу «зеленых» полностью поменял концепцию медпомощи.

Наталья еле сдерживала ярость, бросая на адвокатессу бешеные взгляды.

Председательствующий тоже был не в восторге от услышанного.

— К чему вы это рассказываете? — спросил Шеметову Марат Сергеевич.

— Мой подзащитный выстрелил в Куницына, когда тот подошел почти вплотную, — спокойно ответила Ольга. — Причем — после длительной паузы.

— И что? — не понял судья.

— Зачем тот подошел? Знал же, что творится с парнем, которому он несколько дней назад разрушил личную жизнь. Знал упорство мальчишки и прекрасно помнил его угрозу, о чем нам сам же подзащитный и рассказал. Он видел, что двое караулят его в лесу. Тем не менее, остановил машину и подошел.

Не остановил бы — остался бы жив. Не подошел бы — остался бы жив.

И последний вопрос: почему, встретившись с врагом в лесу, опытный и смелый майор не достал оружия? Почему не попытался выбить обрез из руки Леши? Он же не сразу выстрелил.

— Это теперь он говорит, что не сразу! — отозвался Николаев.

— Думаю, так и было, — убежденно сказала Шеметова. — Мы весь процесс слушали, как мой подзащитный давал показания, не щадя себя. Он все время говорил правду. Так почему майор предпочел молча смотреть на обрез и улыбаться? Я вижу единственную причину. Это была еще одна попытка суицида. И — заодно — месть отвергнувшей его женщине. Получилось и то, и другое.

Зал молчал, окутанный невидимой тяжелой завесой.

Неисповедимы пути Господни.

Но и человеческие тоже не просты.

— Ходатайствую не приобщать, Ваша честь! — тут же возразил Николаев. — Это только предположение. Ничего более.

— Удовлетворено, — привычной судейской скороговоркой проговорил Денисов.

— А как быть с представленными документами? — спросила Шеметова. — Я ходатайствую об их приобщении к материалам дела.

— Удовлетворено, — снова произнес Денисов.

Но на этом сюрпризы не закончились.

Пришла не заявленная до суда свидетельница. Тем не менее, Денисов, по ходатайству стороны защиты, допустил ее к процессу.

Зоя встала перед маленькой свидетельской кафедрой.

Она и сама была маленькой, тоненькой.

Ответила на устанавливающие вопросы судьи.

Лешка глядел на девушку во все глаза.

Несмотря на то, что она пыталась встретиться с ним в тюрьме, писала письма, он постоянно отвечал ей молчанием.

Зачем морочить голову любимой девчонке? Он был вырван из человеческой жизни, она в ней осталась. Лучше уж стиснуть зубы и перетерпеть, чем долго страдать вдвоем.

Зоя, видимо, думала иначе.

Решение родилось не сразу — зато окончательное.

Преодолев отчаянное сопротивление родителей, сама, через Анну Ивановну, нашла адвокатов Лешки прямо во время процесса. Сама и в Люблино приехала. Здесь уже ее, как родную, взяла под опеку Лешкина семья.

Шеметова, с разрешения судьи, начала допрос свидетельницы.

— Что случилось вечером, предшествовавшим убийству? — спросила она.

— Мы были в комнате с Лешей...

— Вы ему кто? — встрял Николаев. Не успела Ольга опротестовать его вопрос, как Зоя уже ответила:

— Я — его будущая жена.

Лешка из своей клетки во все глаза смотрел на нее.

О ее приезде родители еще не успели ему сказать. И, возможно, даже волшебное решение об освобождении обрадовало и удивило бы его меньше, чем реальное возвращение любимой.

— Скажите, пожалуйста, что случилось потом? — продолжила допрос Шеметова.

— Мы собирались лечь спать, как в дверь очень громко постучали. Потом милиционер крикнул, чтоб Леша выходил, иначе он ее взломает.

— Алексей испугался? — спросила Ольга.

— Алексей — нет, а я очень испугалась.

— Что было дальше?

— Мы вышли. Он схватил Лешу за руку и закрутил ее ему за спину. Я заплакала.

— Майор был трезв?

— Нет. От него сильно пахло спиртным, и лицо все было красное.

— Вранье! — с места закричала Наталья. — Теперь еще и шлюхи будут мужа моего позорить!

— Прекратите балаган! — не выдержал судья. — Не то вас выведут из зала!

Но Зоя, как выяснилось, в посторонней помощи не нуждалась.

— Я не шлюха, — спокойно сказала она. — Я — Лешина жена. Я ему деток нарожаю. Побольше, чем ты своему. И не таких страшненьких.

В зале раздались смешки. Даже Лешка в своей клетке улыбнулся.

— Свидетель, соблюдайте корректность, — сделал ей замечание Денисов, но как-то не очень строго.

Наталья окатила Зою ядовитым взглядом, однако дискуссию не продолжила: орешек оказался не по зубам.

— Что было потом? — продолжила Шеметова.

— Леша попросил его не пугать меня. Сказал — не доводи до греха.

— А майор?

— Захохотал и сказал — перебеешься. Я поняла, что все будет плохо.

— Почему?

— Потому что Лешу довели до греха. Он ведь никогда не врет. Сказал — убьет, значит — убьет.

— Он что у вас — киллер хронический? — не выдержал Мушин. Прокурор в последнее время оказался как-то не у дел, да и чувствовал себя неважно.

— Леша мухи зря не обидит, — ответила девушка. — А здесь — довели до ручки. Если б только его позорили, он бы стерпел. Мы много об этом говорили, он маме обещал еще потерпеть.

— И что ж не стерпел? — вставил Николаев. — Обманул, выходит?

— Я же сказала, он никогда не обманывает, — спокойно объяснила Зоя. — Он и терпел все годы. И за свои унижения, и за родительские. Потом я появилась и тоже попала под раздачу. А потом, видать, накопилось выше края. И вот мой муж в клетке сидит, — показала она рукой на Лешку. — А за что? Мой муж ни для кого не опасный. Кроме садистов и психов. И то, сначала его десять лет мучить надо.

Зал ошарашено молчал — такого от хлипкой девчонки точно не ожидали.

Вопросов к свидетельнице больше не было, судья ее отпустил.

Тяжелый день, наконец-то, подходил к финишу.

Председательствующий объявил о конце заседания и о дате следующего. Публика начала покидать зал.

Пошли домой и адвокаты подсудимых.

Сегодня они поработали хорошо.

18

Любино-Архангельск-Москва.

Процесс закончен — жизнь продолжается

Многое изменилось во Дворце культуры райцентра Любино за прошедшие недели. Вектор настроений и симпатий публики ныне кардинально отличался от первоначального.

Что, несомненно, в большой степени являлось заслугой адвокатов подсудимых. Если в начале процесса народный гнев целиком был направлен в сторону тщедушного хладнокровного убийцы, — а часть его косвенно перепала и защитникам, — то теперь точнее было бы говорить про народное сочувствие и жалость.

Вскрывшиеся на суде картины максимально неприглядно изображали годы издевательств и гонений целой семьи. А ведь многие это знали и видели! Но не вмешивались. Теперь же был шанс реабилитироваться перед самими собой «болением» за судьбу страждущих.

Изменение настроений чувствовали, конечно, и Анна Ивановна с Виктором. Они и раньше хорошо относились к москвичам, теперь же вообще чуть не обожествляли их.

Даже Лешка повеселел, после того как чудо с явлением в зале суда Зойки стало еще более чудесной реальностью.

Одному Ваське было без разницы.

Вот если бы его любимая мама приехала — это да, это был бы праздник. Однако мама не приезжала. Впрочем, даже Васька устал от тюрьмы. Он хотел в лес, к птицам, рыбам, ежам.

Судебное следствие по обоюдному согласию сторон завершилось. Защитники отказались от вызова нескольких свидетелей, считая, что доказательств собрано достаточно, а достигнутый компромисс их вполне устраивал.

Кроме того, если б дела пошли не так, как хотелось, из раздела прений всегда можно вернуться в следствие.

Да, все шло к концу.

Никто не знал, какой именно из дней процесса станет последним. Но все чувствовали — он приближается.

Прения шли в полном соответствии со статьей 292 УПК РФ.

Первым слово получил прокурор Мушин.

На Ваську грозных слов он особо не тратил. За время процесса все убедились в безвредности данного персонажа, и Вадим Донатович попросил для него, за пассивное участие в убийстве, три с половиной года общего режима. Описание Васькиных деяний в его устах заняло не более десяти минут.

Зато с Лешкой Вадим Донатович возился на порядок дольше. Прокурор по закону не имел права опираться на факты, не рассмотренные в судебном следствии. Он от этого вовсе не страдал: озвученных фактов хватало за глаза.

Пересказы ужасных деталей длились, на взгляд Анны Ивановны, бесконечно. Однако и эта мука, наконец, завершилась: Мушин дошел до испрашиваемого государственным обвинением наказания подсудимому.

Родители вместе с залом затаили дыхание.

Чуда не произошло.

Никакого «ниже низшего». Или, тем более, условного. Прокурор просил двенадцать лет. В колонии строгого режима.

Зал захлестнуло разочарование, а родителей — радость. Двенадцать лет — это точно не вся жизнь! И тем более — не расстрел, если политики все же отменят мораторий. Теперь же, коли повезет, может, отпустят через восемь, по условно-досрочному. Двадцать шесть лет, для мужика — начало взрослой жизни.

Адвокаты тоже понимали, что запрошенные обвинением сроки — уже победа. Но — победа их искусства, а не человеческой справедливости.

Потому что, если по-человечески, нужно еще меньше. Ведь выстрелу предшествовали много лет целенаправленного патологического издевательства. Не зря же квалифицированный клинический психолог обнаружил у майора Куницына психопатологию.

Багров даже начал сомневаться, не стали ли они жертвой судейского обмана. Шеметова так не думала. На вопрос про аргументы отвечала — мол, женская интуиция. Олег хмыкнул, но — поверил.

Общественный обвинитель от своего слова отказался, чего и следовало ожидать.

Теперь была очередь Багрова.

Он говорил очень кратко и очень убедительно.

Все видят, кто сидит в клетке рядом с Куницыным.

Добрый, славный малый.

Никого, кроме мелкого пушного зверя, в жизни не трогал.

Нежно любит маму. Жалко, что не взаимно.

Самое же главное — этот человек, и безо всяких экспертиз ясно, — не в состоянии замыслить и осуществить преступный умысел. Никакой. А тем более — столь страшный.

Вследствие чего единственное разумное решение — отпустить парнишку на все четыре. Он ни в чем не виновен.

Единственная к нему претензия — парень оказался не в то время не в том месте.

Впрочем, ему не в первый раз не везет в жизни.

Не много говорил Олег Всеволодович, но даже у мало сентиментальной Шеметовой навернулись слезы. Будь она федеральным судьей, отпустила бы паренька немедленно.

На следующее утро была назначена ее собственная речь.

Ольга здорово перетрухнула. Ее даже Анна Ивановна успокаивала, специально приехала, привезла парного молочка. Говорят — неплохое средство для собирания сил перед решительным боем.

Да что там Анна Ивановна! Вчера, перед уходом из суда, к ней подошел суровый прапорщик Григоренко.

— Ты молодец, — сказал он зардевшейся адвокатессе. — Главное — выпись нормально, и все у тебя получится.

Это было круто. Как-никак Петр Никитич был работник МВД со стажем. И уж если он не считал Лешку преступником, то, похоже, шанс на победу был.

Шеметова легла пораньше, честно выпив парного молока.

А утром, едва проснувшись, первый раз в жизни залезла под совсем холодный душ. В голове сразу наступила ясность и чистота. В таком состоянии она и отправилась в суд.

А возле суда...

А возле суда, в компании черноплаточных востроносых женщин, стояла маленькая горбатая бабка Марфа! Шеметова сначала не узнала ее из-за больших черных очков, комично смотревшихся на маленьком, словно запеченном, личике.

Однако это была она. Ведьма. Собственной персоной.

Ольга мгновенно ощутила холод в желудке. Затем поймала на себе издевательский взгляд Натальи, и решение пришло мгновенно. Плохое, но других не имелось.

Затаив дыхание, она подошла к бабке Марфе:

— Бабуль, я отвлеку вас на секунду?

Та опешила, однако молча похромала за девушкой, покинув вдову и ее близких. Отошли недалеко, метров на десять.

— Бабуль, можно откровенно, как ведьма — ведьме? — тихо спросила Ольга, слегка нагнувшись к мохнатому бабкиному уху.

— Валяй! — благодушно разрешила та.

— Очки не помогут. Включу прибор — обдрищешься хлеще, чем в прошлый раз. Я обещаю.

Настал момент истины!

Бабка злобно зыркнула прикрытыми очками взглядом и засеменила прочь от Дворца культуры, даже не попрощавшись с родственницами!

Это была чистая победа! Причем — при минимуме имеющихся средств воздействия.

Жаль, что нельзя будет похвастаться Багрову. А так хотелось!

Багров сценки не видел, проскочив в здание чуть раньше.

К началу заседания не то что кресла со скамейками — проходы в зале были заняты!

В траурных одеждах на переднем ряду теперь сидели компактной группой человек сорок. Все взрослые участники некогда всесильного клана пришли поддержать своих.

И вот адвокат Ольга Шеметова начала свою речь:

— Уважаемый суд! Уважаемый председатель! Мы собрались здесь по очень печальному поводу. Погиб человек — Алексей Васильевич Куницын.

Сын, муж, отец. Глава большого, разом осиротевшего семейного клана. Милиционер, четверть века поддерживавший — плохо ли, хорошо ли — порядок в своем селе.

Зал снова был в недоумении. Москвичка опять делала что-то непонятное.

А Шеметова продолжала:

— Мы говорим о преступлении, а надо бы говорить о любви.

Алексей Куницын был наделен божественным даром — любить. Он полюбил раз в жизни, зато — всем сердцем и навсегда. Но дар нужно не только иметь. Его еще надо уметь сберечь.

Любимая женщина вышла замуж за другого.

Это больно. Это страшно.

И вот здесь Алексей Васильевич не понял сам себя. Любовь-то никуда не ушла! Ушла лишь женщина, ее воплотившая.

Будь Алексей Васильевич менее успешен, менее способен, менее самолюбив — может быть, и смирился бы. Ведь любить — даже не взаимно — уже большое счастье.

Но Алексей Васильевич не понял себя.

Он привык бороться с проблемами, как с преступниками. А любовь — не проблема. И не преступник.

Алексей Васильевич потратил на эту борьбу всю свою жизнь. И не только свою. Он недодал счастья родным и близким. Изломал судьбу моего подзащитного. Причинил много горя своей несчастной жене, любимой женщине и ее мужу. Да что там говорить, мы же все с вами слышали и видели на этом процессе. Позвольте, я перейду к фактам...

Дальше, кратко и точно — уложилась в тридцать три минуты — Шеметова подытожила главное, сказанное на процессе. И вернулась к тому, с чего начала:

— Уважаемый суд! Уважаемые граждане!

Мы с вами свидетели, как человек убил свою любовь.

Пытался собственными руками — не получилось. Тогда привлек руки сына своей возлюбленной.

И я прошу уважаемый суд, прошу председательствующего сделать все, чтобы этот выстрел по любви был последним. — Ольга повернулась к своему подзащитному и показала на него рукой:

— В клетке сидит еще один Алексей Куницын. И ему тоже повезло с даром любви. Пожалуйста, сделайте так, чтобы прошлая драма, которая все равно уже случилась, не перечеркнула еще одну молодую жизнь.

— И мою тоже! — крикнула Зойка.

— И ее тоже! — согласилась адвокатесса. — Я прошу вас, — глядя на судью, закончила она, — не наказывайте живого Алексея Куницына строго. Дайте парню шанс. Он больше никогда никого не обидит.

В зале стало совсем тихо.

Даже слышно, как на сцене тикали большие часы в деревянном корпусе-башне.

Денисов предоставил последнее слово подсудимым, но те от него отказались.

Теперь предстояло главное. Судья удалился в совещательную комнату, назначив время вынесения приговора на пять часов вечера.

Он оказался как всегда пунктуален. Ровно в 17.00 Денисов вышел из совещательной комнаты в зал суда, занял свое место и разложил несколько принесенных с собой листов.

Итак, что же постановил суд именем Российской Федерации?

Шеметова чувствовала, как у нее бешено колотится сердце.

При оглашении приговора все встали, включая состав суда. Поскольку зачитывался текст долго, через несколько минут судья разрешил присутствующим сесть.

Конечно, приговор был обвинительный.

Денисов профессиональной скороговоркой зачитывал его содержание. Обычная судебная практика.

Ольга, зажмурив глаза — так почему-то меньше колотилось сердце, — ждала сухие строчки со сроками.

Наконец дождалась.

Ваську, получившего два года условно, освободили прямо в зале. Григоренко снял с него наручники, и Васька растерянно озирался, не понимая, что надо делать дальше. К нему подошла Анна Ивановна, взяла за руку, повела к своим.

Судья начал зачитывать приговор в части второго подсудимого.

И тут...

— Давай! — вдруг яростно крикнула Наталья. Похоже, они решили, что убийцу Алексея Васильевича Куницына тоже сейчас освободят.

Черная толпа с искаженными лицами, как страшная живая масса из фантастического фильма, двинулась по направлению к адвокатам и клетке с подсудимым. Им наперерез кинулись Анна Ивановна, Виктор, еще несколько человек. Впрочем, было очевидно, что их сметут, если не затопчут.

— Оля, беги! — крикнул Багров. — За сценой пожарный выход!

— А ты? — Ольга была по-настоящему напугана, но уйти без Олега ей казалось невозможным.

— Беги, я сказал! — яростно крикнул Багров, протискиваясь в толпе.

Ей оставался только один путь — узкий проход за клеткой, через скамейку конвойной команды. Но бежать не пришлось.

— Ста-а-ять! — раздался даже не крик, а рык Григоренко. И тут же громыхнули два выстрела его нагана. С потолка посыпались меловая крошка и какие-то ошметки. — Не двигаться, вашу мать!!! — Еще один выстрел сотряс здание Дома культуры. — Следующие — в головы!

Несколько секунд — и все успокоилось.

Никуда не сбежавший Денисов — только очки снял и листочки сложил — стукнул своим молотком, восстанавливая тишину, и предупредил:

— Еще кто нахулиганит — пойдет на зону.

Все стихло окончательно.

Он надел очки и продолжил чтение приговора.

Приговор был обвинительный. Статья все-таки сто пятая, а не сто седьмая, затоотягчающие пункты — исключены.

Срок заключения — реальный, но даже меньше, чем просил Багров: шесть лет и шесть месяцев.

— Ура! — тихо сказала Ольга.

— Ура! — громко сказал Багров.

Народ зашумел, бурно выражая радость судебным решением.

Конечно, недовольные были. Тетки в черных платках, пережив позор, были не прочь линчевать молодого Куницына. Другие, наоборот, требовали немедленного освобождения и без того пострадавшего мальчика.

Потом на москвичей налетели счастливые Куницыны.

Хотели даже качать, слава богу, Анна Ивановна отбила.

Адвокаты тепло попрощались с составом суда, с коллегой-противником и в сопровождении посветлевших лицом Лешкиных родителей направились в гостиницу, за вещичками.

Планы были незатейливые.

Сейчас — в Заречье, завтра — отоспаться вволю и на рыбалку, на вечернюю зорьку. В прошлый-то раз так и не попали.

Оказалось, что и в этот раз не попадут.

В гостинице их ждал дед Самсон. Он был вовсе не такой веселый, как обычно.

— Что случилось? — напряглась Анна Ивановна.

— Бежать ей надо, — показал на Ольгу рукой «дружественный колдун».

— Почему? — спросила Ольга, впрочем, уже понимая — почему.

— Ох, злая она на тебя! Я ее такой лет сто не видал, — мрачно сказал дед.

— Слушайте, может, хватит сказок?! — возмутился Багров. Ему хотелось на рыбалку. Все бывали, а он — ни разу в жизни.

— Ты можешь остаться, — сказала Ольга. Ей тоже хотелось остаться. Но в битве с лесными ведьмами она больше не желала рассчитывать только на медиапроектор.

— Ладно, — вздохнул Олег. — Значит, поехали.

Куницыны не стали их уговаривать, рисковать после такой удачи своей спасительницей они не желали.

Виктор быстро заправил «УАЗ», и под благодарственные возгласы остающихся адвокаты поехали в Архангельск.

Дорога была долгая и непростая.

Однако, отъехав километров с восемьдесят, Ольга позволила себе вздохнуть полной грудью и вздремнуть на плече Багрова. Она уже знала: местные ведьмы — опасное оружие, но — ближнего радиуса действия.

Утром прямым рейсом прилетели в Шереметьево.

Еще через два часа были в конторе.

Там все обрадовались — и Волик, и Валентина Семеновна, и Гескин.

И не только обрадовались: секретарь выдала ей приличную стопку денег, вторую часть гонорара Родригеса.

Экспертизу он получил.

Юлия позлобствовала и отказалась от дальнейших претензий, чтобы не влететь в судебные издержки и встречные иски.

— Она тебе опять угрожала, — шепнула Валентина Семеновна. — Давай кинем заявку в отделение. Хуже не будет.

— Не надо, — отмахнулась Ольга. — Думаю, эта история закончена. Так как сильно устали с дороги, сразу поехали на квартиру к Шеметовой.

— Переедешь ко мне? — между делом спросила Ольга.

— Ага, — между делом ответил Олег Всеволодович.

Вот так.

А как же предложение руки и сердца?

Впрочем, Багров ее и без предложения устраивал.

Когда зашли в квартиру, Ольга тут же набрала телефон Родригеса.

Тот очень обрадовался.

— Большое вам спасибо, — сказал Леонард Францевич.

— Не за что, — ответила Ольга. Дело-то, если честно, было пустяковое, при отрицательном анализе на отцовство.

— Вам деньги передали? — поинтересовался он.

— Да, спасибо, — теперь уже она поблагодарила его.

— Я по юридическим вопросам всегда буду к вам обращаться, — пообещал Родригес.

— Отлично! — Шеметова постепенно обзаводилась собственной клиентурой. — А можно странную просьбу?

— Пожалуйста.

— Нельзя ли изредка посылать деньги дочери Юлии? — спросила Ольга. — Небольшие. Можно из моих будущих гонораров.

— Это несложно, но зачем? — несколько удивился клиент. — Мы же только что отбились от ее мамы.

— Ну, — замялась Ольга, — потому что она Леонардовна. Редкое отчество. Ребенку будет приятно.

— Я не подумал об этом, — сказал Леонард Францевич и рассмеялся: — А почему бы и нет? От меня не убудет, а карма слегка поправится.

— Точно! — тоже засмеялась Ольга. — Обязательно поправится!

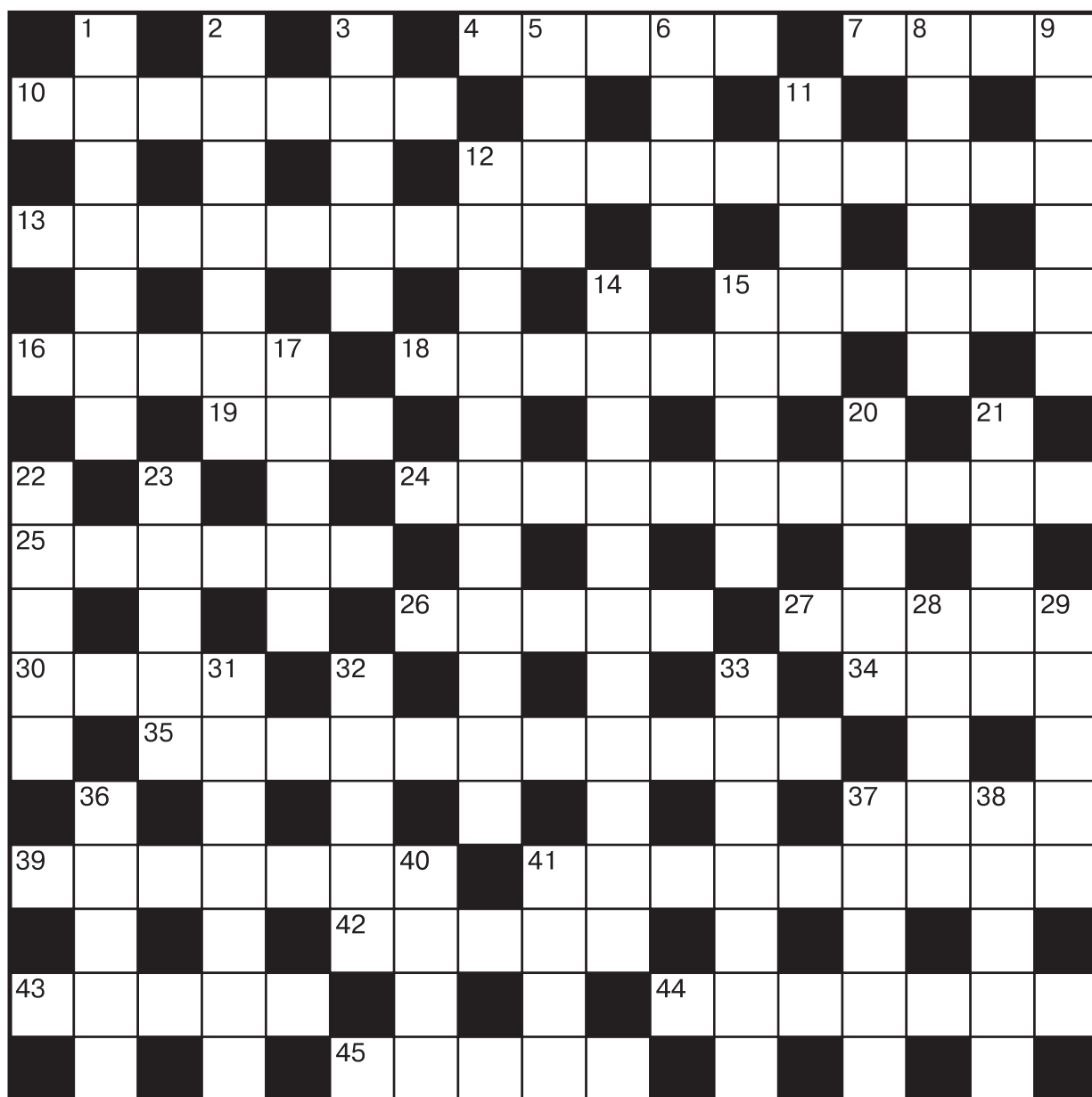
— Все правильно сделала, — одобрил Багров ее инициативу. — Молодец. Во всех отношениях.

Нет, жизнь ее складывалась определенно чудесно.

А что пока предложения не сделал — так какие наши годы? □

***P.S.** Этот роман вряд ли был бы написан без предшествовавших ему, длинных и захватывающих, бесед с Мариной Вячеславовной Кащенко и Александром Всеволодовичем Алексеевым. Тем не менее, все вышеизложенное — это литературно-художественное произведение, в связи с чем претензии от «опознавших себя» персонажей категорически не принимаются.*

КРОССВОРД

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: **4.** «Клубная столица» Средиземного моря. **7.** Что Александр Вампилов полагал «убежищем умных людей от мрачности и грязи»? **10.** Кто песенно рекламирует своих пиявок в фильме про Буратино? **12.** Общество, управляемое бичепсами. **13.** Кто умеет поднимать настроение окружающим? **15.** Город, тесно связанный с мусульманским

пророком Мухаммедом. **16.** Кого из секс-символов советского кино Галина Брежнева лично сосватала за одну из своих подруг? **18.** «Кондитерский хлеб». **19.** Дерево «у лукоморья». **24.** Драматург с большим чувством юмора. **25.** Самый французский из русских салатов. **26.** «Чем более полагаешься на кого-то, тем более шатки твои шансы на ...»

27. Где случайно побывал герой пушкинского «Гусара»? **30.** Личный журнал на просторах Интернета. **34.** На какой ноль ставят игроки? **35.** Какую науку превзошел добрый доктор Айболит? **37.** Где пассажиры по полочкам разложены? **39.** Средство передвижения из фильма «Бриллианты навсегда», купленное Шоном Коннери за 54 тысячи долларов. **41.** Житель «каменных джунглей». **42.** «Я приду к тебе в ... в пять вечера. Если я опоздаю, начинай без меня!» **43.** Звезда мирового кино из бывших колбасников. **44.** Моллюск, чье мясо снижает уровень холестерина. **45.** Какую машину однажды подарил Юрию Стоянову поклонник из Канады?

ПО ВЕРТИКАЛИ: **1.** Пострадавший с на редкость хорошим пиаром. **2.** Языковая трансформация. **3.** Танец под «Амурские волны». **5.** Самый дорогой способ бесплатной стирки белья. **6.** Чему посвящен международный праздник в третью субботу апреля? **8.** Кого из сталинских приспешников считают главным виновни-

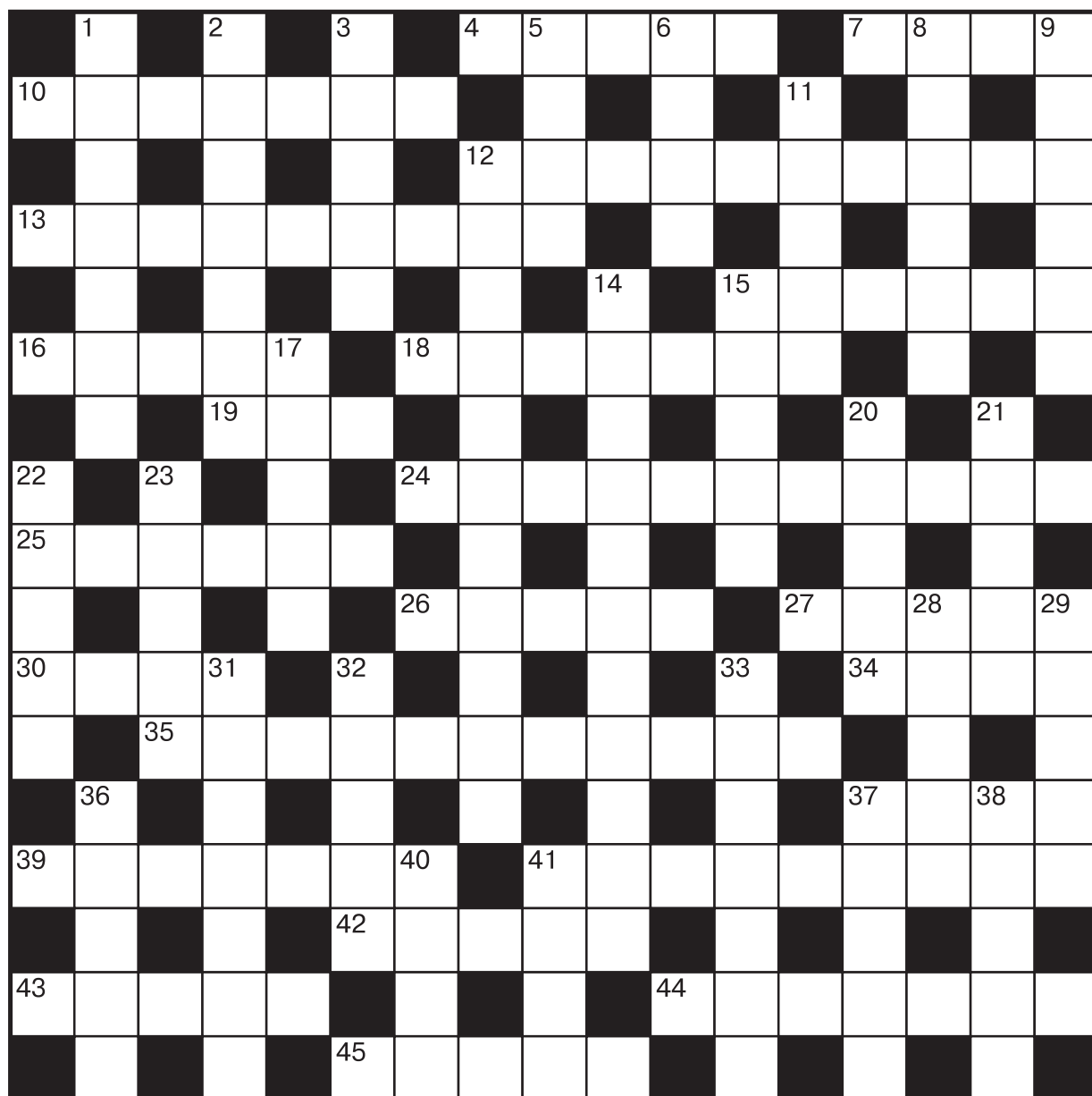
ком гибели маршала Василия Блюхера? **9.** Обряд во всем великолепии. **11.** Какой учащийся присягу принимает? **12.** Похититель гусей среди детей лейтенанта Шмидта. **14.** Какая педаль в автомобиле помогает «гнать на полную катушку»? **15.** Кузьма в соратниках Дмитрия Пожарского. **17.** Актриса, ставшая педагогом для Фаины Раневской. **20.** Что частенько ходят снимать к колдуну? **21.** «Солнца шоколадный грим», что украшает нас жарким летом. **22.** Всегда попадает в эпицентр взрыва. **23.** Кто первым провел в космосе более суток? **28.** Какого легкоатлета «ноги кормят»? **29.** Кто давал уроки музыки дочери Жорж Санд? **31.** «Лучше быть предметом зависти, чем сострадания» (античный историк). **32.** Свиное дополнение к яичнице. **33.** Какое искусство в совершенстве осваивает летчик? **36.** «Я лишь хочу, чтобы взяла ... та девушка, которую люблю». **37.** Русская похлебка из икры с солеными огурцами. **38.** Любимая яхта американского писателя Эрнеста Хемингуэя. **40.** Что весит над заемщиком? **41.** Самый отзывчивый крокодил.

Ответы на кроссворд, опубликованный в №12

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: **3.** Шмидт. **6.** Страус. **10.** Стиль. **12.** Альтернатива. **13.** Стенд. **15.** Горчичник. **17.** Опал. **20.** Вор. **21.** Павлин. **22.** Кит. **24.** Осот. **26.** Налог. **28.** Авангард. **29.** Сезанн. **30.** Дом. **31.** Бог. **33.** Астер. **34.** Стрип. **37.** Борец. **39.** Серов. **40.** Горючее. **41.** Кисет. **42.** Шепот. **43.** Гадалка. **44.** Пикадор. **45.** Гольф. **46.** Штаны.

ПО ВЕРТИКАЛИ: **1.** Ртуть. **2.** Фланг. **4.** Мелочь. **5.** Деточкин. **7.** Трап. **8.** Авиапассажир. **9.** Скарлатина. **11.** Архив. **14.** Доминго. **16.** Кокос. **18.** Сплав. **19.** «Авиатор». **23.** Табор. **25.** Краснодар. **27.** Гейтс. **30.** Дебютант. **31.** Боливия. **32.** Генерал. **35.** Ребенок. **36.** Поводья. **38.** Геккон. **43.** Год.

ЭРУДИТ

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: **4.** Прозвище Луи Армстронга. **7.** Замечено, что ... вылезает из своего убежища, заслышав звуки скрипки. **10.** Чаши для метания у монахов Шаолиня. **12.** Технология обмена файлами в Интернете. **13.** Водопад «гибели и воскрешения» Шерлока Холмса. **15.** С каким чертом «невидимыми нитями» связана фамилия гоголев-

ского охотника за мертвыми душами? **16.** Английский король, в честь которого назвали цветок. **18.** Слуга при храме у древних греков. **19.** Один из трех праведников Ветхого Завета. **24.** Какой из членов МАССОЛИТа со страниц «Мастера и Маргариты» списан Михаилом Булгаковым с Ильи Ильфа? **25.** «Подземная страна» у буддистов. **26.** Неокрашенная джин-

совая ткань. **27.** Нелегально распространяемое программное обеспечение. **30.** Левый столб в притворе храма Соломона. **34.** Замок на французский манер. **35.** Какой цветущий кустарник стал символом Владивостока? **37.** Корейский обряд ублажения «горного духа». **39.** Игра в мяч у древних греков. **41.** Микроскоп, способный передать объемное изображение. **42.** «Счастливая еда» у корейцев. **43.** Какой капитан опустил урну с прахом Жана Габена в морскую пучину? **44.** Квазиспутник Земли. **45.** Крейсер, оборонявший Порт-Артур.

ПО ВЕРТИКАЛИ: **1.** Камерная гробница эпохи мегалита. **2.** Колхидский стиль плавания без рук. **3.** Ржаная лепешка прежде на Руси. **5.** Ящик для узников из фильма «Кин-дза-дза!» **6.** Ритуальные лепешки у японцев. **8.** Византийский налог. **9.** Классический стиль индийского танца. **11.** Какого архангела Бог послал

к Ездre? **12.** На каком немецком курорте умер Антон Чехов? **14.** Что приделал к скрипке немецкий композитор Шпор? **15.** Напиток из верблюжьего молока. **17.** «Тефлоновый дон» итальянской мафии Нью-Йорка. **20.** Старший брат Готфрида Бульонского. **21.** Заменитель мускуса у парфюмеров. **22.** Витой шланг для пейнтбола. **23.** Армянское молодое вино. **28.** Шотландская золотая монета. **29.** Кто сам себе отрезал нос, чтобы овладеть Вавилоном? **31.** Какой античный врач дал классический рецепт амброзии? **32.** Покровитель египтян в борьбе с гиксо-сами. **33.** Какой остров захватил Александр Македонский перед нападением на Индию? **36.** Дата исполнения биржевого контракта. **37.** Тонкий шерстяной шарф у дам. **38.** Жемчужные бусы на кокошнике. **40.** Епископ, «возродивший из небытия» роман «Дафнис и Хлоя» Лонга. **41.** Эфиопское племя. Основу рациона его представителей составляет молоко пополам с кровью коровы.

Ответы на эрудит, опубликованный в №12

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: **3.** Отеть. **6.** Абхаса. **10.** Хазан. **12.** Ноттингемшир. **13.** Кхуан. **15.** Шереметев. **17.** Брез. **20.** «Пик». **21.** Ларрей. **22.** Гед. **24.** Фанк. **26.** Нырок. **28.** Мадригал. **29.** Калиги. **30.** Эко. **31.** Мех. **33.** Рацка. **34.** Видам. **37.** Танур. **39.** Рулет. **40.** Кибинай. **41.** Джонс. **42.** Стрип. **43.** Ринорея. **44.** Крезеис. **45.** Солеа. **46.** Фалья.

ПО ВЕРТИКАЛИ: **1.** Радха. **2.** Ганаш. **4.** Тиофен. **5.** Тотлебен. **7.** Брем. **8.** Ашшурбанипал. **9.** Апрозексия. **11.** Анреп. **14.** Неверия. **16.** Видок. **18.** Альма. **19.** Треджен. **23.** Дыбка. **25.** Калазирис. **27.** Кабир. **30.** Эквикола. **31.** Маджари. **32.** Хуанцзю. **35.** Дуатлон. **36.** Медикер. **38.** Навель. **43.** Рил.

Уважаемые читатели! Открыта подписка на 1-е полугодие 2018 года через редакцию.

1. Оплатить квитанцию на сумму, соответствующую Вашему выбору подписки, в любом отделении Банка или через личный кабинет по реквизитам. 2. Заполнить купон:

Ф. И. О. _____
Дата рождения _____ Индекс _____
Обл./край _____ Район _____
Город _____ Улица _____ Дом _____ Корп. _____ Кв. _____
Код города _____ Телефон _____ Эл. адрес _____

3. Выслать копию купона и оплаченной квитанции по адресу: 127994, г. Москва, ГСП-4, Бумажный проезд, д.14, стр.1 или на электронную почту: sales@smena-online.ru

Стоимость с доставкой простой бандеролью	Стоимость с доставкой заказной бандеролью
За 1 номер — 121 рубль 00 копеек	За 1 номер — 145 рублей 20 копеек
За 6 номеров — 726 рублей 00 копеек	За 6 номеров — 871 рубль 20 копеек

Для чтения журнала в электронном виде (компьютер, iPhone, iPad и иные гаджеты).

Стоимость подписки на 3 месяца	Стоимость подписки на 6 месяцев
132 рубля 00 копеек	264 рубля 00 копеек

* Цены указаны с учетом пересылки, но без учета комиссии банка.

Извещение	ООО «Журнал «Смена» получатель платежа							
	Расчетный счет 40702810410150414401							
	ПАО «Промсвязьбанк» наименование банка							
	Корреспондентский счет 30101810400000000555							
	ИНН 7714026110 КПП 771401001							
	БИК 044525555 Код ОКПО 11396455							
	другие банковские реквизиты							
	Адрес:							
	Ф.И.О.							
	<table><tr><td>Вид платежа</td><td>Дата</td><td>Сумма</td></tr><tr><td>Подписка на журнал «Смена»</td><td></td><td></td></tr></table>			Вид платежа	Дата	Сумма	Подписка на журнал «Смена»	
Вид платежа	Дата	Сумма						
Подписка на журнал «Смена»								
Подпись плательщика								
Кассир Извещение	ООО «Журнал «Смена» получатель платежа							
	Расчетный счет 40702810410150414401							
	ПАО «Промсвязьбанк» наименование банка							
	Корреспондентский счет 30101810400000000555							
	ИНН 7714026110 КПП 771401001							
	БИК 044525555 Код ОКПО 11396455							
	другие банковские реквизиты							
	Адрес:							
	Ф.И.О.							
	<table><tr><td>Вид платежа</td><td>Дата</td><td>Сумма</td></tr><tr><td>Подписка на журнал «Смена»</td><td></td><td></td></tr></table>			Вид платежа	Дата	Сумма	Подписка на журнал «Смена»	
Вид платежа	Дата	Сумма						
Подписка на журнал «Смена»								
Подпись плательщика								
Кассир								

Приглашаем на наш сайт: <http://smena-online.ru/>

Уважаемые читатели!

С 1 октября открыта подписка на 1-е полугодие 2018 года на журнал «Смена» во всех отделениях почтовой связи.

ОФИЦИАЛЬНЫЙ КАТАЛОГ ФГУП «ПОЧТА РОССИИ» «ПОДПИСНЫЕ ИЗДАНИЯ»		Индекс П2446 — льготный (11 категорий) Индекс — П2431 — для всех подписчиков Индекс — П3292 — годовая подписка online сервис www.podpiska.pochta.ru
КАТАЛОГ «ГАЗЕТЫ ЖУРНАЛЫ АГЕНТСТВА «РОСПЕЧАТЬ»		Индекс 71518 — льготный — для пенсионеров, инвалидов и ветеранов Индекс 70820 — для остальных подписчиков Индекс 70656 — годовая подписка
КАТАЛОГ РОССИЙСКОЙ ПРЕССЫ		Индекс 99406 — для всех подписчиков возможность оформления подписки через сайт www.vipishi.ru
ОБЪЕДИНЕННЫЙ КАТАЛОГ «ПРЕССА РОССИИ»		Индекс 88998 — для всех подписчиков

* Подписные индексы действительны для подписчиков Российской Федерации

Вы можете приобрести журнал
в магазине «Библио-Глобус»

Вы можете приобрести журнал
в магазине «Московский дом
книги на Новом Арбате»

Вся
пресса
в одном
месте!

ВНИМАНИЕ, ! КОНКУРС !

Дорогие читатели!

Когда в нашей жизни что-то случается неприятное, мы обычно ссылаемся на невезение, рок или судьбу и никогда не задумываемся над тем, что та же «судьба» порой посылает нам в помощь определенные знаки, которые надо только разглядеть и понять.

Нам интересно, а были ли у вас такие ситуации, когда некий «знак свыше» помог вам найти правильное решение или что-то изменить в вашей жизни в лучшую сторону. Вот мы и решили в 2018 году объявить среди наших подписчиков

новый конкурс «Знаки судьбы».

Ждем ваших интересных историй!

Тексты с пометкой «На конкурс» принимаются объемом 5–10 страниц (до 25 000 знаков) в электронном виде на адрес:

tomasmena@mail.ru до 20 ноября 2018 года.

Не забудьте указать свой возраст и профессию.

Итоги, как всегда, будут подведены в конце года и опубликованы в 1-м номере 2019-го. Лучшие истории мы опубликуем на страницах журнала и на нашем сайте, а трое победителей получают премии в виде бесплатной подписки на журнал «Смена».

Первая премия — бесплатная годовая подписка

Вторая премия — бесплатная годовая подписка на электронную версию журнала

Третья премия — бесплатная полугодовая подписка

*Ждем от вас интересных историй.
Удачи, друзья!*

